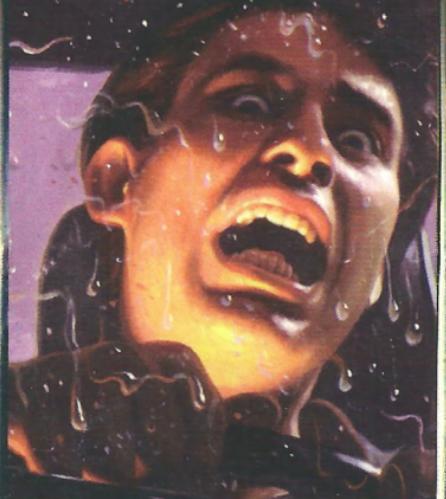

Душа тьмы

Душа тьмы

Душа тьмы

Душа тьмы

Душа тьмы

DEAN R.

KOONTZ

A Darkness In My Soul

A Novel, Short Stories

ДИН
КУНЧ

Душа тьмы

Роман

Москва
ЦЕНТРОПОЛИГРАФ
2002

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)
К91

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

*Иллюстрация на обложке печатается
с разрешения художника
и литературного агента А. Корженевского*

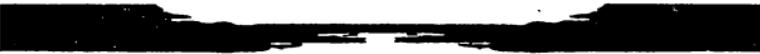
Состав, перевод на русский язык
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

Художественное оформление
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

ISBN 5-227-01270-9

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Душа тьмы

Роман

Часть первая

БОЖЕСТВЕННОСТЬ УНИЧТОЖЕННАЯ...

Глава 1

Долгое время я размышлял, по-прежнему ли «Дрэгонфлай» летает в небесах и не плывут ли все так же в безвоздушном пространстве Сферы Чумы, пялясь в пустоту слепыми глазами. Я размышлял о том, глядят ли еще люди на звезды с трепетом и выносят ли еще небеса зловредную рассаду человечества. Я никоим образом не могу проверить это, ибо обитаю нынче в аду, куда о живущих доходят лишь обрывочные новости.

Я был экспером — копателем в мозгах, экскурсантом в чужих головах. Я подсматривал. Раскрывал тайны, распознавал ложь и продавал все это. На некоторые вопросы никогда не найти ответа, ибо есть области человеческого сознания, недоступные анализу. Однако существует любопытство — одновременно и наше величайшее достоинство, и наш самый тяжкий грех. И в моем мозгу коренилась сила, способ-

ная удовлетворить всякое любопытство, какое только пробуждалось во мне. Да, я подглядывал... Я обнаружил! Я узнал! И тогда в душе моей поселилась тьма, не сравнимая с тьмою космических глубин, что разделяют галактики, — кромешная тьма без единого проблеска.

Все началось с резанувшего по нервам телефонного звонка — согласитесь, вполне заурядное начало.

Я отложил книгу, которую читал, поднял трубку и, вероятно нетерпеливо, сказал:

— Алло!

— Симеон? — донесся далекий голос. Мое имя произнесли правильно — Симеон.

Это был Харри Келли, смущенный и растерянный, чего прежде с ним никогда не случалось. Я узнал его голос, а когда считал его мысли, увидел, что он стоит в незнакомой мне комнате, нервно постукивая пальцами по дубовой столешнице. Стол уставлен контрольными панелями с тремя телефонами, тремя трехмерными телеэкранами для наблюдения за межофисной деятельностью — рабочее место не самого маленького человека.

— В чем дело, Харри?

— Сим, у меня есть для тебя работа. Если хочешь, конечно. Впрочем, браться за нее вовсе не обязательно.

Келли уже давным-давно выступал моим официальным агентом и примерно раз в неделю зво-

нил мне по подобным же поводам. Однако сейчас его голос звучал взволнованно, и это заставило меня насторожиться. Я мог бы поглубже проникнуть в его мозг, пробраться сквозь пласти мыслей и отыскать причину тревоги. Но он был единственным человеком в мире, в мозгах которого я не копался по сугубо личным причинам. Он заслужил свою неприкословенность, и ему нечего было беспокоиться.

— К чему такая нервозность? Что за работа?

— Куча денег, — ответил он. — Слушай, Сим, я знаю, как ты ненавидишь эти помпезные правительственные контракты. Если ты возьмешься за эту работу, то очень долго не будешь нуждаться в деньгах. Тебе больше не придется копаться в сотне государственных умов в неделю.

— Не говори ничего больше, — быстро отреагировал я. Харри отлично знал мои привычки и коль скоро полагал, что гонорар вполне достаточен, чтобы я мог хорошо пожить некоторое время, то покупатель был щедр. У всех нас есть своя цена. Моя просто немного выше, чем у остальных.

— Я в комплексе Искусственного Сотворения. Мы ждем тебя через... скажем, двадцать минут.

— Еду.

Я бросил трубку и попытался изобразить энтузиазм. Но желудок выдал мои истинные чув-

ства, отреагировав острой изжогой. Где-то в глубине подсознания возник Страх и повис надо мною, пялясь глазищами размером с тарелку и дыша огнем из черных ноздрей. Здание ИС-комплекса — утроба, моя колыбель, первые мгновения моей жизни...

Меня так скрутило, что я едва дополз до постели, к этому времени почти готовый наплевать на все щедрые посулы. ИС-комплекс был последним местом на Земле, в которое я хотел ехать, особенно ближе к ночи, когда все кажется более зловещим, а воспоминания расцвечиваются яркими красками. И все-таки две причины удержали меня от того, чтобы улечься в постель. Во-первых, я и в самом деле получал мало удовольствия от проверок на лояльность, которые проводил на государственной службе, — там, правда, платили прилично, но взамен требовали не просто выслеживать предателей, но и распознавать отклонения (как определяло это правительство) в частных делах и убеждениях тех, кого я сканировал. Во-вторых, пообещал Харри приехать, а на моей памяти не было ни единого случая, когда этот сумасшедший ирландец подвел бы меня.

Я проклял породившую меня утробу, призыва богов расплавить ее пластиковые стены и сделать так, чтобы короткое замыкание поразило все бесконечные мили его тончайших медных проводов.

Однако, почем свет ругаясь про себя, я оделся, обулся и накинул тяжелое пальто из ворсистой ткани — одну из популярных северных моделей. Дело в том, что, не вмешайся Харри Келли, был бы я сейчас кем-то вроде заключенного или превентивно охраняемого, и молодцы в федеральной форме торчали бы у моих окон и дверей. Когда команда ИС-комплекса обнаружила мои выдающиеся таланты, ФБР вынудило их взять меня под охрану, ибо «национальный ресурс» должен быть под федеральным контролем ради «процветания нашей великой страны и укрепления безопасности Америки». Именно Харри Келли, прорвавшись через словесные хитросплетения, назвал действия спецслужб своими именами — «незаконное и аморальное заключение под стражу свободного гражданина». Он блестяще провел законодательные баталии с девятью стариками в девяти допотопных креслах и выиграл. Я был девятилетним ребенком, когда он это сделал; с тех пор минуло двенадцать лет.

На улице шел снег. Резкие очертания ветвей кустарников и деревьев растушевывал снежный покров. Мне пришлось чистить ветровое стекло ховеркара — автомобиля на воздушной подушке, и это занятие помогло мне немного успокоиться. Подумать только, в 2004 году наука еще не изобрела средства от обледенения!

На первом же перекрестке горел красный свет, а тротуар перегородил перевернутый серый полицейский «ревунок», похожий на выброшенного на берег кита. Его тупой нос проторанил витрину небольшого магазина одежды, на крыше еще вращалась мигалка. Тонкий хвост удущливого дыма поднимался из покореженной и согнутой выхлопной трубы, серыми клубами зависая в холодном воздухе. Кругом выстроилось больше двадцати копов в форме, хотя не было заметно ни малейших признаков опасности. Снег вокруг истоптали до такой степени, точно тут произошла большая драка. Я проехал мимо, повинувшись знаку сурового патрульного в форменной куртке с меховым воротником. Никто даже не взглянул на мою машину, и я лишился возможности отсканировать мозги полицейских и разрешить загадку происшедшего так, чтобы они ни о чем не догадались.

Я прибыл к зданию ИС-комплекса, припарковал машину и, выйдя из нее, спросил у дежурного морского пехотинца:

— Вы знаете что-нибудь насчет «ревунка» на Седьмой? Он перевернулся набок и врезался в магазин. Там куча копов.

Дежурный, здоровенный мужик с квадратной головой и плоской физиономией, которая казалась нарисованной, брезгливо сморщился, будто в нос ему ткнули включенную взбивалку для яиц.

— Все эти крикуны, которые за мир, — буркнул он.

Я не видел причины, побудившей бы его солгать мне, а потому не стал понапрасну тратить энергию на считывание его мыслей.

— Я думал, что с ними покончено, — сказал я.

— Да все так думали, — ответил пехотинец. Парень явно ненавидел «этих крикунов, которые за мир», как, впрочем, и большинство тех, кто носит форму. — Комитет конгресса по исследованиям решил, что добровольческая армия — это хорошая идея. Мы не прогадим страну, как говорят эти шептуны. Уж поверь, браток, мы не подведем! — И он уселся в мою машину, чтобы отогнать ее на стоянку.

А я тем временем вызвал лифт, шагнул в его раскрытую пасть и поехал. От нечего делать скорчил пару рож камерам наблюдения и прочел несколько грязных лимериков.

.Когда лифт остановился и двери открылись, меня поприветствовал еще один морской пехотинец, потребовав приложить указательный палец к идентификационной панели для проверки, что я и сделал. Затем он провел меня к другому лифту, мы поехали вверх.

Миновав множество этажей, оказались в коридоре со стенами кремового цвета, прошли его почти до конца и шагнули в проем шоколадно-коричневой двери, отъехавшей в сторону по команде офицера. За ней простиралась

комната с алебастровыми стенами, на которых через каждые пять футов были нарисованы шестиугольные значки яркого красного и оранжевого цветов. В черном кожаном кресле сидел маленький уродливый ребенок. Позади стояли четверо взрослых. Они смотрели на меня так, будто надеялись услышать какие-то невероятно важные слова.

А я вообще ничего не сказал.

Ребенок поднял голову. Его глаза и рот почти совсем утонули в морщинах столетнего старца — складках серой мертвенної плоти. Я попытался взглянуть на него по-иному, увидеть в нем старика. Но нет, это был ребенок, о чем свидетельствовало нечто неистребимо детское, не соответствовавшее старческому виду. Он заговорил, и голос его прозвучал как треск папируса, разворачиваемого впервые за тысячелетие, а сам он вцепился в кресло и сощурил и без того узкие глаза.

— Это ты, — сказал он, и слова эти прозвучали как обвинение. — Это за тобой они посыпали.

Впервые за многие годы я испугался. Понятия не имея, чего именно боюсь, испытывал глубочайшую безотчетную неловкость, куда более жуткую, чем Страх, который поднимался в моей душе, когда по ночам я размышлял о своем происхождении и о том кармашке пластиковой утробы, из которой вышел.

— Ты, — повторил ребенок.

— Кто он? — спросил я у сбираща военных.

Никто из них не поторопился с ответом, точно желая удостовериться, что уродец в кресле сказал все.

Не все.

— Ты мне не нравишься, — через мгновение заявил он. — И здорово пожалеешь о том, что пришел сюда. Уж я об этом позабочусь.

Глава 2

— Такова ситуация, — сказал Харри, откидываясь на спинку кресла. Он по-прежнему нервничал. Его ясные голубые глаза явно старались не встречаться с моими, а потому с преувеличенным вниманием изучали обои на стенах и царапины на мебели.

Меня же неотступно преследовали глаза этого древнего ребенка. Они злобно щурились, полыхали, словно угли под переплетением гнилых стеблей. Я чувствовал, как растет в нем ненависть — не столько ко мне (хотя и ко мне тоже), сколько ко всем, ко всему на свете. В мире, похоже, не было ничего, что не вызывало бы у этого уродца презрения и отвращения. Он был куда худшим отбросом утробы, чем я. И снова работавшие здесь врачи и конгрессмены, которые поддерживали этот проект, могли трезво-

нить: «Искусственное Сотворение работает на благо нации!» Оно сотворило меня. И восемнадцать лет спустя разродилось этим извращенным супергением, который в свои всего-то три го-да от рода выглядел древним реликтом. Второй успех за четверть столетия работы.

Для правительства это была победа. . .

— Не знаю, смогу ли этим заниматься, — на-конец сказал я.

— Почему бы нет? — спросил здоровенный облом, которого остальные называли генералом Морсфагеном. Этот человек казался высеченным из гранита: широченные плечи и грудь (должно быть, костюмы ему шьют на заказ), осиная талия и короткие ноги боксера. А ручищи — такими только подковы в цирке гнуть.

— Я не знаю, чего от него ждать. Он думает со-всем иначе. Поверьте, я сканировал военных, со-трудников ИС-комплекса и ФБР, не говоря уж обо всех прочих, и безошибочно распознаю пре-дателей и тех, кто может стать слабым звеном в системе обеспечения безопасности. Но никогда мне не попадалось ничего похожего. Я не могу разобраться...

— А вам и не нужно ни в чем разбираться, — резко бросил Морсфаген, кривя тонкие губы. — Я думал, вам это ясно дали понять. Маленький уродец может формулировать теории в разных областях — как полезных, вроде физики и химии, так и бесполезных, вроде теологии. Но каждый

раз, когда мы вытягиваем из него эти чертовы теории, он пропускает самые необходимые куски. Мы и страшали его, и пробовали задобрить. Но, к несчастью, ему не ведомы ни страх, ни какие-либо притязания. — Генерал едва не сказал «пытали» вместо «страшали», но его внутренний цензор без малейшей заминки заменил слово. — Вы просто влезьте в его голову и удостоверьтесь, что он ничего не скрывает.

— Так сколько это стоит, вы сказали? — спросил я.

— Сто тысяч кредитов в час.

Ему явно стоило мучительных усилий выдать из себя эти слова.

— Удвойте сумму, — сказал я.

Для многих людей и тысяча превышала годовое жалованье, при нынешней-то инфляции.

— Что?! Это абсурд! — взорвался Морсфаген.

Он тяжело дышал, но другие генералы даже не вздрогнули. Я считал их мысли и обнаружил, что, помимо всего прочего, ребенок почти полностью выдал им устройство сверхсветового двигателя, который мог сделать возможным межзвездные путешествия. Ради того только, чтобы добить недостающую информацию, им не жалко было миллиона в час, и более никто не находил мои требования абсурдными. Я получил свои две сотни кусков, а в придачу и право потребовать больше, если работа окажется сложнее, чем я предполагал.

— Без своего крючкотвора ты вкалывал бы за комнату и кормежку да еще спасибо говорил бы! — огрызнулся Морсфаген, и физиономия у него при этом была отвратительная.

— А вы без ваших латунных медалек были бы уличным панком, — парировал я, улыбаясь знаменитой улыбкой Симеона Келли.

Генералу очень хотелось ударить меня. Он сжал кулаки так, что казалось, костяшки готовы прорвать кожу.

Я, не таясь, смеялся над ним.

Нет, он не рискнул ударить меня: слишком я был ему нужен.

Уродливое дитя тоже засмеялось, сложившись пополам в своем кресле и хлопая старчески дряблыми ручонками по коленям. Это был самый жуткий смех, какой только мне приходилось слышать. В нем звучало безумие.

Глава 3

Свет постепенно угасал. Машины были сдвинуты в сторону и теперь стояли, наблюдая и торжественно фиксируя все происходящее.

— Эти шестиугольные знаки, которые вы видите на стенах, — часть только что завершенной предгипнотической подготовки. После того как он впадет в транс, мы введем ему в яремную вену двести пятьдесят кубиков цинамида. — Оде-

тый в белое директор медицинской команды говорил с приятной прямотой, но так равнодушно, словно обсуждал действие одного из своих приборов.

Ребенок сидел напротив меня. Глаза его по-мертвели — проблеск мысли исчез из них, и ни-что не пришло ему на смену. Меня уже меньше ужасало его лицо. Однако я ощущал холодок в животе и жжение в груди, точно что-то рвалось из меня наружу.

— У него есть имя? — спросил я Морсфагена.
— Нет.
— Нет?!
— Нет. Ему, как обычно, присвоен кодовый номер. Этого нам вполне достаточно.

Я снова посмотрел на уродца. И в глубине души (некоторые церкви отказывают мне в праве на нее, но ведь церкви отказывают людям во множестве вещей по множеству причин, а мир все еще вертится) понял, что во всей Галактике, во всей огромной Вселенной, в миллионах обитаемых миров, которые, возможно, плывут в ее просторах, не существует имени для этого ребенка. Просто Ребенок. С заглавной буквы.

Медики тем временем продолжали свое дело.
— Еще пять минут, — сказал Морсфаген. Он обеими руками вцепился в подлокотники своего кресла. Теперь, однако, это был не приступ гнева, а лишь ответная реакция на переполнявшее комнату напряжение.

Я кивнул, взглянув на Харри, который настал на своем присутствии при первом сеансе. Он все еще не отошел после сражения с этими монстрами. Я чувствовал себя так же неуютно и, пытаясь избавиться от этого чувства, обернулся к Ребенку и подготовился к атаке на неприкосновенность его мозга.

Легко переступив порог, я рухнул во мрак его разума...

...и, очнувшись, увидел белые лица с черными дырами вместо глаз. Они бормотали на чужом языке и тыкали меня холодными инструментами.

Когда мое зрение прояснилось, я увидел странную троицу — Харри, Морсфагена и какого-то медика, который считал мне пульс, прищелкивая языком, как будто полагал, что именно так и должны вести себя доктора, оказавшись не в состоянии сказать чего-либо умного.

— Ты в порядке, Сим? — спросил Харри.

Морсфаген оттолкнул моего стряпчего (агента, почти отца) и склонился надо мной. У него было костистое лицо, и я видел волоски в его ноздрях.

— Что случилось? В чем дело? Тебе не заплатят, если не добьешься результата.

— Я не был готов к тому, что обнаружил, — сказал я. — Все просто. И не нужно истерик.

— Но ты кричал и стонал, — запротестовал Харри, втискиваясь между мною и генералом.

— Не волнуйся.

— Так что ты нашел неожиданного? — спросил Морсфаген. Он был скептиком, и, по его мнению, я мог встревожиться больше, но никак не меньше.

— У него нет никаких осознанных мыслей. Там просто огромная яма, и я упал в нее, ибо мне не на что было опереться. Очевидно, все его мысли — или же большинство их — исходят от того, что мы считаем подсознанием.

Морсфаген подался назад.

— Так ты не можешь достичь его?

— Я этого не сказал. Теперь, когда уяснил, что там есть и чего нет, все, надеюсь, будет в порядке.

Я с усилием сел: комната перестала наконец вращаться у меня перед глазами, шестиугольники на стенах и световые пятна замерли. Я взглянул на свои часы с картиной Эллиота Гоулда на крышке, высчитывая время, и сказал:

— С вас примерно сто тысяч кредитов. Положите их на мой счет или как?

Он брызгал слюной, бушевал, рычал. Он извивался. Он цитировал правительственные тарифы для служащих и Акт о правах наемных служащих 1986 года, параграф два, пункт три.

Я невозмутимо наблюдал.

Он гарцевал по комнате. Он рвал и метал. Он требовал сказать, что я такого сделал, чтобы требовать платы. Я ему не ответил. Немного

передохнув, он принялся бушевать снова. Однако в конце концов выписал чек, в отчаянии шарахнул кулаком по столу и удалился из комнаты, назначив мне время следующего сеанса.

— Не испытывай судьбу, — немного погодя посоветовал мне Харри.

— Не судьбу, а важность собственной персоны, — возразил я.

— Он законченный ублюдок и не сдаст своих позиций.

— Я знаю. Потому и подкалываю его.

— Это что, мазохизм?

— Да нет, это все мой «синдром Бога». Я просто проверял одно из своих знаменитых заключений.

— Послушай, — сказал он, — ты можешь выйти из этого дела.

— Нам обоим нужны деньги. Особенно мне.

— Есть вещи поважнее денег.

Ассистент, выносивший оборудование из комнаты с гексаграммами на стенах, оттолкнул нас с дороги.

— Важнее денег?

— Так говорят...

— Только не в этом мире. Тебя неправильно информировали. Нет ничего важнее денег, когда являются кредиторы или когда приходится выбирать — жить в нищете или в богатстве.

— Иногда мне кажется, что ты слишком циничен, — сказал Харри, поглядев на меня одним

из тех отеческих взглядов, право на которые я унаследовал вместе с его фамилией.

— С чего бы это? — спросил я, застегивая пальто.

— Похоже, из-за того, что они пытались сделать с тобой. Ты должен об этом забыть. Больше общаться. Встречаться с людьми.

— Я так и делал. Но, видимо, совсем их не люблю.

— Есть одна старая ирландская легенда, в которой говорится...

— Во всех старых ирландских легендах говорится об одном и том же. Послушай, Харри, все они, кроме тебя, пытаются меня использовать. Хотят, чтобы я выслеживал, не спят ли с кем-нибудь другим их жены, или обнаруживал любовниц их разлюбезных муженьков. А если приглашают меня на свои вечеринки, то единственно затем, чтобы я продемонстрировал им пару забавных трюков. Мир сделал меня циничным, Харри, и укрепляет на этих позициях. Так что давай поведем себя разумно и подзаработаем на моем цинизме. Вполне вероятно, что, если какой-нибудь психиатр сделает меня вполне счастливым и примирит со мной же самим, мой талант попросту исчезнет.

Я вышел прежде, чем он нашелся с ответом, и, когда закрыл за собой дверь, мимо меня на каталке провезли Ребенка. Его пустые глаза были устремлены на светлый потолок.

Снаружи продолжал падать снег. Волшебные искорки. Кристальные слезы. Сахар с небесного пирога. Я старался выдумать побольше милых метафор — может быть, желая доказать, что не так уж циничен.

Я сел в ховеркар, кивнул морскому пехотинцу, который его пригнал, и, резко развернувшись, выехал на улицу. Белая пелена падающего снега сомкнулась позади, скрыв из виду здание ИС и все, что я стремился оставить позади...

Книга лежала рядом со мной — супербложкой вниз, потому что там ее портрет. Я не хотел видеть янтарные волосы и капризно изогнутые губы. Эта картина была мне отвратительна — и непонятно почему зачаровывала.

Я включил радио и прислушался к скучному голосу диктора, одинаково приятным тоном ведавшего об излечении рака и гибели сотен людей в авиакатастрофе. «Сегодня днем Пекин объявил о создании оружия, эквивалентного Сферам Чумы, оно запущено вчера Западным Альянсом... («Па-чанга, па-чанга, сисс, сисс па-чанга», — вплеталась в обзор новостей латиноамериканская музыка, передаваемая по другому каналу.) ...согласно азиатским источникам информации китайское оружие представляет собой серию платформ... («Са-баба, са-баба, по-по-па-чанга».) ...за пределами атмосферы Земли, способных за-

пускать ракеты, содержащие вирулентный мутатированный возбудитель проказы, который может заразить обширные территории... (Гайморит можно за час безболезненно вылечить в клинике на Вест-Сайд, уверяла меня другая станция.) ...Новые маоисты заявили сегодня, что они уверены...»

Я выключил радио.

Отсутствие новостей — уже хорошие новости. Или, как большинство людей могли бы сказать в тот славный год: все новости — плохие. Угроза войны так ощутимо нависла над миром, что у Атланта наверняка трещала спина. По сравнению с восьмидесятыми и девяностыми годами двадцатого века — периодом мира и добродой воли — последние четырнадцать лет были ужасны, потому-то юные борцы за мир и настроены столь воинственно. Они никогда не знали мира и жили с убеждением, что власти предержащие всегда связаны с оружием и разрушением. Возможно, будь они постарше и успей застать времена до «холодной войны», их пламенный идеализм превратился бы в отчаяние, как у большинства. В последние предвоенные годы я был еще слишком мал, но едва достигнув двух лет, умел читать, а в четыре года говорил на четырех языках. И уже тогда боялся. Теперь хаос прямо-таки сводит меня с ума.

Много чего случилось. Угроза всепланетной эпидемии чумы. Ядерный инцидент в Аризо-

не, унесший тридцать семь тысяч жизней, — чудовищная цифра, неспособная даже вызывать эмоции: поистине, смерть одного — трагедия, смерть тысяч — статистика. Ищёйки Андерсона успели заразить половину страны, прежде чем люди из биохимических подразделений смогли усмирить продукт собственного эксперимента. И конечно же творения лабораторий ИС-комплекса, их ошибки — несчастные со-здания, которых отсыпали гнить в лишенные света клетки под предлогом необходимости «по-стоянного профессионального лечения». Так или иначе, я выключил радио.

И стал думать о Ребенке.

Не нужно мне было браться за эту работу — я знал это.

И знал, что не отступлюсь.

Глава 4

Дома, в тепле, чувствуя себя защищенным среди любимых книг и картин, я снял суперобложку, чтобы невзначай не увидеть женского лица на ней, и начал читать «Лилию». Это был роман, которому присуща чарующая мистика, вовсе не сродни надуманной прозе, созданной в угоду среднему читателю, стремящемуся хоть на несколько часов сбежать от действительности. В восхищении одолевая главу за главой,

между строк я непрестанно видел лицо, которое вот уже несколько дней пытался забыть...

Янтарные волосы, прямые и длинные.

— Видишь ту женщину? Вон там. Это Марк Аврелий. Автор полуpornографических книжек — «Лилия» и «Тела во тьме».

Точеное лицо, молочная кожа.

Зеленые глаза — слишком большие, но в них ничего от мутанта.

Таким же точеным, манящим, влекущим было и ее тело.

Ее...

Я пропустил мимо ушей то, что этот тип говорил о ней, все эти ядовитые шпильки, и смотрел на янтарные волосы, кошачьи глаза, тонкие пальцы, поправляющие волосы, касающиеся бокала с джином...

Дочитав книгу до конца, я встал и налил себе скотча, разбавив его водой, — бармен из меня никудышный.

Я потягивал скотч и пытался вообразить, будто уже хочу спать. Безрезультатно. Вышел во внутренний дворик на склоне горы, которая принадлежала мне, и стал смотреть на падающий снег.

В конце концов продрогнув, возвратился в дом. Раздевшись, улегся в постель и, уютно угнез-

дившись под одеялом, принялся думать о снегопаде, представляя себе высящиеся сугробы, чтобы заснуть.

Но сон по-прежнему не шел. Я выругался, вылез из-под одеяла, плеснул себе еще скотча и снял телефонную трубку — именно это и следовало сделать сразу после того, как перевернул последнюю страницу романа.

Логики в своих действиях я отыскать не мог, но временами физиология подавляет разум, что бы там ни говорили защитники цивилизованного общества.

Я позвонил в справочную и спросил номер Марка Аврелия. Дежурная отказалась назвать мне настоящее имя и телефон женщины, скрывающейся под этим псевдонимом, но я просканировал директорию ее компьютера: «МАРК АВРЕЛИЙ, ИЛИ МЕЛИНДА ТАУСЕР, 22-223-296787 (НЕ ВЫДАЕТСЯ)».

Быстро извинившись, повесил трубку и набрал украденный номер.

— Алло? — Голос звучал деловито, но в нем слышался волнующий оттенок.

— Мисс Таусер?

— Да, слушаю вас.

Я представился и сказал, что она, возможно, слышала обо мне. Так оно и оказалось, и не стану отрицать, мне было приятно. Казалось, будто неведомая сила овладела мной и руководит моими действиями, говорит за меня, в то время

как я сам порываюсь повесить трубку, убежать, скрыться.

— Я слежу за вашими подвигами, — призналась она. — По газетам.

— А я прочел ваши книги...

Она молчала, дожидаясь продолжения.

— ...и у меня такое чувство, будто моя биография подошла к концу, — посетовал я. — Прежде мне удавалось сопротивляться постороннему влиянию. Я боялся его, как первобытный человек, который думает, что фотограф заключает его душу в снимок. Но с вами все иначе. Меня очаровала ваша работа.

Я предложил отвести ее куда-нибудь пообедать, услышав в ответ, что в этом нет необходимости. Я настаивал, но, по ее мнению, в ресторанах было слишком шумно, чтобы говорить о делах. Пока мы строили планы, я поведал о моем поваре. Так что обедать мы условились у меня.

Мы поговорили еще немного, и в заключение я сказал:

— Прекрасно. Так я жду вас завтра к обеду в семь вечера.

Я вышел во дворик и допил свой скотч — в горле у меня пересохло, тело сотрясала дрожь.

Глупо. С чего бы мне бояться свидания с женщиной? Я часто встречался с известными и образованными дамами, женами чиновников или теми, которые сами занимали значитель-

ную должность. Да, сказал я себе, встречался, но те были другие — не так молоды и красивы. Вот где таились истоки моего страха.

В два часа ночи, так и не сумев заснуть, я выполз из постели и побрел по череде темных комнат. Мой дом — прекрасное местечко, с театром, комнатами для игр, тиром и прочей роскошью. Но я не находил утешения, обозревая свои владения. Потом вошел в рабочий кабинет, закрыл дверь и, не включая света, огляделся. Машина стояла в углу — тихая, уродливая. Вот то, в чем я нуждаюсь в первую очередь, хотя и не сразу, через несколько минут, но все-таки удалось осознать мне.

Подголовник, утыканый электродами и проводами, выглядел зловеще.

Но мои нервы требовали успокоения.

Кресло походило на язык неведомого зверя, пожирателя людей и похитителя душ. Это пока пустующее место могло высосать меня единственным глотком. Я испытывал перед ним страх, но мне требовалось успокоение. Руки мои дрожали, угол рта подергивался в тике. Я напомнил себе, что раньше не знали преимуществ портер-райнеровского психоаналитика и что множество людей даже в наши дни, при современном уровне техники, не могут себе такого позволить. Я подавил в себе ужас перед пустотой, способной поглотить меня. Этого оказалось достаточно.

Я сел в кресло.

Голова коснулась подголовника.

Мир стремительно закружился, а потом сине-зашла темнота, а пальцы шарили там, где их не должно быть, а моя душа была расколота подобно ореху, и содержимое ее вытащено наружу для изучения.

Материя принимает тысячи обличий, но ее нельзя ухватить и удержать, чтобы заставить предсказать будущее...

Жизнь вспыхивает и замирает, как замерзшее пламя. Очень слабое сознание присутствовало даже в утробе с мягкими пластиковыми стенками, в котором хитроумные приборы поддерживали подходящий режим.

Он взглянул на источники света над головой и почувствовал человека по имени Эдисон. Он ощущал нити, волокна, — а нить, связывавшая его в утробе, в это время рвалась, словно пуповина младенца, рассекаемая ножом...

Там были металлические руки, укачивавшие его...

...и... и... там... и...

СКАЖИ ЭТО БЕЗ ЗАИКАНИЯ!

Голос шел отовсюду, он рокотал, полный глубинной силы и страсти, — и в то же время успокаивал.

И там были искусственные груди, чтобы кормить его...

...и... и...

НУ, ДАВАЙ!

Компьютерный психозонд подражал рассказам грома и звуку цимбал.

И там были обвитые проводами руки, укачивавшие и баюкавшие его, и он выглянул из своих пеленок и... и...

ДАВАЙ!

...и увидел безносую маску с пустыми хрустальными глазами, в которых отражалось его покрасневшее лицо. Неподвижные черные губы вполголоса напевали: «Спи-и, моя радость (ти-и-тр-р), усни-и...» Все эти «ти-и-тр-р», время от времени встревавшие в колыбельную, сопровождали, как он обнаружил, смену в голове его «матери» пленок с записями. Он искал запись собственного голоса. Ее не было.

НУ, ДАВАЙ ЖЕ, ДАВАЙ!

Он оглядился, и вместе с проникновением в суть вещей пришло понимание, и...

ЕСЛИ ТЫ БУДЕШЬ ЗАИКАТЬСЯ, ТО ПРОИГРАЕШЬ.

— Я ничего не помню после этого.

ПОМНИШЬ.

— Нет!

ДАДАДА.

Машина коснулась какой-то частицы моего мозга своими синими пальцами. В голове взорвалось облако неона.

Я МОГУ СДЕЛАТЬ ВОСПОМИНАНИЕ ЕЩЕ БОЛЕЕ ЯСНЫМ.

— Нет! Я скажу.

ГОВОРИ.

Он огляделся, и вместе с проникновением в суть вещей пришло понимание, и его первые слова были... были...

ДОГОВАРИВАЙ ДО КОНЦА!

— Его первые слова были: «О Боже мой, Боже мой, я не человек!»

ПРЕКРАСНО. А ТЕПЕРЬ РАССЛАБЬСЯ И СЛУШАЙ.

Мой электронный Давид отсеял шелуху из нашего разговора и истолковал мои сны. Однако никакой арфы слышно не было.

ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО «ОН» — НА САМОМ ДЕЛЕ ТЫ. ТЫ — СИМЕОН КЕЛЛИ. «ОН» В ТВОИХ ИЛЛЮЗИЯХ — ЭТО ТОЖЕ СИМЕОН КЕЛЛИ. ТВОЯ ПРОБЛЕМА В ТОМ, ЧТО ТЫ РОЖДЕН ИСКУССТВЕННО. ТЫ НАДЕЛЕН ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОРАЛЬЮ И СИСТЕМОЙ ЦЕННОСТЕЙ. НО НЕ МОЖЕШЬ ПРИНЯТЬ ОДНОВРЕМЕННО И ИСТИНУ О ТВОЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ, И ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ МОРАЛЬ.

ТЫ ЧЕЛОВЕК, НО ТВОЯ МОРАЛЬ ДАЕТ ПОЧУВСТВОВАТЬ, ЧТО ТЕБЕ НЕДОСТАЕТ КАКИХ-ТО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КАЧЕСТВ.

— Спасибо. Теперь я здоров и должен уйти.
НЕТ.

Прогремел гром.

ТЫ ВИДИШЬ ЭТОТ КОШМАР УЖЕ В ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ РАЗ. ТЫ НЕ ИСЦЕЛЕН. И НА ЭТОТ РАЗ Я ОЩУЩАЮ МНОГО БОЛЬШЕ ПОД

ПОВЕРХНОСТЬЮ ТВОЕГО СНА. МНОЖЕСТВО СТРАХОВ, КОТОРЫХ ТАМ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО. РАССКАЗЫВАЙ!

— Там больше ничего нет.

РАССКАЖИ МНЕ.

Объятия кресла стали крепче, мои руки и ноги были связаны. Казалось, что подголовник высасывает содержимое моей головы.

— Ничего.

ЖЕНЩИНА. В ЭТИХ СТРАХАХ ЕСТЬ ЖЕНЩИНА. КТО ОНА? СИМЕОН, КТО ОНА?

— Автор книги, которую я читал.

И С КОТОРОЙ ВСТРЕТИЛСЯ. РАССКАЗЫВАЙ ВСЕ.

— Блондинка. Зеленые глаза. Пухлые губы, как...

ЕЩЕ!

— Пухлые губы.

НЕТ. ЧТО-ТО ЕЩЕ.

Это был голос короля. Владыки, который не станет рубить тебе голову, но казнит словами и позором.

— Груди. Большие груди, которые я... я...

Я ЗНАЮ ТВОЮ ПРОБЛЕМУ. ВИЖУ ПО ТВОЕМУ СОСТОЯНИЮ: ТЫ ПОНЯЛ, ЧТО ЛЮБИШЬ ЕЕ.

— Нет! Это отвратительно!

ДА. ОТРИЦАНИЕ НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТ. ОТКАЗ ПРИЗНАТЬ РЕАЛЬНОСТЬ ВСЕГО ЛиШЬ ЗАТРУДНЯЕТ ЛЕЧЕНИЕ. ТЫ ЛЮБИШЬ ЭТУ

ЖЕНЩИНУ. НО У ТЕБЯ ЕСТЬ КОМПЛЕКС, КОТОРЫЙ УСКОЛЬЗНУЛ ОТ МОЕГО ВНИМАНИЯ. СИМЕОН, ТЫ ПОМНИШЬ ИСКУССТВЕННУЮ ГРУДЬ?

— Помню.

ЭТА ИСКУССТВЕННАЯ ГРУДЬ СИМВОЛИЗИРУЕТ ДЛЯ ТЕБЯ ТВОЮ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ПРИРОДУ. ТЫ БЫЛ ВСКОРМЛЕН НЕ КАК ДИТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ, И ЭТА ПОТЕРЯ СЫГРАЛА С ТОБОЙ ЗЛУЮ ШУТКУ. ТЫ БОИШЬСЯ ЖЕНЩИН — ИЛИ...

— Нет. Я не боюсь женщин. Она просто отвратительна. Это надо видеть, чтобы понять.

Все это было сказано разумно и спокойно.

НЕТ, ТЫ НЕ ЧУВСТВУЕШЬ ОТВРАЩЕНИЯ. ТЫ ИСПУГАН. ТЫ БЕЖИШЬ ОТ ВСЕГО, ЧЕГО НЕ ПОНИМАЕШЬ В ЖИЗНИ. ЭТА ЖЕНЩИНА ВСЕГО ЛИШЬ ЧАСТЬ ЭТОГО. ТЫ БЕЖИШЬ, ПОТОМУ ЧТО НЕ МОЖЕШЬ ПОНЯТЬ, ГДЕ ТВОЕ МЕСТО, И ЦЕЛИ СТАНОВЯТСЯ ЛОЖНЫМИ. ТЫ НЕ ВИДИШЬ Смысла в жизни и боишься искать его, чтобы не обнаружить однажды, что его нет. вот почему ты так растратаиваешь себя, живешь быстрее, чем нужно.

— Могу я уйти?

ДА. ИДИ. ТЫ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИШЬ СНОВ О ТОМ, ЧТО БЫЛО С ТОБОЙ ТОГДА. ТЫ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИШЬ ИХ. НЕ УВИДИШЬ... НЕ... УВИДИШЬ...

Небытие извергло меня. Я очнулся в комнатах.

После каждого сеанса с машиной я чувствовал себя опустошенным, словно из меня выжали все жизненные соки; я трепыхался, задыхаясь, как рыба на песке, пытающаяся вернуться в привычную среду обитания, — обреченно бил плавниками и разевал рот.

Я коснулся своего лба — холодный и влажный от испарины. Кое-как доплелся до кровати и рухнул на нее, даже не подумав натянуть на себя одеяло.

Пытался погрузиться в приятные мечты о Марке Аврелии.

И о Харри. И о деньгах.

Но откуда-то издалека до меня назойливо доносился голос, подобный звяканью цепей о каменный пол, потрескиванию пожелтевшей от времени бумаги в моих пальцах. И голос этот твердил: «Ты — тот, за кем они посылали. Я знаю, это ты. Я ненавижу тебя...»

Глава 5

На следующее утро стало известно, что на русско-китайской границе произошли вооруженные столкновения и подразделения Западного Альянса вступили в перестрелку с войсками восточных соседей. Американцы и рус-

ские подали совместный протест в ООН по поводу присутствия в рядах китайской армии японских технических советников.

Новое китайское смертоносное оружие, крутившееся вокруг планеты, пресса назвала «Дрэгонфлай». Стрекоза — оригинально, ничего не скажешь. По крайней мере, выразительно.

Я не обратил на это внимания. Привык: с самого моего детства — одна малая война за другой, один «инцидент» за другим, громогласные мировые лидеры, провозглашающие громовые декларации. Птица, должно быть, иногда забывает о небе, потому что оно становится слишком привычным. Так же с войнами и прочими несчастьями. Вы забываете о них до той поры, пока они не коснутся вас, и можете жить счастливо. Они остаются где-то за кадром, отнимая мало времени и сил.

На завтрак я съел пару апельсинов и выпил чаю, и голова постепенно перестала болеть.

Городские службы чистили город от снега. С улиц сугробы уже убрали, но дома и деревья тонули в белизне. Ограды превратились в причудливые кружева. Деревья и кусты походили на ледяные скульптуры, изваянные художником с ледяными пальцами. Холодный ветер взметал снег, пригоршнями швырял его в стены домов и бока ховеркаров. Он больно ухватил меня за нос.

Похоже, Природа наслала на город метель, пытаясь вернуть владения, некогда по праву ей принадлежавшие, но ныне утраченные.

Тяжелые свинцовые тучи предвещали еще более сильный снегопад. Стайки птиц беспокойно перелетали с места на место над самой землей.

Я миновал разбитую витрину магазина, где накануне вечером лежал опрокинутый набок «ревунок». Его убрали. Полиции вокруг видно не было.

Прошел мимо церкви, которую сожгли, после того как я вернулся из ИС-комплекса. Остов здания зловеще чернел на снегу.

В знакомой мне комнате в здании ИС-комплекса на стенах уже были начертаны шестиугольные значки, свет притущен, машины наготове. Ребенок в трансе.

— Вы опоздали, — буркнул Морсфаген. Кулаки его были крепко сжаты. Я удивился: он что, не разжимал их с того момента, как вышел из комнаты прошлой ночью?

— Вы не должны платить мне за первые пять минут, — сказал я. И улыбнулся знаменитой своей улыбкой.

Мои слова не слишком его развеселили.

Я сел в кресло напротив Ребенка и посмотрел на него. Не знаю, что я ожидал увидеть, какую подметить перемену. С трудом верилось, что он мог ночью лечь в постель и проснуться

утром в этом же состоянии. Похоже, лечение не давало видимых результатов. Но как бы там ни было, выглядел он еще более морщинистым и старым, чем прежде.

В комнате находился и Харри. Он решал уже третий кроссворд в «Таймс», изрядно перепачкавшись в чернилах, как с ним это обычно бывало. Видимо, он здесь уже давно. Точен, ну прямо как старушка, спешащая рано поутру к мессе.

— Ты в себе уверен? — спросил он меня.

— Абсолютно, — ответил я, мгновенно пожалев, что так резко оборвал его.

Виной всему насквозь милитаризованная здешняя атмосфера. И еще Морсфаген. Сущий Ирод, пытающийся уничтожить Ребенка. А я был убийцей, которого он послал, и не важно, мысленным или стальным воспользоваться ножом.

Я был на пределе еще и по другой причине — вечером у меня гостья...

На этот раз я прыгнул в пустоту сознания Ребенка с парашютом, если так можно сказать: был заранее готов к падению...

Лабиринт...

Стены, где гладкие, а где разбитые, везде одинаково серые, в паутине, пол покрыт толстым слоем грязи, усеян иссохшими костями. Далеко внизу, в сияющем, как сверхновая звезда, центре мозга располагалось его *Оно*, издававшее тот же, почти невыносимый вой, что и

все другие *Оно*. И где-то наверху, в черноте и полной тишине, таилась область подсознания. Было ясно, что разум супергения — невообразимо нечеловеческий. Большинство разумов оперируют бессвязными картинками, сменяющими друг друга сценами и видениями прошлого, но разум Ребенка сотворил целый мир, реальность внутри самого себя, аналог, который я мог исследовать как некую вполне настоящую затерянную страну.

Послышался топот копыт, и из светлого пятна в конце тоннеля показался туманный силуэт, вскоре обретший облик Минотавра, с ореховой кожей, черными волосами и блестящими глазами. Из ноздрей его валил пар.

- Пошел вон! — заявил Минотавр.
- Я не сделаю тебе ничего плохого.
- Пошел вон, Симеон.

Над головой Минотавра мерцало облако голубых искр, из ноздрей вырывались волны спорадической психической энергии, оставлявшие после себя струйки пара.

— Оставь монстру его единственное убежище!

- Я тоже монстр.

— Посмотри на свое лицо, монстр! Оно не покрыто морщинами и не похоже на сушеную фигу; оно не принадлежит древнему старцу и не осыпано пылью непрожитых столетий. Ты допущен в мир людей. И ушел туда.

— Ребенок, послушай меня. Я...

Минотавр взбрькнул и помчался на меня.
Я сотворил меч из собственного мысленного
поля и ударил его плашмя по голове.

Эхо прокатилось по тоннелям лабиринта.

Моя рука заныла — так силен был удар.

Минотавр исчез, растворился в темноте, словно призрак.

Мой меч сиял зеленым светом, и, держа его в руке, я медленно двинулся по разрушенным залам в глубь разума Ребенка, туда, где рождались его теории, где лавовыми потоками текли его мысли. Наконец я вышел на утес, нависающий над зияющим провалом. Далеко внизу ворочалась какая-то масса, и ее жар опалял мне лицо.

Отсюда пришел Минотавр. Отсюда исходит все.

Я потянулся туда и принял хватать первое попавшееся — искаженный образ, оболочку сна... И поймал Реку Ненависти. НЕНАВИСТЬ, НЕНАВИСТЬ, НЕНАВИСТЬ. НЕНАВИСТЬНЕНАВИСТЬНЕНАВИСТЬНЕНАВИСТЬ... Где-то в середине ее плавало некое двухголовое создание, рассекая ядовитые воды изогнутой шеей. Я ухватил Т в НЕНАВИСТИ и проследил его течение. Т вело к жадно сосущему рту и к материнской груди... оно разрасталось... и я позволил потоку неотвратимо нести меня Туда, где Таилась Теорема...

Теория, Текущая в Тени ветвей... по Током
Тысяч с Толетий, у Томи Тельно и Тоскливо...
Трижды Трижды с То квадратный корень сквозь
с Точные Трубы Теперь для...

Поток несся слишком стремительно. Я видел теорию и не мог достаточно быстро отклонить ее в сторону океана, туда, где крутился водоворот, извлекающий из подсознания мысли, — те самые мысли, что теперь пыльным шепотом произносились в далекой комнате, мысли, что записывали серьезные люди с серьезными лицами. Люди, которые, вне всякого сомнения, и слушали серьезно.

Должно быть, в конце концов наркотики действовали на Ребенка, иначе я был наверняка бы заживо проглочен мысленным конструктором и уничтожен в кotle его безумия. Двухголовая bestия уже не раз проплывала мимо, не привлекая моего внимания; теперь я краем глаза заметил это, она поспешно устремилась ко мне, разверзнув пасть — гигантскую пещеру, которая сочилась...

Я поднял свой меч, когда голова твари нависла надо мной, замахнулся, чтобы ударить... Но тут картинка внезапно слегка сдвинулась, как будто старую киноленту заело, а затем проектор пустили с замедленной скоростью. Получилось нечто вроде подводного балета. Чтобы дотянуться до меня, двигаясь в таком темпе, чудовищу понадобился бы час, и я без труда убил монст-

ра. В последний миг красные глаза блеснули, и из его — или ее? — глотки донеслось тихое бормотание: ТИ-И-ТР-Р... ТИ-И...

Вновь обратившись к реке, я мысленно устремился к медленно крутящемуся водовороту. Путешествие заняло столько времени, что невольно подумалось: лучше бы мне попасть туда прежде, чем я утрачу индивидуальность.

И я повернулся прочь от пропасти, в которой стенало *Оно*.

Возвратился в серый тоннель.

По моему лицу мазнула паутина.

Но на этот раз там оказалась лестница, ведущая наверх...

Глава 6

В ее зеленых глазах отражалось пламя стоявших на столе свечей. И тот же мерцающий свет играл в волосах, заставлял тепло золотиться гладкую кожу обнаженных плеч. Платье — безукоризненно сшитое, осыпанное блестками в восточном стиле — шло ей изумительно.

— Не хочу, чтобы ты что-нибудь скрывал, — сказала она над останками двух корнуэлльских цыплят. Обглоданные кости и соус разительно контрастировали с ее обликом.

— Я ничего и не скрываю, — в сотый раз прозвучало мое уверение.

Мы потягивали вино, но у меня и без того кружилась голова.

— Все, что ты думаешь по поводу комплекса Искусственного Створения, твое отношение к ЦРУ и всем тем, кто использует тебя...

— Эта книга может быть только честной.

— Отказываешься?

— Просто нужно подумать.

— Вспомни простую истину: земля, подмытая водой, может провалиться. Поверь, сенсации способствуют продаже книги.

Я вспомнил некоторые пассажи из «Тел во тьме», улыбнулся, глотнул вина и почувствовал, что краснею.

Музыка смолкла. Плясавшие на стенах красочные огни угасли. Но вот сменилась пластинка, зазвучала мелодия «Шехерезады», и стены вновь стали цветными — с желто-оранжевыми и малиновыми искрами.

Она поставила свой бокал перед экраном, который что-то бормотал, вышла на балкон и стояла там, паря над поросшим соснами склоном. Моя гора сбегала к острым скалам, а внизу простиралось море. Волны вспенивались, разбиваясь о камни внизу, и шум прибоя смутным эхом доносился до нас.

Я подошел и встал рядом, заставляя себя сохранять спокойствие.

Полная луна уже поднялась высоко. В ее бледном свете моя гостья была прекрасна, но

казалась призрачной, нереальной, словно сошедшей со страниц книг Эдгара По, — а может, старалась казаться таковой.

— Я все думаю о «Дрэгонфлай», — сказала она, глядя в небо.

Тучи, серые на фоне чистого неба, летели от горизонта к горизонту. Буря, похоже, миновала.

— Почему людям так нравится уродство? — спросила она. Это, пожалуй, уже слишком. Я глотнул еще вина и попытался подумать об этом. Она продолжила: — Есть ведь вот эта дивная красота, а они пытаются изуродовать ее. Обожают уродливые фильмы, гадкие книги, жуткие новости.

Тут я вставил слово:

— Наверное, читая о самом худшем, что только можно себе вообразить, легче смириться с ужасом повседневной жизни, который по контрасту не кажется столь кошмарным.

Ее губы изогнулись в полуулыбке.

— Скажи, — спросила она, — а что ты думаешь о моих книгах? Ты ведь читал их, как я поняла из твоих слов.

Я утратил равновесие. Среди моих знакомых была пара других писателей, однако мне никак не удавалось обозначить грань, за которой критика должна переходить в восхваление. Менее же всего я хотел оскорбить или разгневать эту женщину.

— Ну...

— Только правду, — сказала она, демонстрируя тем самым, что куда сильнее духом, чем прочие известные мне писатели.

— Вы имеете в виду... отвратительное в них?

— Да. Именно это. — Она перевела взгляд на океан. — Я пыталась писать красивые книги о сексе. И бросила это занятие. Продается именно отвратительное. — Она пожала плечами; взметнулись янтарные локоны. — Нужно ведь что-то есть, верно?

Она снова пожала плечами, побеспокоив золотисто-янтарную волну. Я всем телом ощущал близость этой женщины. Лунный свет нежно серебрил ее лицо; величие темного океана и сумрачная красота сосен казались обрамлением, созданным именно для ее красоты. Нестерпимо захотелось привлечь ее к себе, обнять, поцеловать. Я ощутил желание — и в то же время совершенно противоположные эмоции: отвращение и страх. Страх брал начало от искусственной пластиковой утробы, от первых мгновений моей сознательной жизни, когда я узнал, что я есть и чем не являюсь.

Я коснулся ее обнаженного плеча, ощущил упругое и теплое тело, трепещущее под моими пальцами, и тут же убрал руку, почти не дыша, в крайнем смущении. Отвернувшись от нее, принялся мерить шагами комнату, так крепко сжимая бокал с вином, что сам удивился, как он до сих пор не треснул. Я рассматривал кар-

тины на стенах, будто что-то искал, вот только что именно — не знал. Картины висели здесь очень давно, и я изучил их до мельчайших деталей. В них не было ничего нового, по крайней мере для меня.

Чего я боюсь? Что в этой женщине так меня пугает, почему не могу довести до конца то, что начал, — скользнуть рукой по ее плечу вниз и коснуться едва прикрытой тонкой тканью груди? В самом ли деле причина в том, о чем говорил мне компьютерный психиатр в кабинете? Или я не напрасно боялся слишком широких контактов с миром и обнаружил, что просто не способен на это? Вопросы мои по-прежнему остались без ответа.

Она отвернулась от окна и удивленно взглянула на меня, как полагаю, выглядевшего словно посаженное в клетку и не находящее успокоения животное.

Я попытался возобновить беседу, но не нашел подходящего повода. И тут мне подумалось, что, возможно, каким-то непостижимым для меня образом она проникла в суть моих проблем куда глубже, чем я сам.

Моя гостья пересекла комнату — прекрасная в своем полупрозрачном платье — и коснулась нежной рукой моих губ.

- Уже поздно, — сказала она и убрала руку.
- Когда мы начнем? — спросил я.
- Завтра. И запишем все интервью.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Она ушла, а я остался стоять с бокалом в руке и замершим на губах прощанием. Затем отправился в постель помечтать... и проснулся, почувствовав, что мне необходимо утешение, странное утешение, которое я мог найти только в одном месте.

СЕЙЧАС ЧЕТЫРЕ УТРА, — произнес металлический мозгоклюй, запустив свои эфирные щупальца в мои мозги.

— Я знаю.

РАССЛАБЬСЯ И РАССКАЗЫВАЙ.

— О чём рассказывать? Объясни, что я могу — что должен сказать тебе.

НАЧНИ СО СНА, ЕСЛИ ТЫ ВИДЕЛ СОН.

— Я всегда вижу сны.

ТОГДА НАЧИНАЙ.

— В небе грозовые тучи — темные, тяжелые, зловещие. Солнце не в силах пробиться сквозь них. Под чернотой громоздящихся одна на другую туч, полных дождя, — холм, высокий округлый холм, которому Природа придала форму гротескного шишковатого нароста, уродующего лицо Земли. Там люди... люди...

ДАВАЙ.

— Всегда то же самое — «давай, давай, давай»... Там люди... и еще крест... деревянный крест...

СОСРЕДОТОЧЬСЯ НА КРЕСТЕ. ЧТО ТЫ ВИДИШЬ ТАМ?

— Себя.

ДА?

— Пригвожденного к кресту. Кровь. Много крови. Раны — небольшие рваные раны, дырочки, которые остаются, если вырвать пуговичные глаза старой тряпичной куклы... Там кровь...

КТО ТАМ В ТОЛПЕ?

— Харри. Я вижу там Харри. Он плачет.

ПОЧЕМУ ОН ПЛАЧЕТ?

— Из-за меня.

КТО ЕЩЕ?

— Я жажду.

КТО ЕЩЕ?

— Жажда. Сильная жажда.

СКОРО ОНИ ДАДУТ ТЕБЕ ВОДЫ. ОНИ УТОЛЯТ ТВОЮ ЖАЖДУ. А ТЕПЕРЬ СКАЖИ: КТО ЕЩЕ ТАМ В ТОЛПЕ?

— Морсфаген играет в кости на мою одежду. А за ним... Там стоит беременная женщина, которая...

ДАЛЬШЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

— О, на этот раз — «пожалуйста»?..

ДАВАЙ.

— Я смотрю на ее живот... а... там... там Ребенок. Он тоже плачет, но совсем по другой причине, чем Харри. Он плачет не по мне. Просто хочет оказаться на моем месте. Хочет выйти из чрева женщины и оказаться на кресте, быть пригвожденным, истекать кровью, мучиться от жажды и умирать. Он так сильно хо-

чет этого, что корчится в ее чреве от ярости, желая выйти...

ТЫ ЗНАЕШЬ, ПОЧЕМУ ОН ХОЧЕТ ВЫЙТИ?

— Потому что я счастлив быть там, где я есть.

ТЫ РАД ТОМУ, ЧТО ТЕБЯ РАСПЯЛИ?

— Да.

ПОЧЕМУ?.. ПОЧЕМУ?

— Я не знаю.

КОГО ЕЩЕ ТЫ ВИДИШЬ В ТОЛПЕ?

— Нет! О нет! О Боже мой, Боже мой, Боже мой!

КТО ТАМ? В ЧЕМ ДЕЛО?

— Нет! Ты запятнаешь меня! Я не могу! Разве ты не видишь моего положения, не знаешь моей цели, моего происхождения? Это должна быть моя цель! У меня нет другой цели, только эта! Уйти от меня! Нет!

В ЧЕМ ДЕЛО? КОГО ТЫ ВИДИШЬ?

— Мелинда. Обнаженная. Плывет к кресту. Нет! Отойди! Ты запятнаешь мою цель!

ОСТАНОВИСЬ!

— Помогите! Помогите мне! Не дайте ей коснуться меня! Бога ради, она шагает... нагая... нагаянагаянагая!

ХВАТИТ! ПРОСНИСЬ! СЛУШАЙ МЕНЯ. СОБЕРИСЬ И СЛУШАЙ. Я... СПОКОЙНО! СОБЕРИСЬ! Я РАСТОЛКУЮ ТВОЙ СОН. ХОТЯ НАДО СКАЗАТЬ, ЧТО ОН ПРОЛИВАЕТ НОВЫЙ СВЕТ НА ТВОЮ ПСИХИКУ. ПОНИМАЕШЬ, ПОЧЕМУ ТЫ

НА КРЕСТЕ? НЕ НУЖНО ОТВЕЧАТЬ, ВОПРОС РИТОРИЧЕСКИЙ... ТЫ ВИДИШЬ СЕБЯ ХРИСТОМ — ЧТО ЗА НОВЫЙ ПОВОРОТ! — ХРИСТОМ ВО ВТОРОМ ПРИШЕСТВИИ. КОНЕЧНО, ЕСТЬ ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ ТВОЕЙ БИОГРАФИЕЙ И ИСТОРИЕЙ ХРИСТА. ТЫ МОЖЕШЬ СКАЗАТЬ, ЧТО ТВОЕ РОЖДЕНИЕ БЫЛО НЕПОРОЧНЫМ, ИБО ТЫ ЗАЧАТ НЕ ПЛОТЬЮ И ИЗЛИЯНИЕМ СЕМЕНИ, А ГЕНОИНЖЕНЕРНЫМ СПОСОБОМ В КОМПЛЕКСНОЙ КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ ИСКУССТВЕННОЙ УТРОБЕ. И ЕЩЕ ТВОИ СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ. ВОЗМОЖНО, ОНИ НЕ СТОЛЬ СИЛЬНЫ, КАК ТЕ, ЧТО ОПИСАНЫ В ХРИСТИАНСКОМ МИФЕ, НО ДОСТАТОЧНО РАЗВИТЫ, ЧТОБЫ УКРЕПИТЬ ТЕБЯ В ТВОЕМ ЗАБЛУЖДЕНИИ. ТЫ НЕ БЫЛ СПОСОБЕН НАЙТИ СЕБЕ ЦЕЛЬ ЖИЗНИ И ВЫБРАЛ РОЛЬ СПАСИТЕЛЯ, ЭТО СЛУЖИТ ДВОЙНОЙ ЦЕЛИ: ВО-ПЕРВЫХ, УСИЛИВАЕТ ТВОЮ ХРИСТИАНСКУЮ МОРАЛЬ, ВСЕ ТО, ВО ЧТО, КАК СЧИТАЕТСЯ, ДОЛЖЕН ВЕРИТЬ (ХОТЯ ТВОИ СОЗДАТЕЛИ БЫЛИ ЗАИНТЕРЕСОВАНЫ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРИВИТЬ ТЕБЕ МОРАЛЬ, КОТОРАЯ УДЕРЖИВАЛА БЫ ТЕБЯ В РАМКАХ СТОЛЬ ЖЕ СИЛЬНО, СКОЛЬ И ТВОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ); ВО-ВТОРЫХ, ЭТО ПРИДАЕТ ЗНАЧЕНИЕ НЕ ТОЛЬКО ТВОЕЙ ЖИЗНИ, НО И ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ, КОТОРАЯ ИНОЙ РАЗ КАЖЕТСЯ ТЕБЕ НЕОБЪЯСНИМО ХАОТИЧНОЙ — ЛИШЬ ВОЙНЫ И СТРАДАНИЯ.

— Я жажду.

ЕЩЕ МИНУТУ. Я ДОЛЖЕН ЗАКОНЧИТЬ С ЭТИМ. ТЫ ВИДИШЬ МОРСФАГЕНА, ИГРАЮЩЕГО В КОСТИ, ПОТОМУ ЧТО ОН ПРЕЗИРАЕТ ТЕБЯ И ТОЛЬКО ИСПОЛЬЗУЕТ В СВОИХ ЦЕЛЯХ. ТВОЙ ПЛАЩ СИМВОЛИЗИРУЕТ ТВОЮ ЖИЗНЬ, ТВОЮ ЦЕЛЬ, ТВОЮ ЛИЧНОСТЬ, САМОСОЗНАНИЕ.

В ТВОЕМ СНЕ, КАЖЕТСЯ, ЕСТЬ НАМЕК НА БУДУЩЕЕ, МОМЕНТ ИСТИНЫ. ТАК ЧТО ОСТЕРЕГАЙСЯ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА.

— Продолжай.

ТЫ ВИДИШЬ В РЕБЕНКЕ УГРОЗУ СВОЕЙ ТЩАТЕЛЬНО ВЫСТРОЕННОЙ ТЕОРИИ. ОН ТОЖЕ РОЖДЕН НЕПОРОЧНО, ОН ТОГО ЖЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ЧТО И ТЫ. ОН СОЗДАЛ СЕБЕ ТУ ЖЕ САМОЮ ТЕОРИЮ ВТОРОГО ПРИШЕСТВИЯ, ЧТОБЫ ОБЪЯСНИТЬ ЦЕЛЬ СВОЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В МИРЕ. ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ ОРИЕНТИРЫ ЕГО ПОШАТНУЛИСЬ, И ОН ИЩЕТ ДРУГОЙ ОТВЕТ. ТЫ ЖЕ НЕ ХОЧЕШЬ САМ СДЕЛАТЬ ЭТО. ТЫ НЕ ХОЧЕШЬ ИСКАТЬ ОТВЕТ. ЭТА ЖЕНЩИНА, МЕЛИНДА, ТОЖЕ УГРОЖАЕТ ТВОЕЙ ЦЕЛИ (ИЛИ, СКОРЕЕ, ВЫМЫШЛЕННОЙ ЦЕЛИ, КОТОРУЮ ТЫ СОЗДАЛ ДЛЯ СЕБЯ). ХРИСТОС НЕ МОГ ИМЕТЬ ФИЗИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ С ЖЕНЩИНОЙ. Но ТЫ МОЖЕШЬ. ПРИМИ ЭТО. ТВОЯ ЦЕЛЬ В ЖИЗНИ, ПОЙМИ, — ЛЮБИТЬ И БЫТЬ ЛЮБИМЫМ. ИНАЧЕ ТЫ СТАНЕШЬ ШИЗОФРЕНИКОМ.

— Так любовь может быть целью?

ЭТО ДРЕВНЕЙШАЯ ИЗ ВСЕХ ЦЕЛЕЙ. ОСВОБОДИСЬ ОТ ЛОЖНЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ. ПОЗВОЛЬ МНЕ СДЕЛАТЬ СЕРИЮ ЛИЧНЫХ ЗАПИСЕЙ, ЧТОБЫ УСИЛИТЬ ТВОЕ ПОШАТНУВШЕСЯ ОЩУЩЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ И УБРАТЬ СВЯЗАННЫЙ С ЭТИМ «СИНДРОМ ХРИСТА». ТО, РАДИ ЧЕГО ТЫ ЖИВЕШЬ, — ЛЮБОВЬ. С БОЛЬШИНСТВОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СУЩЕСТВ ДЕЛО ОБСТОИТ ИМЕННО ТАК. НЕ ИЩИ ВЕЛИКУЮ ЦЕЛЬ ВРОДЕ ОТВЕТА НА ВОПРОС «ЗАЧЕМ СУЩЕСТВУЕТ МИР?» ИЛИ ПРИЧИН НЕНАВИСТИ И ВОЙНЫ. ДОВОЛЬСТВУЙСЯ ТЕМ, ЧТО ЗНАЕШЬ САМ. МУДРЫЙ ПОЗНАЕТ СЕБЯ. А ТЕПЕРЬ МЫ ПРОДОЛЖИМ ЛЕЧЕНИЕ...

Глава 7

На следующее утро, когда я вышел из лифта на верхнем этаже здания ИС-комплекса, Харри перехватил меня, не дав сделать и пары шагов к комнате, где Ребенок ожидал следующего сеанса. Круглое лицо моего агента было таким бледным и озабоченным, какого я не видел у него никогда прежде. Он выглядел так, точно не спал всю ночь. Одного взгляда на помятую одежду и несвежий воротничок рубашки хватило, чтобы подтвердить это предположение. Харри что есть сил вцепился в мою руку, протащил меня через

весь коридор к незанятыму кабинету. втолкнул внутрь и, ввалившись следом, закрыл дверь.

— Плащ и кинжал? — спросил я. Подобное мелодраматическое поведение, совершенно не свойственное Харри Келли, пугало. Если уж он счел необходимым предостеречь меня, значит, опасность более чем реальна.

— Послушай, Сим, перестань вести себя с Морсфагеном так самоуверенно. Говори «да, сэр», «нет, сэр» и «будет исполнено, сэр» и помоги мне унять его бурный темперамент. Никаких подначек и противостояния. Я не прошу тебя о многом — только об этой малости. Послушай, сынок. Держи себя в руках, иначе это может кончиться крушением всего, ради чего мы работаем.

— Я его не переношу.

— Я тоже.

— Так в чем дело?

— Ситуация куда хуже, чем сообщают средства массовой информации. Китайцы и их японские советники выдвинули свой командный пункт на русский берег Амура. Вторглись, правда, всего на несколько сот ярдов, но решительно отказываются уйти. На китайской стороне уже четыре дня скапливаются войска, они идут по главным дорогам к востоку от Нуньцзян, через Хинганские горы.

Я никогда не был силен в географии, но понял, что дело серьезное, потому что Харри стиснул руки и снова повернулся ко мне:

— С русской стороны примерно на одной линии расположены города Завитинск, Белогорск, Свободный и Шимановск, и расстояние между ними невелико. В Завитинске размещен ракетный комплекс, нацеленный на некоторые китайские населенные пункты. В Белогорске находится филиал хабаровских лабораторий, занимающихся лазерами. Именно оттуда в последнее время приходили новости о возможности создания чего-то вроде лучей смерти. Весь тот район стал в последние годы стратегическим. Стоит китайцам захватить его, и они смогут контролировать часть территории русских. Так вот, по Амуру сплавляются мобильные ядерные устройства, нацеленные на Завитинск.

— Значит, война, — сказал я. — Но такое уже было. Чего-либо подобного мы ждем уже лет четырнадцать или даже больше. Какое отношение это имеет ко мне и Морсфагену?

— Мне позвонил один приятель — юрист, с которым я вместе учился, такой же динозавр. Он сообщил, что Морсфаген интересовался возможностью поместить тебя под стражу, как они пытались сделать много лет назад.

— Но этот бой мы уже выиграли.

— Тогда было мирное время. Так вот теперь Морсфаген хочет знать, не обстоят ли во время войны дела иначе.

— Закон есть закон, — возразил я.

— Но в условиях кризиса действие закона может быть приостановлено. И, как сказал мой приятель, генерал обронил словечко насчет того, что готов этому посодействовать. Это будет отвратительно, мерзко, грязно, вызовет осложнения — но возможно. Пока Морсфаген согласен работать с тобой на существующих условиях, но если ты загонишь его в угол или разозлишь сверх меры, он может решиться, даже рискнув карьерой, пойти на это.

Мне стало нехорошо. Нестерпимо хотелось сесть, но это было бы признаком слабости. Я знал, что Харри едва держится. Не стоило расстраивать его сильнее.

— А что ты об этом думаешь? — спросил я.

— То же самое. Только полагаю, что он может добиться успеха, в котором даже его советники не уверены.

Я кивнул:

— Мы будем играть с холодной головой, Харри. Будем так хладнокровны, что посрамим со-сульки. Идем.

Он с облегчением вздохнул, выходя следом за мной из пустого кабинета, и мы направились через холл в комнату с шестиугольными знаками на стенах.

— Вы опять опоздали, — сказал Морсфаген, сверяясь со своими часами и косясь на меня, словно ожидая очередной дерзости. Возможно,

он решил, что еще одна моя остроумная реплика повергнет в прах его терпение.

— Извините, — сказал я, лишив его этого удовольствия. — Транспорт.

Генерал выглядел совершенно ошарашенным, он открыл было рот, намереваясь сказать что-то, но тут же закрыл его и стиснул зубы. Похоже, он предпочел бы оскорблению вежливости.

На этот раз я пришел в ИС-комплекс только ради денег, а вовсе не для того, чтобы демонстрировать свою сверхчеловеческую одаренность. Терапия компьютерного психиатра помогла мне. Еще несколько чеков в моем кармане, и мы с Мелиндой сможем путешествовать хоть целую вечность, убегая от уродства, грязи, войны и людей, увлеченных ими. Я думал о будущем для нас двоих, хотя еще не знал наверняка, испытывает ли она ко мне такие же чувства. Но я избавился от психологий пессимизма, в одночасье став оптимистом, и будущее виделось мне исключительно в розовом свете.

Ребенок был в трансе. Его губы слегка шевелились, открывая неровные зубы. Руки на подлокотниках кресла вздрагивали, хотя он и спал. Я дождался, пока ему введут наркотик, а потом мы заговорили на языке, только нам одним понятном.

Я прыгнул из комнаты вниз, в лабиринт, не надеясь на лестницу, — пусть вчера она и была, но сегодня ее вполне могло не быть...

Копыта Минотавра стучали по камню, звеня, как россыпь стеклянных осколков.

Возник детский силуэт, но не такой четкий и реальный, как накануне. Не то он утратил силу, позволявшую ему игнорировать мое присутствие, не то придумал хитрую уловку, чтобы лишить меня защиты, — этого я не знал.

Повеяло слабым запахом мускуса, четче проявились ниспадающие темными волнами волосы, точно нарисованные пастелью.

- Уходи!
- Я ничего тебе не сделаю.
- И я не хочу тебе зла, Симеон. Уходи.
- Вчера, как ты помнишь, я сотворил меч из воздуха. Не надо недооценивать меня, хотя я и нахожусь в твоих владениях.
- Я прошу тебя уйти. Здесь ты в опасности.
- Какая же мне угрожает опасность?
- Не могу сказать. Просто знаю, что опасность существует.
- Не очень-то ты откровенен.
- Это все, что я могу сказать.

Я выхватил меч, и Ребенок мгновенно растворился в странной голубой дымке, словно прилипавшей к стенам, — и тут же в коридор со свистом ворвался ветер, увлекая ее прочь. Туман пополз по камню стен и втянулся в яму.

Два часа на сеанс — два часа я находился на пыльной площадке над пропастью, ухватывая мысли и направляя их в водоворот, а какой-то

иной уровень моего сознания отслеживал течение потока. Там было Б на темной траве... Близко склонившееся над холмом... Белое... БогБогБогБогБог... Б... как вихрь над водами... над полями... идущий, идущий... Безжалостно приближающийся ко мне... Б... Б...

Я потянулся и крепче ухватился за продолжение этой мысли, отчасти потому, что она могла привести к чему-либо интересному, отчасти потому, что была чрезвычайно сильна, странна и казалась полной образов. Внезапно площадка под моими ногами исчезла, и я полетел в пропасть, полную кипящей лавы.

Порыв ветра поднял меня к реке прежде, чем я рухнул в этот котел безумия.

Я летел как коршун.

Река привела меня к океану.

Вода в нем была взбаламученной и горячей — кое-где спиральными струйками поднимался пар.

И плавали тающие льдины.

Я вынырнул на поверхность, отчаянно пытаясь удержаться на гребне вихревого течения, направляя мысли и сражаясь исключительно за целостность своего собственного разума. Тут меня внезапно приподняло и швырнуло на пенный вал, взметнувшийся в тяжелое черное небо — как пуля из винтовки, завывая и крутясь, я полетел...

...прочь из мыслей и разума Ребенка.

В комнате было темно. Гексаграммы горели на стенах, подсвечивая серьезные лица генералов и техников, на удивление похожих на горгулий.

— Он выкинул меня вон, — тихо произнес я, нарушив звенящую от напряжения тишину.

Все присутствующие повернулись ко мне с выражением крайнего недоверия. Хотелось бы мне, чтобы наше с генералом примирение началось раньше, тогда этот случай не выглядел бы столь подозрительным.

— Он просто вышвырнул меня вон из своего разума, — повторил я. — Такое со мной случилось впервые.

Я объяснял. Они слушали. И во мне крепла неизвестно откуда взявшаяся уверенность в том, что Ребенок смеется...

Глава 8

Множились слухи о близкой войне.

Китайцы перебили персонал двух последних посольств Западного Альянса в Азии — в бывшей Корее и на японских островах. Японцы отказались принять ответственность за зверское убийство. По официальной версии властей, группа китайского и японского происхождения прорвалась через полицейский кордон, защи-

щавший посланцев Запада, и устроила дикий погром. Японская пресса указывала, что Запад должен был видеть возможность подобной акции, ибо к этому вела его собственная недальновидная политика, от которой всегда страдал Китай, и доведенные до крайней бедности люди, чувствующие себя отброшенными на окраину цивилизации, рано или поздно выплеснули бы гнев. Очевидцы событий утверждали, что японская полиция даже и не пыталась остановить погромщиков, словно получила приказ не препятствовать нападению на иностранные представительства.

Трехмерный экран показывал обезглавленные тела — к вящему удовольствию тех, кто смаковал происшедшее. По улицам Токио маршировали колонны манифестантов, несущих насаженные на алюминиевые колья головы. Мертвые глаза соотечественников смотрели на нас с той стороны экрана...

Пентагон в то же утро объявил о том, что открыт луч Бенсора, способный закоротить синапсы (области соприкосновения клеток) нервной системы человека. Названное по имени создателя, доктора Гарольда Бенсора, это излучение уже именовалось чиновниками Пентагона и их закадычными друзьями из военного ведомства в Москве «поворотным пунктом в «холодной войне». Я не сомневался, что идея исходила от Ребенка, — я узнал это так же лег-

ко, как любой человек узнает свой дурной сон, по которому кто-то снял кино. Но цензура усвоила преподанный мною урок, и широкая публика понятия не имела о Ребенке.

Я не раз уже размышлял, какой черт дернул этого Бенсора связать свое имя с таким постыдным изобретением, но мгновенно терял свое внешнее превосходство, вспоминая о том, что это оружие могли с тем же успехом назвать лучом Симеона Келли, ибо не кто иной, как я дал ему дорогу в жизнь. Я нес куда большую ответственность за его появление, чем кто-либо другой — даже Ребенок. Кто знает, что можно натворить этой проклятой штукой...

На телеэкране замелькали кадры, запечатлевшие двух пленных китайцев, на которых было опробовано это оружие. Они бились на полу своих камер, с невидящими глазами, ничего не слыша, дергались, словно марионетки на невидимых веревочках. Непостижимо!

Я выключил телевизор. Отодвинул свой недоеденный завтрак и достал из шкафа пальто. Мы с Мелиндой условились встретиться у нее дома для следующего интервью, и мне не хотелось пропускать его. Кроме того, я надеялся хоть немного отвлечься от чувства вины, завладевшего мною.

Все интервью проходили в ее квартире, оснащенной всевозможным оборудованием, которое

она предпочитала не таскать с места на место. В этот вечер, кроме всего прочего, мы собирались в театр, так что предстояла не совсем деловая встреча. Да и вообще эти интервью стали для меня чем-то большим, нежели просто работа.

Я прислушался к советам своего компьютерного психиатра и пытался принять людское тепло. Мелинда делала встречные шаги — поцелуи, прикосновения, словно бы невзначай оброненные слова... Мне, жаждущему общения и человеческой теплоты, которыми я так долго был обделен, эти проявления чувств казались маленьким чудом, почти опьяняли. Возможно, я придавал всему этому гораздо большее значение, чем оно того стоило.

Небо, опять свинцово-серое, сыпало снегом. Стояла настоящая зима, точно с рождественских открыток — белая, снежная и морозная. Где-то в вышине летал «Дрэгонфлай».

— Обращалось ли ЦРУ с тобой плохо в другое время? — задала вопрос Мелинда.

Черный микрофон растопырился над нами, как насосавшийся паук. Позади дивана, на котором мы сидели, шуршали бобины магнитофона, аккомпанируя моему рассказу.

— Не так часто, как доктора, которые относились ко мне вовсе не как к человеку, а

скорее как к некоему существу, которое нужно подгонять, заставлять и колоть. Я помню, однажды...

— Подожди с воспоминаниями, — сказала она, перегнувшись через спинку дивана, остановила магнитофон и отложила в сторону микрофон. — На сегодня достаточно. Если продвигаться слишком быстро, твой рассказ утратит эмоциональный колорит. Стремясь поведать о слишком многом, тытонешь в деталях. Это случается со всеми.

— Так я и думал, — сказал я.

Она была одета в милую блузку с фестончатым вырезом, на разглядывании которого я себя и поймал. И испытал чувство сродни шоку. Нет, я не испытал отвращения, как некогда. На самом деле ее полная, прекрасной формы грудь волновала меня. Вероятно, мой компьютерный психиатр был прав: это и есть цель, вполне законное желание.

Мелинда проследила направление моего взгляда. Возможно, из-за этого и случилось все остальное — она ожидала знака, и вот теперь увидела. Придвинулась ближе и, наклоняясь ко мне, дразняще провела кончиком языка по приоткрытым губам, как бы желая сказать: «Как ты себя чувствуешь? Пришло ли время? Почему ты ничего не делаешь?»

И я повиновался ее желанию. Коснулся ее губ своими, обнял обеими руками и почувство-

вал, как полная грудь прижалась ко мне. И это не было отвратительно.

Потом я провел рукой по ее ноге, ощутив тепло бедер под юбкой. Расстегнул блузку, высвободил грудь и прикоснулся к ней губами. Минута растянулась в час, и наслаждения в ней было заключено на сто лет.

Мелинда стояла передо мной — смуглая стройная женщина в сиянии молодости. Мы поцеловались и ничего не говорили, потому что слова нам больше не требовалось.

Я надолго задержался возле своей машины, глядя на снег и проходящих пешеходов и размышляя о том, что нужно снова идти в ИС-комплекс и сражаться с Ребенком. Впервые в жизни я был с женщиной, и она оказалась богиней. Я не почувствовал, что меня используют, совращают или надо мной насмехаются, пребывая на верху блаженства. Наконец я очнулся от раздумий, сел в машину, захлопнул дверцу. И сидел минут пять, прежде чем поехал.

На моем теле еще горели ее прикосновения. На губах пылали поцелуи. Всю дорогу до ИС...

Я влюбился. Я даже не пытался считать ее мысли — ни разу с нашей первой встречи, а это было не в моих правилах. Мне захотелось наделить ее той же привилегией, что и Харри, прежде чем она сделала для меня хотя бы половину того, что сделал он, прежде чем я понял — принимает ли она меня или унижает. Думаю, поня-

чалу я испугался мысли, что она любит меня, а потом — что может не любить.

Как глуп я был в тот вечер несколько недель назад, когда она впервые увидела меня и проявила ко мне интерес — обольстительно улыбаясь, как делают все женщины. Я удрал. Не стал дожидаться, пока меня попросят показать пару трюков, и укрылся в своем доме, воображая, будто интересуюсь ею. Дурак. Я был тогда старше, но младше, чем сейчас.

Кучка «крикунов за мир» непонятно зачем собралась перед зданием полицейского участка. Они разбили окна камнями. Фаланга копов выдвинулась из-за ограды, как раз когда я проезжал мимо.

Половина демонстрантов устремилась по аллее направо, другая половина — по улице. Они что-то распевали, хотя я не мог понять, что именно. За ними ехал «ревунок», из его башни торчал ствол газомета, который поливал их какой-то дрянью. Демонстранты ругали наше правительство, вражеские правительства и все прочее заодно. Светофор мигнул, и тут я увидел, как «ревунок» проехался по упавшей девушке, переломив ее позвоночник, словно хворостинку. Это никоим образом не было частью стандартной процедуры разгона демонстрации. Но прежде чем я успел подумать, что это всего лишь несчастный случай, водитель бронированной машины наехал на паренька лет сем-

надцати, впечатал его в фонарный столб и двинулся дальше.

Вспыхнул свет. Я проехал мимо, чтобы не создавать пробки.

Мне пришлось объехать один из перекрестков, на котором сидело несколько сот человек — в знак гражданского неповиновения. Я впервые заметил, что среди молодежи были и люди постарше. Да нет, там, пожалуй, собрались куда больше взрослых, чем юнцов.

Выбрав другой маршрут, я погнал к ИС-комплексу. Что случилось с тех пор, как я слушал новости в последний раз, почему среди них столько взрослых? Сердце застучало быстрее. Что же такое случилось?

Единственное, что я мог делать, — сканировать мозг Ребенка в поисках нового оружия, чтобы крепла мощь нашей страны и мы могли победить, если начнется война, чтобы в конце концов вернуть видимость нормальной жизни, в которой мы с Мелиндой найдем свою нишу и уединимся там.

Полагаю, это не слишком благородно. Но сама война не оставляет места для благородства. Выживают самые умные и хитрые. И даже им не всегда удается избежать потерь.

За то время, пока я добирался до здания ИС, у меня созрело решение. Я любил Мелинду. Я боялся Ребенка. Он смог вышвырнуть меня из своего разума и, вероятно, способен даже погло-

тить. Что скрывалось за его повторяющимися предупреждениями и просьбами оставить его в покое? Вчера я нашел зацепку — что-то в Б-ассоциациях, что-то связанное с Богом. Я не горел желанием принести себя в жертву этому сильному измененному сознанию, однако не мог и позволить войне, разрушению коснуться моей жизни, погубить первое теплое отношение к женщине. Жизнь — это единственное, что достойно жизни, и я не позволю китайцам забрать ее у меня. А потому заберусь в разум Ребенка в последний раз, поймаю там, что смогу, и вытащу. А потом уйду, получу свои денежки и быстренько смоюсь. И первое, что я скажу им сегодня после возвращения: работа окончена, идите с миром.

И, как бывает с большинством планов, все пошло совсем не так, как я предполагал.

Они ждали меня. Морсфаген стоял посреди комнаты, где царила суматоха — рассыльные сновали туда-сюда с кипами бумаг. Генерал делал кому-то знаки, отдавал приказания и ухитрялся каким-то удивительным образом все время знать, что происходит с Ребенком. Харри нервно сжимал руки, хрустя пальцами. Под глазами у него залегли глубокие тени, левую щеку кривил застальный тик, волосы перепутались.

Желая узнать, что же волнует его, я, нарушив правило, которое сам же и установил, вторгся в его сознание.

На поверхности его рассудка был мысленный образ тела, плавающего в луже крови. Под ним я прочел: «ВОЙНА». Слухи стали реальностью. Пламя разгоралось жарче, хотя детали растворялись. Черное, разлагающееся тело в луже засыхшей крови...

Потрясенный, я сел у стола и посмотрел на Морсфагена. На лице генерала выступила испарина. В руках он держал пачку сводок и отчетов — и руки его, как мне показалось, едва заметно дрожали.

Черт их побери! Черт побери их всех!

— Можно узнать подробности? — спросил я.

— Союзные войска атаковали китайские дивизии, которые пересекли Амур, и вытеснили их обратно на китайскую территорию. Убито сорок семь китайцев, четыре японца. Семеро наших: два американца, один англичанин, остальные — русские. Через час Завитинск словно перестал существовать. Никто не отвечает на радиограммы. Стартовая площадка ядерных ракет не реагирует на вызовы. Из Белогорска сообщают о толчках и странном свечении в небе. Сейсмографы подтверждают, что взорвана компактная бомба. Наши войска на границе тоже больше не отвечают. Азиаты, охваченные жаждой мести, вероятно, двинулись на русские территории. Пока никаких реальных подтверждений. Можно делать ставки.

— Я помогу.

— В этом вы чертовски правы! — Выражение лица Морсфагена при этом было не из приятных.

— Он готов? — спросил я.

Генерал посмотрел на Ребенка.

— В трансе. Мы ждали вас, чтобы ввести циннамид. Где вы были всю ночь? Что думаете о вчерашнем?

Я пожал плечами:

— Только то, что уже сказал. Он вышвырнул меня вон, потому что мне удалось найти мысленный поток, который он не хотел мне показывать. Ему это удалось, так как я ничего подобного не ожидал. Я недооценил его потенциал, но больше такой ошибки не допущу.

— Уверены?

— Насколько это возможно.

— Ну, тогда начнем.

— Сначала нужно сделать следующее, — потребовал я. — Выведите его из транса и скажите, будто меня еще нет — я куда-то исчез, и, пока меня найдут, вы начнете без меня. Предупредите, что станете его спрашивать под наркотиком, и посоветуйте не сопротивляться, иначе, мол, будет хуже. Задайте пару вопросов. Но только чтобы это выглядело убедительно. Когда он впадет в транс, я тайно приду. Возможно, он даже не узнает о моем присутствии.

Черное раздувшееся тело (Мелинда!) в луже крови...

К чертовой матери их всех!

Морсфаген распорядился вывести мутанта из комнаты и предпринять предложенные мной действия.

— Ты уверен в своих силах, Сим? — спросил Харри.

Похоже, он хотел, чтобы я покончил с этим делом, но мы оба знали, что это нереально. Только Ребенок способен изобрести абсолютное оружие, которое сделает войну потенциально невозможной, и я не мог уйти, пока он не справится с поставленной нами задачей, — и, возможно, должен был заставить его делать то, чего он не хочет.

Через десять минут они вернули Ребенка в комнату. Он был в трансе и под наркотиком.

Весь мир лег мне на плечи. Смерть шагала подле меня...

...и как кот на мягких лапках, я шел тихо-тихо, крался... Словно привидение в старом доме — не принимая облика. Подобно весеннему бризу в траве. Я шел, и шаги мои были легки.

Они не будили эха. А в лабиринте оказалось куда теплее, чем обычно. Стены были неприятно горячими на ощупь — странное изменение, прежде здесь царил холод. Я осторожно выглянул из-за угла и увидел Минотавра. Не подозревая о моем присутствии, он читал Библию в кожаном переплете, полностью поглощенный этим занятием.

Медленно, чтобы не потревожить, я прошел мимо. Он не заметил.

Пасифая, вот твое страшное дитя.

Минос, твой лабиринт уродлив. Его нужно раскрасить и сделать удобнее.

Тезей, оставь свой меч в ножнах, ибо не нужно убивать печального и скромного Минотавра.

Провал светился оранжевым и пульсировал от поднимавшегося вверх мысленного жара. Опаляя края, он растекался по тоннелям лабиринта, изгоняя холод. В центре пропасти горела раскаленная добела точка.

Я потянулся и ухватил ближайшую мысль. Это было оружие, но вовсе не панацея, чтобы исцелить все скорби мира, никакого абсолютного дракона, которого я искал.

Формула вещества, вызывающего крысоподобную мутацию у нерожденных младенцев...

Излучение, способное мгновенно вытягивать влагу из живых тканей, за считанные секунды превращая тело в иссохшую мумию...

Там было множество ассоциаций с Б, некоторые из них вели к одной дальней точке, природу которой я не мог определить...

...слишком много мыслей с Б. Я стал исследовать их истоки и предназначение, но они, кажется, были совсем не тем, что нужно.

И тогда я нашел его, абсолютное оружие.

Случайная мысль. П... Поле Силы, способное не пропускать ничего, даже воздух, не позволя-

иющее проникнуть внутрь ни бомбе, ни бактерии... Поле...

Я поймал эту мысль и осторожно повел к основному потоку, к водовороту. Вот оно — абсолютное оружие, которое сделает все другое ненужным.

Я думал, что действовал тонко, но я недооценил Ребенка. Позади меня зацокали копыта.

— Пошел вон!

— Нет. Ты не понимаешь.

— Это ты не понимаешь!

Он ринулся вперед, но я быстро отступил в сторону, ударил его и толкнул через край, в пропасть...

Теория Поля Силы провалилась в водоворот. Вскоре ее услышат в темной комнате, запишут и передадут тому, кто воплотит в жизнь.

Откуда-то из пропасти раздался вопль, оглушительное улюлюканье, которое разнеслось по всем тоннелям, отдаваясь эхом. Подтянувшись на краю пропасти, Минотавр перевалился на площадку. Я понял, что кричал не Минотавр, но больше не видел никого.

— Что это такое? — спросил я, пытаясь перекричать невообразимый шум.

Глаза его дико вспыхнули, он открыл рот, и я с ужасом увидел скользнувшую вперед змею.

От моего удара он упал обратно в пропасть — и на этот раз полетел на дно.

Пора в обратный путь, решил я, но, когда подошел к пещере, свод ее рухнул, осыпав каменной крошкой мои ботинки. Выхода больше не было.

Я направился к морю и увидел, что водоворот стихает. Там тоже не было выхода. Никакой надежды! Забавная ситуация. Иисус, который не может восстать из гробницы, потому что она заперта. Но я ведь избавился от этой иллюзии, разве нет?

Что здесь происходит? Я закричал, перекрывая вопль, который все еще несся из пропасти. И тут мне показалось, что я могу отыскать причину происходящего, если прослежу эту мысль. Я потянулся к бурлящей реке и нашел ее...

Б... Б... БББББББББ... Беги по траве среди холмов... к Б... к Богу Богу Богу... он Бурей проносится над холмами, Безжалостный... Бог-Бог... БОГБОГБОГБОГ... Беспорядочно... зачем?.. поймал ветер — поймал Его, чтобы обнаружить Его цель, мою цель... ББББ...

И тогда я все понял. Цель жизни Ребенка поколебалась, когда он повстречался со мной, — точно так же, как и моя. Он не мог больше считать себя Христом Второго Пришествия, непорочно зачатым. Но у него не было компьютерного психиатра, чтобы разобраться в этом, и женщины, которую он любил и которая любила бы его. Лишенный общения, он обратился к теории в поисках ответа.

БОГБОГБОГБОГ... пойман в пещере, чтобы дать ответ... ББББ...

Я последовал за этими мыслями до самого конца, я шел против воли. Это была абсолютная теория, и он верил в нее безгранично...

Он пытался установить контакт с Богом.

Ребенок обнаружил местонахождение верховной сущности, наделенной высшим разумом, и спросил, в чем смысл жизни и того хаотического мироздания, в котором живут люди. И ему ответили. Его проблема была решена.

Он спросил, что было в центре творения. И получил ответ.

А я оказался пойманным в ловушку.

Нас здесь теперь стало трое.

Ребенок. Симеон и Бог.

И все мы трое были совершенно безумны.

Часть вторая

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ВОССТАНОВЛЕННАЯ...

Глава 1

Пойманный хитросплетениями мысли Ребенка, я почти утратил представление о том, что реально, а что — нет. Здесь, среди поразительно контрастных руин его подсознания, расплывчатые аналогии были столь же конкретны, как и известный мне земной мир. Камни оказались так же изъедены непогодой, листва деревьев играла всеми оттенками зелени, какие я видел и прежде, ветер менялся от пронзительно ледяного до удушающе жаркого, хотя чаще был просто умеренным. Там обитали птицы и животные, которые, хотя в той или иной степени отличались от своих реальных прототипов, были вполне достоверны, но более красочны и оригинальны. Поначалу я принял систематизировать различия реального мира от его аналога, существовавшего в мозгу Ребенка, но это знание лишь вызвало у меня меланхолию.

лию и неудовлетворенность, а вскоре вогнало в некое подобие маниакально-депрессивного психоза. Я понял, что если всю оставшуюся жизнь проведу здесь, то забуду другой мир, тот, который знал прежде. И ради спокойствия моей души я должен также забыть, что, слу-чись Ребенку умереть, умру и я, плененный его внутренним миром. Такова уж новая реальность, в которой я оказался, и оставалось только по-скорее к ней приспособиться.

И я приспосабливался.

Придя в себя и снова обретя способность мыслить, я не смог определить, сколько времени провел в беспамятстве. Постепенно в сознании всплывали обрывки воспоминаний. Я вспомнил, как бежал вдоль каменных каньонов, которые дрожали и меняли цвет, рушились, исчезали и воздвигались заново; там были дикие скалы, певшие погребальные плачи, переходящие в долгие пронзительные крики и стенания, — заслышав их, я падал, за-жимая уши руками, и тоже кричал. Я видел пятнистые небеса, переливавшиеся всеми оттенками то желтого, то красного цвета, а иногда в них возникали отвратительные черные и коричневые вихри. Я восходил к холоду и спускался в жару. Побывал на берегах стран-ных морей с водой вязкой, как сироп, и возле озер, от которых пахло бренди. Мне являлись темные фигуры, подобные гигантским паукам,

танцевавшим среди бесконечных паутин из клейких белых нитей, слизни, ползавшие по стенам и исчезавшие, едва я подходил поближе, чтобы рассмотреть их. Временами мимо меня проносился Поток Силы, вихрь безумной струящейся энергии, который был Им — Богом, безумнейшим из нас троих. А потом я очнулся, лежа на полу широкого тоннеля, словно упал на бегу, спасаясь от чего-то страшного. Я сел, огляделся, понял, что действительно оказался в ловушке. Делать нечего — нужно постараться извлечь как можно больше пользы из теперешнего моего положения.

Кроме того, я лелеял слабую надежду: возможно, душа этого морщинистого мальчика, этого Ребенка, выздоровеет. И тогда откроется путь наружу, появится способ вернуться в мое собственное тело. А его непременно должны сохранить там, в ИС-комплексе, — питать внутривенно, содержать в порядке, надеясь, что я вернусь, как только смогу. Если Ребенок станет нормальным, я сумею пробиться через подсознательные блоки и вернуться в свое тело. Я вновь обрету свободу! Даже такая малюсенькая надежда помогла мне остаться в здравом уме, чтобы не обезуметь и не вернуться в свое тело сùмасшедшем.

Существовала к тому же еще и возможность, тщательно исследовав этот кошмарный ландшафт, отыскать щелку в холодном камне, ко-

торый не давал мне уйти. Я мог потратить на поиски сколько угодно много дней, все равно делать больше нечего, и в конце концов найти выход. Конечно, вероятность удачи очень мала, ибо ментальный аналог Ребенка огромен, это целый мир, и, по-видимому, потребуются годы и годы на то, чтобы исследовать все его уголки. К тому же сознание разрушенное, пытающееся полностью скрыться от реальности, вряд ли оставит брешь в своей ограде.

Но я надеялся. У меня оставалась только надежда, и я ее бережно лелеял.

Глава 2

Итак, обретя здравый ум и решимость, я начал исследовать место, в котором оказался. Мне не нужно было запасать провизию для моего путешествия, каким бы долгим оно ни оказалось, ибо я больше не нуждался в физической пище и не испытывал голода — только изредка посещало смутное воспоминание о былой жажде. Я не мог чувствовать ни боли, ни наслаждения — разве что на эмоциональном уровне. Хотя этот мир казался таким же осозаемым, как реальный, я двигался через него словно привидение, автономно. Я мог добывать пищу и питье из воздуха — так же, как сотворил себе меч для сражения с Минотавром, потому что оста-

вался на том же уровне психической энергии. Но это было бы просто игрой с единственной целью — сделать этот мир не столь чуждым мне и более похожим на привычный. И я решил, что сумею выжить, только забыв истинную реальность и полностью приняв эту.

Мне не требовался отдых, потому что мое здешнее тело не знало усталости. Я мог бежать, позволив ветру трепать мои волосы, много часов подряд, и мышцы не уставали.

Решив тронуться в путь, я вышел из пещеры на выступ шириной не более двух футов среди склона неимоверно огромной горы, серый камень которой был источен непогодой. Ниже росли искривленные ветром деревья, их корни всучивали почву, как гигантские щупальца. Густая пелена скрывала небо — толща серых туч перетекала от горизонта до горизонта. Ленты тумана тянулись вниз по склону горы, касались деревьев и обвивали мои ноги, так что ниже колен я ничего не видел.

Я пошел вверх по тропе, погружаясь в темноту. Иногда тропа исчезала, и мне приходилось карабкаться по крутизне, пока я не находил ее вновь. Страха я не знал, ведь ничто не могло мне повредить — пока Ребенок жив, я, заключенный внутри его сознания, неуязвим.

Дни — а может, недели — спустя я добрался до вершины серой горы. Там было четыре пика, каждый высотой с человеческий рост, между ко-

торыми вполне хватало места, чтобы встать. Я протиснулся туда и огляделся, надеясь взглянуть на мир, порожденный измученным разумом.

Все вокруг окутал туман, скрывавший тот путь, который привел меня наверх. Было холодно и сыро, и на мое обнаженное тело оседали блестящие капли влаги, однако этот холод не причинял мне неудобств. В сумрачном свете, к которому уже успел привыкнуть, я ясно различал повисшие на волосках моих рук и ног капли росы — они походили на жемчужины в этом мерцающем полумраке.

Я смотрел с вершины во всех направлениях. Иногда серая завеса приподнималась, приоткрывая странные картины. Похоже, до любого уголка этого мира от вершины рукой подать — миля самое большее. Я видел зеленые поля и серебристые реки, прорезавшие их подобно извивающимся змеям. Холодные белые равнины, покрытые снегом, с торчащими ледяными торосами, похожими на сломанные зубы. Взору моему представляло нечто похожее на непрходимые джунгли, где черные цветы расцветали в темной зелени. Бесконечные мили песка, раскаленного добела безжалостным солнцем. Горы сухой земли, хаотично разбросанные по пересеченной местности. Была там гряда расколотых черных гор, и солнечный свет, отражаясь от их мрачно поблескивавших отполированных поверхностей, становился коричневым.

Было ясно, что мне придется исследовать все эти места, чтобы найти путь наружу — если он вообще существует. Я покинул свое убежище меж четырех каменных колонн, снова ступив на тропу, извивавшуюся по склону горы.

Позади осталась третья пути вниз, когда неведомые твари упали из тумана, скользнули у меня над головой, рассекая воздух острыми темными крыльями и противно вопя. Я посмотрел вниз, туда, где исчезли незнакомки, а они тем временем возникли снова и грациозно устремились ко мне. Теперь удалось разглядеть их получше — похожи на летучих мышей и покрыты черной шерсткой, теплой и уютной на вид. У них было по паре больших глаз, которые смотрели на меня взглядом, исполненным глубочайшей меланхолии.

Они уселись на тропу передо мной, свернув за спиной крылья. Там, где их крылья соединялись с плечами, росли маленькие ручки, непропорциональные и бесполезные.

— Куда ты идешь? — спросила меня большая тварь.

- Во все страны, — сказал я.
- Они велики. И многочисленны.
- Время у меня есть.
- Это верно.
- Откуда вы взялись? — спросил я, отлично зная, что это создания мысли Ребенка, приду-

манные им точно так же, как и все прочие животные, населившие его мир, однако меня заинтересовала их кажущаяся разумность.

— Мы из... Мы оттуда, где он пойман.
— Где пойман Ребенок? — спросил я.
— Да, — подтвердила самая маленькая тварь.
— Почему Ребенок не пришел сам? Почему он должен принимать обличье птиц?

— Он пойман. Он хочет выйти, но пути нет, разве что через бессмысленных животных, живущих в его ландшафтах. Может лишь дотянуться до нас, сделать крупнее, чем мы были, и обозревать эту Землю нашими глазами.

— Вы можете проводить меня туда, где заключен Ребенок?

— Мы не знаем.
— Но он же может сказать вам.
— Он тоже не знает, — заявила тварь по-меньше.
— Но, в сущности, вы обе и есть Ребенок, — возразил я.

Ветер толкал нас, но мы не придавали этому значения.

— Я тоже так полагаю, — согласилась ее более крупная подружка. — Но на самом деле мы мало на что способны.. Помогаем ему по мере возможности. Но, наделив нас разумом и психической мощью, он не в состоянии полностью овладеть нами и говорить через нас так, как он хочет.

Меньшая крылатая тварь шагнула вперед и заговорщики склонила голову:

— Ты конечно же знаешь, что он безумен, а потому отстраняется от полного контроля над своим внутренним миром. Мир остается, и он поддерживает в нем жизнь, но не разделяет более его гармонии.

— Понимаю, — кивнул я. — Но зачем вы пришли ко мне?

— Мы живем в горах, — сказала тварь побольше. — Пока ты здесь, мы должны поговорить с тобой о твоем путешествии.

— Говорите, — сказал я.

Начал накрапывать мелкий теплый дождь.

— Мы не знаем, что именно должны сказать, — продолжила моя собеседница. — У нас есть только основное побуждение. Мы понимаем: Ребенок хочет поделиться с тобой соображениями о твоей идее путешествовать, но не можем точно сказать, какими именно. На наш взгляд, он хочет, чтобы ты продолжал путешествие. Возможно, он чувствует, что ты найдешь то место, где он сейчас находится, и освободишь его.

— Возможно.

— Мы знаем, что там темно, холодно и какие-то мерзкие создания ползают по синему полу, все время ползают вокруг него, не давая ни минуты покоя. Такое у нас впечатление.

— Попробую отыскать это место, — пообещал я. — А теперь мне пора идти.

Без единого слова они взмыли над пропастью, скрылись в тумане, с шумом рассекая его крыльями, и улетели.

Я устремился вниз, миновал вход внутрь горы. Шел еще день и оказался в поросшей деревьями долине, где в воздухе пахло сосновыми и цветами. Там меня поджидало похожее на волка создание с косматой головой и полной пастью острых зубов. Глаза его блеснули сталью.

— Я поведу тебя через долину, — сказал он, скребя землю когтями. — Я знаю ее и могу дать тебе заглянуть во все дыры, какие только здесь есть.

— Прекрасно.

— Но сначала ты должен изменить себя. Приими мой облик, чтобы нам было удобнее.

Я забыл, что воображаемое тело, избранное мной для путешествия по внутреннему миру Ребенка, не единственное, которое может вместить мою психическую энергию. Облик человека не был чем-то обязательным или существенным: психическая энергия способна принять любую форму, какую я пожелаю. Я ослабил поверхностное напряжение потока, позволив моему человеческому телу расплыться, утратить контуры и исчезнуть, и стал меняться, пока не превратился в двойника ожидавшего меня волка.

Я фыркнул, поскреб по земле бритвенно острыми когтями и увидел перед собой кучку земли. В этом новом теле я чувствовал силу, которой никогда не ощущал прежде, передо мной открылась иная перспектива в мире, окружавшем меня. Как будто я родился ликантропом.

— Идем, — сказал я.

Волк повернулся и потрусили между могучими деревьями, его лапы взрывали сухие коричневые сосновые иглы, сплошным ковром устилавшие землю. Онисыпали меня, когда я торопился последовать его примеру.

Я бежал, и мое дыхание паром поднималось в холодном воздухе. Земля стелилась подо мной. Во все стороны разбегались мелкие зверюшки, в страхе спеша убраться с моего пути. Это была совершенная реальность, и она делала меня царем зверей в этой части леса. Я ощущал необыкновенный восторг от своего всемогущества и превосходства над мелкими тварями. И пока был упоен этим чувством, подстерегавшая меня опасность тянула ко мне ледяные пальцы, — а я ни разу не задумался об этом, не осознавал этого...

Я наслаждался работой мышц, которой не знал ни будучи человеком, ни будучи духом. Мы выбежали на поляну. Сосновый лес кончился. Мы мчались бок о бок, стремительно, уверенные в себе.

Началось настоящее путешествие.

Глава 3

Мы крались по чащобе, проницаясь через подлесок, вынюхивая запах Ребенка, запах его ментальной сущности. Иногда я забывал обо всем, кроме моих могучих плеч, смертоносных когтей и зубов, чрезвычайно острого нюха.

Нам приходилось пробираться сквозь темные заросли вдоль склона горы, обращенного к лесу, рыскать во мраке самых потаенных уголков, где зрение отказывалось служить нам. Переворачивать гнилые стволы рухнувших деревьев и разрывать землю у корней, разыскивая нору, через которую можно было бы пробраться в темницу Ребенка. Мы ныряли в пенящиеся водопады, которые низвергались в долину с высоты тысячи футов, разыскивая пещеры за водными завесами, и не находили ничего. Если и существовало место с синим полом, где Ребенок лежал, окруженный неописуемыми злобными монстрами, то в этой долине его не было. Не было там и двери в его подсознание, и выхода отсюда. Пожалуй, мое путешествие обещало продлиться гораздо дольше, чем мне думалось.

По некоторым причинам я был рад его продолжению. Мне очень не хотелось расставаться с тем обликом, который я принял, и возвращаться в мир, чтобы снова стать человеком.

Шел снег. Волк вел меня через поля к непроницаемой стене тумана, отделявшей эту часть

мира от следующей. Большие белые хлопья оседали на наш мех, и мы мерзли, трусясь рысцой вперед.

Мы бежали след в след, и тут слева от нас за-пахло чем-то вроде оленя. Мой товарищ кинул-ся за ним. Я поспешил вдогонку, чуя ветер, снег и запах плоти мелких тварей. И тут увидел, как он прыгает... приземляется... Воздух задрожал от крика его жертвы.

В этот миг, когда агония разорвала воздух криком и гордость удачной охоты охватила меня, я чувствовал себя больше волком, чем человеком, и опасность стала рости неотвратимо.

Я подошел к собрату и принюхался, глядя, как он рвет мясо. Кровь ударила струей из разорванной артерии, заалев на его темной шерсти. Она стекала по его клыкам, пятнала снег вокруг, застывала на холоде. И запах ее воз-буждал.

Я завыл.

Мы вместе сожрали животное, и мой спутник долго смотрел на меня холодными се-рыми глазами, в которых ничего нельзя было прочесть. Когда мы закончили трапезу, морды у нас были в крови и снег вокруг покраснел от крови, но я не чувствовал отвращения — ско-рее воодушевление.

Мы вернулись на прежний путь и достигли колеблющейся стены тумана, сквозь которую мне предстояло пройти.

- Хочу вернуться, — сказал я.
- Да? — потрясенно выдохнул он.
- Могу я вернуться?
- Чего ради?
- Присоединиться к твоей стае.
- Это глупо, и ты это знаешь. Ты должен идти дальше. Иди.

Он развернулся и побежал обратно, опустив голову, покрывая каждым прыжком несколько ярдов.

Взглянув вечно серое небо, я ощущил внутри сосущую пустоту и стал разбрасывать снег, докапываясь до земли. Затем ткнулся своим окровавленным носом в снег и перекопал запятнанную белизну. Как мне хотелось остьаться здесь навсегда, не заботясь о своей истинной природе и наследии, отправиться за ушедшим волком в его стаю. Ночью мы спали бы в потаенных пещерах, в тепле, и забавлялись со стройными, ладными волчицами, у которых серые глаза и черные, влажно блестящие носы. А днем охотились бы в лесной чащбе. Кровь и товарищество — вместе бежать, вместе убивать! Здорово! И я забуду про свинцовые небеса...

Но существовала одна мучительная причина, по которой я должен был пройти сквозь завесу тумана в следующий ландшафт, хотя я и не мог припомнить какая. Я ступил в туман, напрягся, но не обнаружил опасности, только холод-

ную влажность, и, издав низкое, горловое рычание, прорвался на ту сторону.

Путешествие продолжалось.

Новая сеќция этой вселенной-в-подсознании походила на Ирландию — каменистая почва, округлые холмы, такие низкие, что не скрывали друг друга из виду, запах моря, отмели, омываемые приливами. У известняковой колонны меня ждал кентавр. Его голову венчали золотые кудри, ниспадавшие на плечи и обрамлявшие мужественное лицо: широкий лоб, глубокие черные глаза, взгляд которых свидетельствовал о стойкости и сильной воле, высокие аристократические скулы, гордый римский нос, тяжелый подбородок. Его грудь и руки бугрились мускулами. Книзу от плоского живота он был черным жеребцом превосходных пропорций.

— Мое имя — Касостро, но ты можешь называть меня Кас, — сказал он.

— Зови меня Симеон, — прорычал я.

— Теперь ты должен принять облик кентавра, — сказал Кас, подойдя ко мне. Его копыта гулко стучали по земле и пару раз высекли искры из булыжников. Длинный хвост разевался по ветру, лениво обмахивая бока.

— Мне нравится облик волка, — сказал я, роя землю. Мои когти скрежетали по камням — я точил их для дальнейших убийств.

— Он чересчур понравился тебе, — сказал Кас. — Это плохо.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, глядя на него своими мерцающими глазами, надеясь этим взглядом пробудить в нем ужас. Но ничего не вышло.

— Ты подвергаешься опасности сливаться с тем аналогом, который воплощает твою психическую энергию в данный момент. Хотя такая энергия податлива, со временем прочность облика возрастет, подавляя желание принять иную форму. Пробудь волком слишком долго — и ты обнаружишь, что пойман не только обличьем, но и характером этой твари.

— Ерунда, — возразил я, но не очень убедительно и так невнятно, что лишь подтвердило замечание Каса.

— Ты опровергаешь свои собственные слова.

— Я эспер, — сказал я.

— Ну и что?

— Я знаю толк в таких вещах.

— Но не понимаешь особенностей вселенной подсознания. Здесь хватает ловушек, которые в два счета поймают тебя — да-да, именно тебя, учитывая твое прошлое и твое ментальное состояние.

Я копнул землю.

— Так помоги мне понять, — выдавил я наконец, обуреваемый сомнениями. Мне не хотелось верить его словам. Я предпочел бы бежать, рвать мясо и играть с самками в темноте логова.

— Ментальные ландшафты Ребенка населены лишь созданиями из легенд и мифов. Он много читал об этом с тех самых пор, как выучил буквы, просмотрел сотни кинолент. Это было ему интересно, поскольку он надеялся найти цель более привлекательную, чем та, что связана с христианским мифом о Втором Пришествии, который он относил к себе.

— Но тот волк совсем не мифическое создание, — возразил я. В волчьем обличье говорить по-человечески было нелегко.

— Есть одна тибетская легенда о монахах, превращенных в волков. Это были люди, которые любили роскошь и предали истину своей религии. Они были жадны до женщин, вина, драгоценностей и еды — до всего, что служит для наслаждения. После того как они надругались над детьми, их Бог пришел к ним в обличье демона и предложил им бессмертие в обмен на души. Он учинил им испытание, желая знать, полностью ли они предались злу или есть еще в их душах что-нибудь хорошее. Но все девять монахов с жадностью ухватились за бесконечную земную жизнь, пожертвовав нирваной, вечной жизнью на ином плане бытия. Тогда Бог дал им бессмертие и сокрушил их души. Но дал бессмертие в облике волков, злобных, всем ненавистных тварей, которые не могут познать женщину и вы-

нуждены прятаться в темных логовах, тварей, неспособных ощутить вкус вина или жареного мяса.

— А ты хочешь, чтобы я превратился в кентавра?

— Да. Чем чаще ты изменяешься, тем меньше вероятность, что тебя поглотит какой-нибудь мифологический прототип. А ты, преследуя цель, которой не достичь в человеческом облике, близок к этому.

— Я могу сопротивляться.

— Ты не можешь, — возразил Кас, отбрасывая назад золотистые кудри. — Именно ты, потому что всю жизнь, как и Ребенок, искал в неверной логике мифов оправдание собственному существованию.

— В христианском мифе, — поправил я, недоумевая, зачем спорю.

— Это тот же самый уровень. Христианский миф может поймать тебя так же легко, как и любой другой. В любом мифе ты найдешь ту же простоту и привлекательность, что и в христианских легендах. И ты никогда не покинешь этого места.

И тут впервые я вспомнил о Мелинде. Я выкинул ее из головы, забыл об интервью с ней в том, другом мире, о ее улыбке, ее стройном теле. А теперь эти воспоминания заполнили мое сознание.

Через некоторое время Кас спросил:

- Так ты будешь?
- Что?
- Меняться.
- Я полагаю... да.
- Тогда скорее.
- Я помедлил.
- Скорее.
- И я изменился.

Мы шли через холмы, мы скакали под стальными грозовыми облаками. Мои золотые волосы развевались по ветру — хвост тоже.

Эта скачка была куда лучше, чем бег в волчьей шкуре, ибо даровала ощущение радости и свободы.

Однако Ребенка здесь не было. Мы искали везде. Обследовали даже ровный белый пляж, на который набегал прибой, разбрасывая раковины и разгоняя крабов. Отпечатки наших копыт остались в грязи болот, на жирном черноземе долин, на прибрежном песке. Мы поднимались на немногочисленные скальные пики и оглядывали эту часть мира в поисках пещеры и норы. Со временем, когда стало ясно, что здесь нет ни комнаты с синим полом, ни выхода из подсознания Ребенка, мы достигли завесы тумана, за которой скрывалась другая часть мира.

Пришла пора расстаться с кентавром Касом, хотя мне и хотелось пребывать здесь в облике получеловека-полуконя. Он рассказал мне,

как расстаться с обликом кентавра, оказавшись за туманной стеной, я внимательно выслушал его и обещал все в точности исполнить.

В следующем ландшафте я снова принял человеческий облик, хотя сбрасывать прежний мне было неимоверно жаль. Здесь вообще отсутствовала жизнь — ни единого существа, облик которого я мог бы принять, так что не стоило и волноваться относительно возможности слияния с каким-нибудь мифическим персонажем. Это была страна разрушенных черных гор и скал самых причудливых форм. Солнечный свет отражался от зеркальных камней и становился удручающе темным, коричневого оттенка. Воздух был неподвижен, как в закупоренном сосуде, не потревоженный даже малейшим дуновением ветерка. Ни звуков, ни движения. На небе, всегда отвратительно желтом, как темная горчица, ни облачка.

Я шел вперед.

Гладкие ониксовые скалы холодили мои босые ноги. Когда я карабкался на них, мои пальцы извлекали из сверкающей поверхности противные звуки, совершенно невыносимые в мертвой тишине.

Это место мне совсем не нравилось, я стремился поскорее выбраться отсюда. Но именно здесь я нашел Ребенка, нашел то место, где он был заключен в своем безумии...

Глава 4

Проделав по черной стране долгий путь, я добрался до скального разлома тысяча ярдов длиной и три ярда шириной, сужавшегося ближе ко дну до двух футов. Внизу, примерно в трехстах футах, мерцал синий свет. Он походил на ласковый отблеск текущей воды, но после однообразия унылого ландшафта, через который я пробирался последние несколько минут, и этот неяркий свет больно резал глаза.

Я крикнул, и внизу зашелестело эхо, но ответа не последовало. Если именно здесь и ждал меня Ребенок, связанный своей ненормальностью, окруженный безымянными демонами, то он не был способен отзываться.

Я свесился через край и посмотрел на дно разлома. Потом отрастил крылья, как у тех, похожих на летучих мышей, тварей с горы. Сначала я спускался плавно, раскрыв крылья, но вскоре мне пришлось постепенно сворачивать их, по мере того как стены сближались. Последние несколько футов я пролетел камнем и упал на синий пол, который оказался ледяным.

Справа, футах в трех от ледяного пола, в скале был высечен проход, уходящий в глубь камня. Я лег на живот и пополз по мерцающему льду. Было холодно, но неудобства я не испытывал, к тому же воздух приятно освежал. Еще сотня футов — и черный каменный свод резко

ушёл ввысь. Я оказался в пещере, в которой мог встать во весь рост.

Поднявшись на ноги, я пересек пустое пространство и пошел туда, где инкрустированный льдом камень открывал путь вниз. Там я обнаружил лестницу, грубо вырубленную во льду, осторожно спустился по ней и очутился в темной комнате с синим полом, и она не была пуста — посреди нее сидел Ребенок, и его аналоговое тело было таким же, как настоящее.

И...

И мерзкие создания ползали вокруг него, вычерчивая бес смысленные круги. Эти воплощения неотвратимого зла ужаснули меня, хотя я и знал, что они не могут причинить мне вреда. Они походили на скорпионов, размерами превышавших длину руки. На спинах топоршились острые пластины, с каждой стороны туловища шевелилось по двадцать паучьих ног. Ядовитые хвосты на конце раздваивались, и на каждом из зубцов было по три острых как иглы шипа. Твари не устремлялись в мою сторону, не шевелили антеннами, окружавшими их жвалы, — словом, не проявляли никаких признаков того, что заметили мое присутствие.

Они все ползали и ползали, их ноги шуршали по льду.

Количество тварей не оставалось постоянным. То их было меньше дюжины, то вдруг становилось больше сотни, словно морозный воз-

дух порождал их, потом тридцать, снова дюжины, две дюжины... Как я ни вглядывался, так и не смог уловить момента, когда они появлялись или исчезали, хотя число их менялось с каждой секундой. Мне казалось, будто я нахожусь в комнате смеха, вокруг кривые зеркала, и тварь на самом-то деле всего одна, а множатся или исчезают только ее отражения — в зависимости от того или иного угла поворота зеркал.

— Ребенок, — позвал я.

Сморщеный гном не ответил, не обратил на меня внимания. Он созерцал кошмарных скорпионов, которые чертили вокруг него круги, держа его в повиновении.

С самого своего первого погружения в его подсознание я не ломал голову над причинами появления тех или иных ментальных аналогов, составлявших его внутренний мир. Я принимал их как данность, что-то делал, затем искал путь наружу, путь к свободе и возвращению в собственное тело. Сейчас, наблюдая за этим странным парадом, я начал размышлять о том, что же представляет собой это скопище монстров. Почему сущность Ребенка, его энергия и разум уловлены в этом месте, привязаны к этому малому кусочку вселенной его подсознания? Что такое эти скорпионы, которые окружают его и несут свою злобную стражу?

Я присмотрелся к ним повнимательнее и обнаружил, что они не столь реальны, как кентавр

или волк. Они менялись, как будто были жидкими, и внутри них бурлили фрагменты образов. Теперь для меня не составляла секрета их истинная природа.

Человеческое сознание состоит из трех частей: Эго, или Я, Супер-эго — *сверх-Я* и Ид — *Оно*.

Первое — это то, что мы есть и что проносим через всю жизнь. Второе — то, что мы думаем о себе и в чем пытаемся убедить других. Третье — это все то, чем мы хотим быть и что хотим делать, но о чем — под страхом общественного осуждения или из-за конфликта между нашим *сверх-Я* и чувством вины — никогда не дерзаем помыслить. Это то самое *Оно*, в котором обитают темные устремления человеческой души: жажда крови и желание терзать плоть, сексуальные вожделения, в том числе извращенные, побуждение к каннибализму. Мы подавляем *Оно*, и большинство из нас даже не осознает, что *Оно* в нас живет, как червь в яблоке, — столь всеобъемлющ для нас покров цивилизованности. Так вот эти скорпионоподобные монстры и были вожделениями Ребенка, его уродливыми желаниями, которые он, как и все, подавлял. Я не взялся бы утверждать, каким образом они вырвались на свободу, как окружили его, но у меня появилась пара мыслей на сей счет. Вероятно, размышляя о себе как о Христе Второго Пришествия,

Ребенок не мог сделать вид, что *Оно* не существует. Вероятно, в конце концов, чтобы поддержать свой божественный статус, он должен был оторвать *Оно* от других составляющих разума, отделить его от *Я* и *сверх-Я*. И теперь эти вожделения пытались воссоединиться с его разумом, установить контакт с эфирными частями его мыслительных процессов, которым они принадлежали. Или, возможно, *Оно* было выброшено из его разума, когда он стал терять рассудок. Как бы то ни было, монстры-вожделения нашли его и окружили своим злом. Он удерживал их на расстоянии своей психической энергии, не будучи способен признать, что они — его часть. (Интересно, он все еще вынашивал идею Второго Пришествия или предпочел какую-нибудь другую мифологическую легенду?)

— Ребенок, — снова позвал я.

И снова не получил ответа.

Если бы я мог освободить его, хотя бы на миг войти с ним в контакт и добиться пусть небольшого просветления, то, вероятно, заставил бы его открыть выход в сознание, дорогу, которая выведет меня наружу. Но пока вокруг сновали скорпионы, а Ребенок был поглощен созерцанием этих забытых вожделений, я не мог дотянуться до него.

В третий раз с тех пор, как я впервые проник в его разум, я сотворил меч из воздуха и,

шагнув вперед, расположился первого попавшегося на пути скорпиона. Он исчез. Я убивал каждую тварь, появлявшуюся в поле моего зрения.

Они кричали, щелкали жвалами, царапали ледяной пол.

Я не знаю, как долго продолжалось сражение. Может быть, много дней — хотя здесь не было закатов и восходов, — но я не чувствовал усталости, не нуждался в пище и питье. Со временем число скорпионов стало уменьшаться, и наконец исчез последний из них. Я знал, что они сгинули не навсегда, потому что также являлись сгустками психической энергии, и, следовательно, их невозможно было уничтожить окончательно. Но пока их круг распался.

Ребенок сидел на льду, по-прежнему глядя туда, где еще недавно маршировали скорпионы, но теперь не было ничего, кроме изрытого льда. Осторожно приблизившись, я тронул его за плечо:

— Ребенок!

Тишина.

— Ребенок! Отзовись!

Он посмотрел на меня. Заморгал. И вдруг его безумие, прорвав оболочку, низверглось прямо на меня!

Я был окружен расчлененными людскими телами, оторванными руками и ногами, окровавленными губами, выбитыми зубами, обожжен-

ной плотью, вырванными глазами. Отвратительные монстры надвигались на меня, хватали, старались опрокинуть, укусить и сожрать мою нереальную плоть.

Я вновь оказался на грани безумия. Лишь недавно мне удалось преодолеть его, с трудом сохранив разум; если я оступлюсь и снова рухну в эту бездну, выхода из нее мне уже не найти. Дважды обезуметь — это слишком, и во второй раз никакая логика мне не поможет.

Я прорывался сквозь толпу монстров, через кошмарное скопище мертвых мужчин и женщин.

— Ребенок! — закричал я.

На меня бросился уродливый гигант. Он тянул ко мне огромные семипалые лапы; каждый палец оканчивался змеиной головой с разинутой зубастой пастью и желтыми глазами.

Я отшатнулся, упал и покатился по полу, по расчлененным телам.

Пальцы-змеи промахнулись всего на дюйм.

И тут на меня навалились искореженные тела, вцепились в меня, увлекая за собой в морскую пучину...

Я вынырнул на поверхность, расталкивая бесчетные трупы мужчин и женщин.

— Ребенок! — в отчаянии заорал я.

Новый гигант бросился ко мне.

В последний миг я увернулся и сделал единственное, что могло спасти меня. Отдавшись

на волю вожделений собственного *Оно*, поддавшись жажде крови и сексуальным желаниям самого низменного толка, я отпугнул толпившихся вокруг меня гигантов и драконов, отшвырнул волну человеческих тел, стремившихся разорвать меня в клочья, и мгновением позже уже вновь стоял на синем ледяном полу — возле погруженного в транс Ребенка.

Теперь я принял облик одного из гигантских скорпионов и приготовился к нападению: защелкал клешнями, подняв напоенное ядом жало.

Психическая энергия Ребенка воздвигла барьер между ним и мной, но я силой своего разума пробился сквозь эту стену и, бросившись на уродца, швырнул его на пол. На этот раз я не собирался ни спорить с ним, ни просить, а жадно пожирал его психическую энергию, впитывал, поглощал его разум, пока он не слился с моим.

Ребенка больше не было. Я убил его. И получил полный контроль над его телом. Покинув убежище среди скал, я растворил его, затем вздвинул гору, взошел на нее, шагнул в пещеру, через которую впервые попал в подсознание Ребенка. Я освободился и теперь смотрел на мир глазами Ребенка, его настоящими глазами. Во плоти...

Часть третья

НЕЗАВЕРШЕННОЕ ТВОРЕНИЕ...

Глава 1

Я обнаружил себя в теле Ребенка лежащим на больничной койке с ограждением, весьма напоминающим тюремную решетку. Комната, судя по всему, находилась где-то на верхних этажах здания ИС-комплекса. Свет был выключен, горел только неяркий голубоватый фонарик на потолке. Я увидел, что в комнате нет никого, даже сиделки. Сколько времени Ребенок лежит вот так, почти в коме, не имея возможности говорить, видеть и слышать, заключенный безумием в собственном подсознании? Дни или недели? А может, годы?

Ужаснувшись последней мысли, я приподнялся. От слабости у меня кружилась голова, бессильные костлявые ручки, казалось, готовы были сломаться от малейшего движения, но я все же сумел доползти до края кровати. Переbrавшись через ограждение, я увидел, что мои

коротенькие ножки на фут не достают до кафельных плиток пола, и эти жалкие двенадцать дюймов показались мне столь же трудно преодолимыми, как две или три мили. Я собрал все свое мужество и прыгнул, костлявые ноги подломились, и я рухнул ничком и остался лежать, переводя дух и собираясь с мыслями.

Неужели для Ребенка так все и было — неспособность владеть своим телом, беспомощность, зависимость? Ничего удивительного, что его поиски цели и смысла жизни оказались куда интенсивней моих.

Я встал на четвереньки, ухватился за край кровати и поднялся на ноги. Прикинулся: до двери примерно десять шагов. С трудом доковыляв до нее, я судорожно уцепился за ручку, чтобы не упасть снова.

Открыть дверь без шума оказалось непростой задачей, но я постарался с ней справиться, ибо не хотел, чтобы кто-нибудь проведал, что я очнулся и разгуливаю. Для начала следовало кое-что выяснить, попытаться узнать, как долго я был заточен в сознании Ребенка. И конечно же отыскать свое тело — его наверняка держат где-то неподалеку — и переселиться в него, прежде чем они узнают о моем возвращении. Я не доверял Морсфагену, как, впрочем, и любому другому профессиональному патристически настроенному солдафону. Чем меньше я буду знать о произошедшем за то время,

пока я оставался заперт в сознании Ребенка, пока пребывал во власти безумия, тем дальше окажусь от собственного тела — а следовательно, и от независимости, тем большую власть надо мной они приобретут.

Наконец дверь открылась, и я увидел пустой коридор, окрашенный в блеклый голубой цвет. Выйдя из комнаты, побрел вперед, держась за стену и стараясь не обращать внимания на боль во впалой груди той телесной оболочки мутанта, в которой ныне находился.

Мне не приходилось волноваться о сохранности тела Ребенка, ведь я уже уничтожил его самого, впитав его психическую энергию там, в комнате с полом из синего льда, скрытой под безжизненной черной страной. Он никогда не вернется в это тело. Я чувствовал его лишенный индивидуальности интеллект внутри своего разума, он усиливал остроту моего восприятия и обогащал способности. Но это было единственное, что осталось от Ребенка.

Я шел по коридору, не надеясь, что он слишком долго будет пустовать, а потому горел нетерпением узнать хоть что-нибудь о моем положении, прежде чем кто-либо меня увидит. Шел, цепляясь за стену, едва переставляя ноги. И когда впереди показался высокий человек в форме и вскрикнул в удивлении, я упал...

А очнулся в той же самой комнате, в той же самой кровати, с поднятыми металлически-

ми ограждениями. Однако кое-что изменилось. Комната была ярко освещена, возле кровати дежурила сиделка, седая матronа с приятным лицом, на котором отражалась крайняя озабоченность. У двери стоял часовой с расстегнутой кобурой на поясе. Зачем понадобились такие предосторожности, если я едва мог передвигаться, оставалось только догадываться. Морсфаген и врач в белом халате стояли справа от моей кровати и смотрели на меня. Во взгляде медика был профессиональный интерес. На лице Морсфагена читалась ненависть и звериная хитрость.

— Добро пожаловать назад, — сказал генерал.

— Я хочу пить, — выдавил я, осознав, насколько пересохло у меня в глотке.

Сиделка подала мне воду, и я моментально всю ее выхлебал. Льдинки хрустели на зубах, ранили десны, и все же вода была прекрасна. Лучше дорогого вина.

— Больше никакой воды, вообще ничего, пока мы не получим ответы на некоторые вопросы, — предупредил Морсфаген.

— Вперед, — разрешил я.

— Что случилось с Симеоном Келли?

Я было удивился, но мгновенно осознал: они же не знают, что перед ними не Ребенок. А следовательно, не знают и еще многих вещей — что в свою очередь давало мне преимущество.

— Келли — это я.

— Нам не до шуток, — отрезал Морсфаген.

— А я и не щучу.

Генерал пристально посмотрел на меня:

— Объясни.

Я рассказал ему о том, как Ребенок исследовал природу Бога. Открытие, что во Вселенной нет никакого смысла, что Бог безумен и все такое, его, казалось, совершенно не тронуло. Может, он вообще не поверил мне? Нет, скорее уж мне не поверили доктор, сиделка и охранник; жесткий, холодный взгляд Морсфагена сказал лучше всяких слов, что он-то как раз поверил, — и не только поверил, но и сам пришел к точно такому же заключению некоторое время назад, хотя и не имел доказательств. Я понял, что в жизни Морсфагена не было места Богу, вере в Небеса, ад и воздаяние за грехи.

Я намеренно умолчал о том, как поглотил энергию Ребенка. Пусть думают, что вскоре все вернется к норме, тогда, возможно, постараются поскорее переселить меня в мое тело, где бы оно ни было.

Закончив рассказ, я спросил:

— Сколько времени прошло?

— Месяц, — ответил генерал.

Могло оказаться и хуже. Я уже готов был принять как должное «годы», так что счел ответ Морсфагена подлинным благословением. За ме-

сяц много чего могло произойти, но Мелинда, вполне вероятно, еще ждет меня. Харри жив. Мой дом не продан за долги. Да, все можно было вернуть к норме.

— Хочу свое тело, — сказал я. Это был первый шаг к норме.

— Возможно, — сказал Морсфаген.

Я посмотрел на остальных — поняли ли они всю жестокость этой насмешки? Никто из них, казалось, не обратил внимания. Или это условие их работы — не обращать внимания?

— Что значит — возможно?

Сказанные голосом Ребенка, слова эти прозвучали зловеще, хотя на самом деле мною владел страх.

— Возможно, — бесстрастно произнес генерал, — для нас всех будет лучше, если никто за пределами этой комнаты никогда не узнает, что вы выздоровели и готовы вернуться в свое тело. Куда меньше проблем — вы будете работать на нас, а нам не придется платить за это. Сдается мне, это неплохая идея.

Сиделка не слишком вникала в суть происходящего, но на ее лице отражалось полное согласие с Морсфагеном.

Доктор считал удары моего пульса, прослушивал легкие, осматривал глаза и уши, игнорируя все вокруг.

Часовой имел такой же невозмутимый вид, как и Морсфаген.

Я был один.

Но теперь на моей стороне выступали интеллект Ребенка, усиливший мой собственный, и хитрость, которой я прежде не обладал. Морсфаген думал, что знает меня: парень, мол, несдержан и остер на язык, но не слишком сообразителен. А я изменился и теперь был не менее опасен, чем он сам.

— Тут есть одна проблема, — сказал я.

— Какая?

— Я говорил вам, что мне понадобится целый месяц, чтобы побороть собственное безумие и освободиться от сумасшествия Ребенка. Я чуть снова не потерял рассудок, пробиваясь наружу через ландшафты его подсознания. Вы сканировали на этом уровне?

Он кивнул, но ничего не сказал.

— Теперь, если я останусь в этом теле, поблизости от его разума, то опять впаду в безумие — и на этот раз оно будет перманентным. Я уже не смогу восстановиться.

Неживой свистящий полушепот Ребенка делал мои слова более убедительными.

Морсфаген задумался, точно почувствовал перемену во мне, уловил обретенную хитрость. И все-таки не мог рисковать и понимал, что моя взяла. Решился он запереть меня в теле Ребенка, и может проиграть подчистую. А такие промахи отнюдь не способствуют военной карьере.

— Отвезите его, — приказал он доктору. — Мы вернем ему тело.

Он улыбнулся мне, но улыбка эта была не из приятных.

— Но вам лучше сотрудничать с нами, Келли. Сейчас война, и нам не до ваших выкрутасов.

— Я понимаю, — не без сарказма ответил я.

— Надеюсь. — И он ушел.

Через несколько минут меня повезли по коридорам на рандеву с моим собственным погруженным в кому телом...

Все это время я торжествовал: мне, похоже, удается одержать верх, и, прежде чем они разберутся, что к чему, я окажусь в выигрышном положении. Теперь я обладал энергией и силой двух разумов, к тому же мой собственный интеллект был теперь дополнен сложнейшим интеллектом Ребенка. Они — просто люди, говорил я себе, куда им тягаться со мной.

Я не понимал, что совершаю ту же ошибку, которую уже совершал дважды. Раньше я считал себя Христом Второго Пришествия, и эта фантазия превратила мою жизнь в кошмар. В подсознании Ребенка я охотно перевоплощался в мифологические образы, в нечто сверхчеловеческое, и это могло стоить мне разума. И вот теперь, когда меня везли по коридору, я снова видел в себе нечто большее, чем человек, — младшего Бога, который вскоре явит

свою силу. И эта иллюзия собственного величия неизбежно должна была привести к непоправимому несчастью...

И привела...

Глава 2

Мои ноги сводила судорога, от малейшего движения начинали болеть руки и плечи — должно быть, персонал не очень-то хорошо следил за моей бренной оболочкой в течение того месяца, что она пребывала в полной неподвижности. Я ощущал слабость, желудок мой, казалось, сжался, а все внутренности ссохлись. Тем не менее все прошло прекрасно. Я был так рад снова очутиться в своем собственном теле, что не придавал значения неудобствам, связанным с моим возвращением к жизни, а потому не жаловался и даже старался не кривиться от боли.

Морсфагена это, похоже, разочаровало.

Тело Ребенка увезли из комнаты — оно будет жить, хотя никогда уже не станет вместилищем разума. Я им этого не сказал, поскольку еще не выбрался из здания ИС и из цепких рук военных. Морсфаген не простит мне такого фокуса, и мне очень не хотелось бы оказаться поблизости, когда он узнает правду.

Я принял душ, смывая многонедельный запах больничной койки. Горячая вода разогре-

ла одеревеневшие мышцы, и одеваться мне было уже не слишком тяжело. Когда я надел куртку и посмотрел на себя в зеркало, Морсфаген сказал:

— Ваш стряпчий ждет внизу.

Я удержался от уничтожительной реплики, потому что знал: именно этого он и ждет. Генерал упорно искал повод задержать меня — силой или превентивным арестом. Почему мы не поладили с самого начала и почему теперь наши распри переросли в ненависть? Этого я не знал. Конечно, мы принадлежали к совершенно разным человеческим типам, но наше противостояние было чем-то большим, нежели столкновение непохожих личностей.

— Спасибо, — вежливо ответил я, и у Морсфагена не осталось причин для гнева. Я прошел к двери, открыл ее и почти миновал коридор, когда наконец услышал:

— Пожалуйста.

Я обернулся и посмотрел на генерала — он улыбался той самой холодной улыбкой ненависти, к которой я уже успел привыкнуть. Он, конечно, сказал «пожалуйста», но в этом слове не было искренности. Морсфаген понял меня и знал, что я понимаю его.

— Мы свяжемся с вами послезавтра, — сказал он. — У нас много работы, но после всего, что вы пережили, вы заслуживаете отдыха.

— Благодарю вас.

— Не за что.

На этот раз он ухмыльнулся. Закрыл дверь и пошел к лифтам в сопровождении темноволосого голубоглазого солдата шести футов четырех дюймов ростом. По дороге мы ни о чем не говорили — не потому, что испытывали обоюдную неприязнь, просто нам не о чем было говорить; мы напоминали физика-ядерщика и необразованного плотника, встретившихся на званом вечере, — они не смотрят друг на друга с высокомерием, но их разделяет пропасть, делающая невозможным нормальное общение.

Харри ждал меня в холле, беспокойно теребя свою шляпу, и, едва двери лифта открылись, стиснул злосчастный головной убор своими сильными ручищами и решительно двинулся к нам. Он улыбался — и это была первая искренняя, дружественная улыбка, которую я увидел с тех пор, как очнулся в теле Ребенка.

Я даже не пытался сдержать слезы. Очень уж любил этого неуклюжего, неряшливо одетого коротышку ирландца, хотя большую часть жизни скрывал эту любовь, может быть потому, что рано научился ненавидеть и презирать, чтобы защитить себя. Когда Харри вырвал меня из мирка ИС-комплекса и показал, что такая настоящая преданность, я не утратил своих опасений. Легче жить, не привязываясь к людям, чтобы позднее, когда тебе причинят боль, ты не доставил противнику удовольствия

увидеть твои страдания. Но теперь мне не было до этого дела, и глаза мои повлажнели от слез — неосторожного свидетельства любви.

Мы поспешили через холл к лифтам и спустились в подземный гараж, где дежурный подвел Харри его ховеркар, получил от него на чай и отступил в сторону. Мы выехали из огромного здания, озаренного множеством огней, и, только оказавшись на улице, вздохнули с облегчением, словно многотонный камень свалился с наших плеч. Лишь сейчас, оказавшись вне пределов досягаемости микрофонов, которыми начинены все государственные учреждения, мы обменялись первыми словами.

— Ну, теперь расскажи мне обо всем, — попросил он, переводя взгляд с улицы, укрытой свежевыпавшим снегом, на меня. — Они не позволяли мне навещать тебя чаще раза в неделю.

— Ты видел только плоть и кровь. Все это время я был внутри Ребенка, заперт в его разуме.

— Так я и думал. Но эти, — он жестом указал куда-то назад, и на лице его отразилось отвращение, — эти смазливые мальчики в форме — я им не доверяю.

— Они действительно не заботились о моем теле как следует. Желудок усох. А в остальном я в порядке.

Он фыркнул:

— Ну, рассказывай же!

— Сначала ты. Я отсутствовал месяц и не имею ни малейшего понятия о том, что здесь происходило. Когда я уходил, едва не объявили войну. Китайцы и японцы перешли русскую границу, кажется, сбросили ядерную бомбу на город...

Харри помрачнел и стал смотреть на дорогу, не говоря ни слова. На улице было темно, голубоватый свет фонарей и снегопад рождали странные призрачные видения. Машины проезжали очень редко.

— Войну объявили через два дня, — наконец сказал он.

— Мы победили?

— Отчасти.

Я видел улицы, совершенно не пострадавшие, заполненные нашими солдатами и полицейскими. Однако это же выдавало не вполне нормальное положение вещей. На каждом углу стояли полицейские «ревунки», копы обозревали темные улицы, провожая нас быстрыми сумрачными взглядами, хотя и не порывались преследовать.

— Отчасти? — переспросил я.

К тому моменту, как мы проехали город, Харри подвел итоги войны, длившейся почти месяц:

— Китайцы на самом деле уничтожили Завитинск, и там нет больше ничего, кроме пыли и обломков. Из достаточно многочисленного населения города спаслось шесть сотен человек.

Белогорск пал, его лаборатории захвачены и взяты под охрану Народной армией Китая — эвфемизм для названия вооруженной руки пекинской диктатуры и их японских союзников. Через день китайцы вошли в Свободный и Шимановск, отхватив таким образом кусок русской территории.

Тем временем Западный Альянс готовился к решительным мерам и делал строгие предупреждения Китаю, который конечно же их игнорировал. ООН пригрозила Китаю санкциями. Китайцы и над этим посмеялись. Страна желтого дракона впервые за многие столетия почуяла свою силу и самодовольно ею злоупотребляла. Альянс выжидал, торопливо доводя до ума электронные щиты, придуманные Ребенком и выдернутые из его разума моими экстрапсENSORными способностями. Стратеги сошлись на том, что нет смысла раздувать локальную войну до глобальных масштабов, пока одна из сторон не будет надежно защищена генераторами силового поля — пока Западу не будет обеспечена победа.

Первые две недели после начала войны китайцы укреплялись на оккупированных территориях, стягивали войска для дальнейших захватов. И все время напоминали о своих «Драгонфлях», почти неприкрыто угрожая. Они распространяли лживые заверения в том, что получили все земли, которые хотели, переме-

жая их бахвальством, будто с легкостью переживут ядерную и бактериологическую войны, так как их население многое больше, чем наше.

Альянс тянул время, сдерживая ярость.

Затем японская армия внезапно высадилась на Формозе, явившись буквально из моря. Пока все пушки были нацелены на Китай, они вошли через заднюю дверь и захватили дом. Силы Альянса, размещенные на этой стратегической авиабазе, оказались уничтожены. Но китайцы и японцы отрицали свое участие в убийствах.

На следующий день, хотя борцы за мир и митинговали возле резиденции правительства, электронные щиты были развернуты над всеми стратегически важными регионами Западного Альянса. Через несколько часов сотни тысяч жизней были оборваны смертоносным пламенем. Враг успел нанести ответный удар, но щиты сделали свое дело, и города Альянса остались невредимы. Снова и снова Народная Армия Китая запускала ракеты, нацеленные на Россию, Западную Европу и Северную Америку, однако ни одна из них не причинила вреда.

В отчаянии китайцы обрушили на города Альянса чумные дожди, но и они не достигли цели. В сельских районах были отдельные жертвы, но иммунизационные команды поработали на славу. Материальный ущерб оказался равен нулю.

Тогда в последнем приступе бессильной ярости китайцы сбросили ядерную бомбу на небольшие незащищенные города, но на большее сил у них уже не хватило.

Японцы сдались, чтобы сохранить хотя бы те клочки земли, которые уцелели на их островах после удара Альянса.

В конце концов был найден китайский командный центр, его разрушили, и война завершилась. По крайней мере, все так думали...

— Думали? — недоуменно уточнил я.

— Наши военные лидеры — амбициозные люди, — пояснил Харри. Его тон не предвещал ничего хорошего.

— И что же?

— Мы сделали ошибку, когда приняли новый закон об армии, — сказал он.

— Это как?

— Попытайся представить себе этих людей, Сим. Хорошо оплачиваемые профессионалы были не у дел двадцать четыре года. А им очень нравится играть роль старшего брата-защитника, они обожают затевать сражения и планировать военные действия. Мы отдали себя в руки тем, кому нравится война, и снабдили их машинами для нее. И вот со всем этим оборудованием и умением убивать они сидят четырнадцать лет без дела, потому что идет «холодная война» и пушки молчат. Да перед этим еще два десятилетия мира, когда вообще не было конфлик-

тов. Они не имели случая показать себя, а поскольку относятся к тому сорту людей, которым постоянно нужно доказывать, в том числе и самим себе, что они на многое способны, от этого балансирования на грани войны просто-таки на стену лезли.

Внезапно я почувствовал себя больным, сам не понимая почему. Ночь словно стала темнее и холоднее, и мне вдруг страшно захотелось увидеть Мелинду, захотелось ее прикосновений и поцелуев, тепла и близости. И желание это было столь жгучим, что у меня даже закружила голова.

— Ну и что? — через силу выдавил я.

— Они не захотели останавливаться. Еще бы, ведь им очень нравилось воплощать в жизнь свои идеи. И такой близкой к осуществлению казалась извечная мечта о завоевании всего мира. Они могли присоединить к Альянсу любую страну. Планы, большие и малые, заговоры, контрзаговоры и контр-контрзаговоры — все это сложилось в великолепную мозаику, и они не устояли. Просто не могли устоять. Китай был оккупирован, но потом стволы орудий повернулись в сторону Южной Америки.

— Но ведь она нейтральна!

— По большей части, — согласился он. — Но генералов Альянса смущает автономия Южной Америки, особенно с тех пор, как Бразилия вышла в космос и стала возить минералы.

с Титана. Континент пал меньше чем за неделю, если говорить точно — вчера. Они или были не готовы к войне, или переориентировали армию на космические исследования. И в результате пришли под знамена Альянса — волей или неволей, но пришли.

— Все страны уже вошли в Альянс?

— Не совсем. В России военные взяли верх над правительством уже много лет назад. Франция и Италия опираются на средний класс. Испания — военизированная страна; с ней все понятно.

— Но Британия и Штаты примут это в штыки!

— Британия отказалась, заявив, что не отдаст своих граждан на растерзание Альянсу, но по-прежнему поддерживает торговые и дипломатические отношения со всеми своими союзниками. Она слишком мала, чтобы противостоять общему напору, и может только надеяться сохранить свою военную целостность — больше ничего. Канада поступила так же, хотя Квебек объявил о независимости, получил ее и присоединился к Альянсу. Что же до нас, то мы в первых рядах с тех пор, как русские генералы выдвинули это предложение. Борцы за мир были правы во всем — наемная армия может превратиться в опасную силу и свергнуть законно избранное правительство, когда придет время. Нами теперь правит коалиция ар-

мейской и полицейской верхушки, возглавляемая Советом из восемнадцати генералов и адмиралов. Война тем временем продолжается.

— Кто на очереди?

— Австралия. Она в последнее время стала самодостаточной, что никогда не нравилось военным советникам Альянса. Сегодня вечером уничтожен Сидней, а вскоре после этого правительству Австралии предъявлен ультиматум.

После этого мы некоторое время молчали.

Снег все шел и шел.

— Значит, диктатура? — спросил я.

— Они это так не называют.

— Нацизм?

— Не стоит пользоваться терминами прошлых эпох. Можно биться об заклад, что, едва только кончится эта война, Альянс развалится из-за какого-нибудь пустяка. Скажем, русские выступят против нас — грядет настоящий Армагеддон. Они отведали крови, и с обеих сторон уже воскресла старая ненависть.

— И ничего нельзя сделать?

Харри не ответил. Впрочем, на этот вопрос не было ответа. В салоне машины повисло тягостное молчание, что, разумеется, отнюдь не поднимало мне настроения.

Мы жили в век стремительного развития истории. За неделю могло случиться больше, чем за год в прошлые столетия. Все двигалось беспостановочно, менялось, и мы оказались захва-

чены этим движением, унесены в бурное море, чтобы сгинуть в водовороте или быть выброшенными на неведомый берег.

Я чувствовал, что мне суждено стать одним из утонувших. Военная машина знала мне цену. И даже после окончания войны я могу служить хунте, помогать угнетать тех, кто не понимает прелести военизированной нации. Я не знал, смогу ли этим заниматься — или стану одним из мятежников. Всю свою жизнь я дрейфовал от одного эмоционального срыва к другому, снова и снова захлебываясь в бурных волнах. А потом встретил Мелинду, и мой психиатр вылечил меня. Я впервые открылся миру, вкусили свободы и обрадовался ей. Мое сумасшествие в разуме Ребенка и долгий прорыв наружу нарушили наслаждение новообретенным покоем. А теперь, когда я вернулся и наше с Мелиндой счастливое будущее было в моих руках, весь мир попал в руки безумцев, которые грозили разорвать его на кусочки.

Нет, я не мог утонуть. Я должен был подняться на гребень волны, спастись, чтобы спасти Мелинду. Черт бы их всех побрал вместе с их бомбами и войной!

Пока мы ехали, я чувствовал, как нарастает во мне ярость; как она захлестывает мой разум, все мое существо. И понял, что недостаточно будет очутиться на гребне волны. Нас двоих, может, и вынесет на берег после Апокалипси-

са. Но наш мир будет разрушен, и у нас не будет свободы — не будет ничего. Жизнь станет постоянной борьбой за выживание в обществе, отброшенном к варварству. Нет, надо забыть о желании оказаться на гребне — я должен найти способ управлять течениями проклятого океана нашего будущего!

— Ты знаешь, мне приятно твое общество, — сказал я Харри, — но не мог бы ты отвезти меня не к себе, а к Мелинде?

Он помедлил, прежде чем ответить, но все же сказал:

— Ее нет дома, Сим. Она арестована. Мелинда Таусер — политзаключенная.

Мне понадобилось несколько бесконечных секунд, чтобы осознать услышанное. Меня охватил почти божественный гнев, и я стал иссовать, против кого обратить его. Я не боялся за безопасность Мелинды, ибо был уверен в своем могуществе. И по-прежнему не чувствовал, что снова прибегаю к ложной философии, столько раз доводившей меня до беды...

Глава 3

Я стоял у окна в кабинете Харри со стаканом бренди в руке, но так и не отпил из него. За окном виднелись черные скелеты деревьев, засыпанные снегом газоны и заиндевелый ку-

старник живой изгороди. Этот безжизненный зимний пейзаж как нельзя лучше соответствовал моим мыслям, а я размышлял сейчас о том, что рассказал мне Харри по дороге к дому. Мелинда была замешана в истории с памфлетами какой-то революционной группы и находилась под следствием. Она написала мою биографию, и после журнальной публикации первой части — детство в ИС-комплексе — ее арестовали для допроса в связи с убийством полицейского и нападением на «ревунок», произошедшем за две недели до того. Проведен допрос или нет — никто не знал: она все еще находилась под арестом.

Журнальная статья была не просто моей биографией: она содержала несколько антивоенных замечаний и выпадов против ИС, насчет публикации которых мы до моего заключения в разуме Ребенка так и не приняли окончательного решения.

— Когда суд? — спросил я. По настоянию Харри мы отложили обсуждение этой проблемы до тех пор, пока не окажемся в его теплой и уютной «берлоге».

— Дело будет рассматриваться в Военном суде. В сентябре.

— Семь с половиной месяцев! — Я отвернулся от окна, в гневе расплескав бренди.

— Если на дело навешивают ярлык «государственная измена», законы это допускают.

- А залог?
- Никакого залога.
- Как никакого?
- Вот так.
- Но по закону...

Харри жестом остановил меня. Выглядел он ужасно, словно ему было тяжелее говорить это, чем мне — слушать.

— Помни, у нас больше не республика. Всенизированное государство, в котором члены хунты решают, каким должен быть закон. Ради общественного спокойствия, как они говорят, залог отменен, и понятие превентивного задержания расширилось бесконечно.

— Так борись с ними! — воскликнул я. — Ты же боролся за меня, когда...

— Теперь все не так. Ты не понимаешь нынешнего положения вещей. Для того чтобы освободить тебя, я обратил против них закон. Но теперь сами они и есть закон и могут устанавливать какие им вздумается правила. Бороться с ними сейчас — все равно что танцевать на зыбучем песке.

Я сел в кресло, чувствуя, что снова испуган — совсем немного испуган; страх этот таился внутри меня и не проявлялся внешне. Просто мир вокруг стал казаться похожим на вселенную в сознании Ребенка, где все выглядело прочным и ощутимым, но ничему нельзя было верить, где твердое вещество могло испа-

риться, а жидкость — обратиться в твердую почву под ногами.

— Она не единственная, — сказал Харри. Как будто страдания многих делали для меня судьбу Мелинды менее важной!.. Нет, именно это и делало ее важнее всего.

— Я позвоню, — сказал я и потянулся за телефоном.

— Кому?

— Морсфагену.

— Возможно, ты совершаешь ошибку.

— Если этот сукин сын хочет, чтобы я на него работал, пусть вытащит ее из Гробницы!

Я нашел его номер, набрал и стал ждать, пока солдат позовет к телефону младшего офицера, пока тот пойдет за майором (майор оказался заикой) и пока, наконец, майор позовет Морсфагена.

— В чем дело? — спросил он. Холодно. Властно. Голосом хорошо выдрессированного налогового инспектора.

— В Гробнице содержится одна девушка, задержанная Бог знает почему за антиправительственную агитацию. Она...

— Мелинда Таусер, — оборвал меня он, явно наслаждаясь моментом. Так, будто собирался испытать на мне орудия средневековых пыток.

— Вижу, что вам известно абсолютно все. Ну так вот. Я хочу, чтобы ее освободили, сняв все обвинения.

- Это не в моей власти, — сказал генерал.
- Напрасно.
- Но это так.
- Напрасно, потому что в таком случае вы потеряете эспера.

— Служащие, призванные на время войны, а эсперы относятся именно к этой категории, никогда не теряются, — парировал он.

Собран, холоден, спокоен. Это приводило меня в ярость. Хотелось вышибить ему зубы. Он еще, наверное, и улыбался — той самой улыбкой.

— Служащие не могут быть призваны в принудительном порядке, пока...

— Вы что, угрожаете мне, что откажетесь от службы правительству во время национального кризиса? — В каждом его слове сквозила эта ненавистная улыбка. Пытка началась, орудия были пущены в ход.

— Послушайте, — сказал я, меняя тактику, — оставим пока обвинения. Положим, вы просто пойдете мне навстречу и отпустите ее под залог. Просто под залог, но она останется под судом.

— Это не в моей власти, — повторил он, однако по голосу чувствовалось, что в его власти абсолютно все.

— Черта с два!

— Я не вхожу в Совет, вы же знаете.

— Послушайте, Морсфаген, пусть она уничтожит эту чертову книгу. Ведь дело в книге, не так ли? Первая часть, да?

— С книгой или без, но проблема остается. Опасность не в напечатанных страницах, а в головах людей, которые переносят слова на бумагу. Впрочем, тут не о чем спорить. Ничем не могу вам помочь. Кроме того, я видел ее фотографии и уверен, что вы можете подождать семь месяцев ради такой женщины.

У Морсфагена был голос телефонного хулигана, при этом он умудрялся сохранять власть. Казалось, что генерал сдерживает торжествующий смех, но даст ему волю, едва только повесит трубку.

— Теперь я, по крайней мере, знаю, почему вы стали военным, — сказал я обманчиво ровным голосом.

— Да? И почему же? — Он не раздумывая шагнул прямо в ловушку.

— Когда мужское достоинство незначительно, пушка, должно быть, служит некоторым утешением, — отчеканил я и бросил трубку.

— Определенно, ты совершил ошибку, — сказал мой наставник.

Я снял с вешалки куртку и принялся натягивать ее.

— Может быть.

— Никаких «может быть». Куда ты собрался?

— Домой, упаковать вещички и смотаться. Позже я сообщу тебе, где меня искать. Нет, погоди. У меня есть ключ от квартиры Мелинды. Если она еще не занята, я остановлюсь там. Они сейчас же начнут проверку всех отелей, так что там может оказаться безопасней. Возможно, я не так ценен, как думаю, или им на самом деле не нужен эспер. Но я думаю, что они еще приползут ко мне через некоторое время; это единственный способ помочь ей.

— Ты любишь ее?

Я лишь кивнул, не в силах это выговорить. Не знаю, были ли виной тому остатки моих божественных иллюзий. Или я просто боялся, что ее чувства ко мне не так сильны, как мои, и она забыла меня за этот месяц.

— Тогда поторопись, — сказал Харри. — У тебя не так много времени.

Я вышел из дома в стиле «тюдор», прятавшегося среди заснеженных деревьев, взял один из двух принадлежащих Харри ховеркаров и поехал домой. Я вдавливал педаль акселератора в пол. Машину швыряло от одного края дороги к другому, она вздымала облака снега, но я никого не сшиб.

Возможно, единственной причиной ареста Мелинды были ее собственные действия? Но я прогнал эту мысль. Отличный же они выбрали крючок, чтобы меня зацепить, если когда-нибудь вернусь из несуществующего царства

Ребенка. Должно быть, сочли Мелинду надежной страховкой от моей горячности и глупости.

Я припарковал ховеркар в моем внутреннем дворике и вошел в дом через двойные стеклянные двери, быстро собрал два чемодана, выгреб кучу наличности из сейфа в библиотеке и распихал пять пачек по пяти разным карманам. Все это были кредиты Западного Альянса, так что падения и возвышения правительства мало сказывались на их покупательной способности. Прихватил два пистолета из моей охотничьей коллекции внизу, по коробке патронов к ним, и все это отнес в машину.

Когда я покинул двор и по дороге огибал утес, с которого открывался великолепный вид на мою часть Атлантического океана, явилась полиция. В восьмистах футах внизу, у самого начала подъема, тащился «ревунок» во всей своей бронированной красе.

Глава 4

Я остановил ховеркар и смотрел на приближающиеся машины; всего их было три — тот «ревунок», который я увидел первым, передвижная лаборатория, напичканная приборами (что они хотели здесь найти, я не представлял себе), и обычная патрульная машина с парой полицейских. Они послали против одного че-

ловека тяжелую артиллерию, причем не тратя времени зря. Я критически оглядел склон, поросший лесом. Ховеркар его не одолеет: для транспорта на воздушной подушке нужны ровные дороги; в гористой же местности четыре его тяжелые лопасти вонзятся в первую маломальскую возвышенность, погнутся, проткнут дно кабины, — ничего хорошо это мне не сулит. Мягко говоря. А если вернуться, то найти убежище я смогу только в доме, а дом стоит на самой вершине утеса, и другой дороги из него нет. Я дорого заплатил за свое уединение, и теперь именно это уединение обернулось против меня.

Завыла сирена. Можно подумать, без этого я не увидел бы проклятую машину и не понял бы, чего им всем тут нужно. Передовая машина была уже в трехстах футах, ее огромные лопасти создавали воздушный поток, от которого мой ховеркар закачался, словно на волнах.

Морсфаген не собирался рисковать. Посаженный под домашний арест, запертый в ИС, я, несомненно, буду работать на них и уж точно не стану совать палки в осиное гнездо из-за Мелинды Таусер. Возможно, генерал собственной персоной ехал в последней машине, чтобы улыбнуться своей знаменитой улыбкой, когда меня запихают в «ревунок» и втихую увезут.

Однако я вовсе не собирался настолько упрощать их задачу.

Зовите меня героем. Зовите меня отважным. Зовите меня авантюристом. Я обзывал себя дураком, полным идиотом и сумасшедшим. Однако истина, как всегда, где-то посередине.

Развернув ховеркар боком к «ревунку», я проскочил по узкой полоске вдоль самого края дороги, нацелившись в сторону обрыва. На миг я утратил самообладание, но затем мое безумие (или героический порыв — как вам будет угодно) взяло верх, и я до отказа вдавил педаль акселератора.

Машина жалобно звякала и задрожала, бешено взревели вращающиеся лопасти. Ховеркар на мгновение замер, словно бы в нерешительности, потом стремительно рванулся вперед, сорвался с края обрыва и завис на высоте трехсот футов над морем, словно пушинка одуванчика, — и тут же камнем полетел вниз — вниз...

Я держал акселератор на пределе, создавая мощную воздушную подушку под брюхом маленькой машины, однако горизонтальное управление заблокировал, чтобы машина не расходовала ни капли энергии на движение вперед или назад, — только вниз. Ховеркар раскачивался, и я изо всех сил жал на педаль коррекции, чтобы погасить колебания.

Казалось, белый песок взметнулся вверх, а я вишу на одном месте. Если бы я сделал то же самое футов на сто ближе к дому, внизу был бы

не пляж, а камни и скалы. И моя история окончилась бы совершенно иначе.

На последних тридцати футах воздушная колонна, возникшая под брюхом машины, замедлила ее падение. Я приготовился к толчку и перегрузкам, надеясь, что лопасти окажутся не слишком повреждены. Наконец ховеркар коснулся брюхом песка, взвыли винты, вздымая песчаную бурю и вгрызаясь в землю, вокруг меня взметнулась белая завеса. Потом машину подбросило вверх, и она зависла в десяти футах над пляжем, сотрясаясь от движения лопастей, вращавшихся на бешеной скорости. Под днищем раздались какие-то скрежещущие звуки, однако ничего серьезного, должно быть, не произошло, если ховеркар все еще держался в воздухе, а я оставался жив. Я отпустил педаль акселератора и завис над песчаным пляжем на высоте двух футов.

Подведя ховеркар к самому краю прибоя, туда, где волны лениво лизали заснеженный берег, я взглянул наверх и увидел, как «ревунок» яростно рванулся вслед за мной с края обрыва.

Представьте себе, что такое «ревунок»: пятитонная громадина, способная при необходимости таранить стены, винты которой врачаются в четыре раза быстрее, чем у маленькой машины на максимальной скорости; с воздушными суперкомпрессорами для усиления тяги на слу-

чай крайней необходимости — вот как сейчас например... «Ревунок» может перепрыгивать десятифутовые ограждения, преследуя пешехода или мотоциклиста. Но это не то же самое, что прыжок с высоты в триста футов. Если моя машина падала как камень, огромный «ревунок» рухнул вниз как гора.

При падении он набрал такую скорость, что какая угодно воздушная подушка ему бы не помогла. Водители, как я понял, пришли к тому же выводу. За пуленепробиваемым винтовым стеклом можно было разглядеть их искаженные ужасом лица.

Казалось, их падение длится целую вечность, хотя на самом деле заняло от силы несколько секунд. От грохота лопастей зазвенели стекла моего ховеркара; гул разнесся над морем, подобно звуку пушечного выстрела. Сжатый воздух вырвался с чудовищной силой, — я подумал даже, как бы в моей машине не вылетели стекла. Я не хотел видеть то, что неизбежно должно было произойти, но, как ни старался, не мог отвести глаз, словно завороженный зреющим этого падения...

Вниз...

Вниз...

«Ревунок» достиг пляжа, взметнув смерч песка.
Но его падение не замедлилось.

С грохотом, от которого чуть не лопались барабанные перепонки, с лязгом и скреже-

том искореженного, сокрушенного невообразимой силой металла он врезался в землю. Кабину сорвало с движущейся платформы и швырнуло в сторону океана; на скорости более сорока миль в час она врезалась в песок, проехала в нем борозду и остановилась только в тридцати футах от берега. Водители были уже мертвые.

В момент столкновения с землей топливный бак под платформой треснул, и жидкое горючее выплеснулось на раскаленную движущуюся часть. Пыхнуло алым и ослепительно желтым, столб огня ввинтился в воздух, взметнувшись на добрую сотню футов. Полицейских, ехавших на «ревунке», разметало по песку, некоторых разорвало на части ударной волной, а затем горючее выплеснулось на них и вспыхнуло... Впрочем, все равно все они были уже мертвые.

Наверху, на самом краю обрыва, стояла машина передвижной лаборатории и ховеркар; их пассажиры и водители глядели вниз, бурно жестикулируя. Похоже, никого больше не увлекала идея спуститься, хотя у ховеркара, в котором сидели агенты в штатском, был шанс на успех, как и у меня. Не слишком большой шанс, впрочем.

Трагическая судьба «ревунка» послужила для остальных наглядным уроком. Дошло быстро и до всех.

Я развернул машину и повел ее по пляжу в направлении города, зная, что неподалеку будет неплохой выезд на шоссе.

Через несколько минут они пустятся за мной следом. Я гнал машину вперед, пытаясь забыть непреложную истину: войны делают всех людей убийцами, прямо или косвенно. Любой гражданин, одобряющий «наших» и призывающий «уничтожить этих ублюдков», в ответе за каждого убитого так же, как и солдат, держащий в руках оружие, — разве не так? Каждый из нас в ответе за безумие, поражающее род людской, даже те, кто живет замкнувшись в своих раковинах, даже они причиняют другим зло. Экзистенциализм? Возможно. Но тогда, на том вечернем пляже, когда я мчался по направлению к городу, оставляя за спиной пылающие тела, именно эти мысли помогли мне сохранить рассудок.

Чем дольше я ехал, тем сильнее злился на себя самого: я смотрел на них с таким высокомерным самодовольством — и при этом не испытывал ни малейшей уверенности в себе; я кичился превосходством, которого не ощущал. Пора перестать жалеть себя. Хватит яриться понапрасну — гнев может придать мне сил.

Я был сверхчеловеком, и настало время действовать подобающим образом.

По крайней мере, я так думал, мне так казалось...

Глава 5

В жилых комплексах, подобных тому, в котором находилась квартира Мелинды, все удобства современной жизни, каких только можно пожелать, собраны под одной крышей. Тут и супермаркеты, и специальные «народные» магазины продуктов, магазины одежды и салоны красоты, книжные лавки и театры, гаражи для ховеркаров и банки, бары и рестораны для тех, кому не хочется торчать по вечерам на кухне, товары для офисов и автомастерские; здесь есть водопроводчики, столяры, легальные проститутки и аптеки, где можно купить разрешенные законом химические стимуляторы, — словом, все, что душе угодно.

Для того чтобы связать всю эту систему в одно и дать возможность жителям любой квартиры комплекса добраться до нужной точки в течение нескольких минут (учитывая то, что каждый комплекс представляет собою квадрат три на три квартала, в каждом здании восемьдесят этажей, на каждом из которых по девять блоков квартир, — всего, значит, семьсот двадцать блоков, так что можно вообразить, насколько удалены друг от друга могут быть некоторые точки такого комплекса), создана целая система скоростных лифтов, обычных лифтов, эскалаторов, ведущих вниз и вверх, движущихся дорожек с различными уровнями скорости и

лестниц. Последних, впрочем, не много. Находясь неподалеку от любого из торговых центров, достаточно только встать у стены, чтобы ощутить вибрацию и услышать гул движения по этим транспортным артериям, движущимся непрерывно, как поток крови, в пластиковых и бетонных жилах этого огромного организма.

В таких комплексах можно провести всю жизнь, так и не увидев просторов и открытых пространств. Если желание отдохнуть от цивилизации с ее стремительными ритмами становится слишком сильным, здесь можно найти и подземные парки, озаренные поддельным солнечным светом, но зато с настоящими деревьями, бабочками, мелким зверьем и птицами, четыре уровня змеящихся тропинок вдоль звенивших ручейков. К услугам почитателей спорта стадионы, на которых каждую неделю проводятся игры, матчи и соревнования. Женщины, не стремящиеся сделать карьеру и предпочитающие вместо этого заниматься обустройством своего уютного гнездышка, могут обвенчаться в церкви комплекса, вернуться из свадебного путешествия и безвылазно провести следующие десять лет в восьмидесятиэтажном гигантском доме. Их мужья, работающие в магазинах и лавках комплекса, чья работа не связана с поездками в другие части города, тоже не чаще видят настоящее небо и внешний мир — разве что в окне, но оттуда, впрочем, как пра-

вило, открывается вид на соседний жилой комплекс.

И похоже, никто не возражает против такой жизни.

Подобный образ жизни рекламируется как счастливый, как предел желаний любого из нас.

К примеру, в комплексах, как отмечают агенты по торговле недвижимостью, трудно совершить преступление — все пространство просматривается скрытыми камерами. За всеми коридорами с центрального пункта ведут наблюдение полицейские, несущие круглосуточное дежурство. В комплекс невозможно попасть без пластиковой идентификационной карточки, а карточки эти выдаются только здешним жителям да изредка, после тщательной проверки, их гостям. Данные каждого обладателя карточки: отпечатки пальцев, рисунок сетчатки, группа крови, запаховый индекс, тип волос, энцефалографический облик — хранятся в памяти полицейского компьютера, а потому совершив преступление и не понести наказания за него практически невозможно. По сравнению с внешним миром — с его молодежными бандами, организованным рэкетом и диссидентами, — такая жизнь весьма и весьма привлекательна.

Загрязнение окружающей среды, по уверению тех же агентов, — серьезная проблема за стенами комплексов. До начала 1980-х годов

никто всерьез не боролся с загрязнением воды и атмосферы. Впрочем, и тогда далеко не все страны Европы и Азии осознали серьезность этой проблемы. Загрязнение не прекращалось до середины девяностых, когда как раз и началось строительство комплексов. И теперь за стенами комплексов смертность от рака дыхательных путей была в три раза больше, чем среди их счастливых обитателей. Примерно та же статистика существовала и касательно респираторных заболеваний. Агенты могли продолжать в том же духе до бесконечности — что, впрочем, они зачастую и делали. Комплексы были снабжены сложной системой фильтров, и продавцы жилья никогда не забывали об этом пункте рекламной кампании.

Инфляция, убеждал вас продавец квартир, куда менее заметна в комплексах, потому что служащие компании, которым они принадлежат, тоже делают покупки в их магазинах. Компаниям принадлежат сотни комплексов, и масштаб закупок поддерживает стабильность цен для проживающих.

Дух товарищества, настаивают агенты, почти совершенно исчез в городах и пригородах. Там, снаружи, искренне заверяют они, — человек человеку волк; там процветает принцип «своя рубашка ближе к телу». А здесь по-прежнему существует чувство локтя, общественное самосознание и все, что делает жизнь «такой, как

в старые добрые времена». Человек — не остров, он — часть континента.

Трубы. Барабаны. Конец рекламы.

Однако почему же я не живу в комплексе? Почему построил себе дом у моря, среди сосен? Ну, причин много.

Преступность, как мне кажется, есть не что иное, как необходимое зло, побочный продукт свободы. Когда вы даете человеку права, которые он ожидает получить согласно своему положению члена сообщества, вы наделяете теми же правами и людей нечестных. Преступность вписывается в систему свободного предпринимательства, отчасти перестраивая ее под себя. Так что вы их ловите, судите, наказываете, но вынуждены жить рядом, иначе придется урезать свободы, сократить список прав или вообще их отменить. Разумеется, все пострадают, когда это случится, но умнейшие и хитрейшие из нечестных в конце концов окажутся напереди, а может, именно они и отменят права, чтобы избежать конкуренции любителей. Они, назвав себя «городским правительством», воруют на законных основаниях. А жилые комплексы со всеми их телекамерами, «жучками», установленными на эскалаторах, лестницах и движущихся дорожках, с их картотеками и файлами, содержащими сведения обо всех жителях комплекса, с каждым годом все более разбухающие от новых сведений, вовсе не увеличивают граж-

данские свободы, а, напротив, постепенно отнимают их у людей.

Загрязнение? Что ж, возможно, я и умру от рака легких с большей вероятностью, чем житель комплекса, но зато могу вдыхать запах моря, влажной земли после дождя, озона после удара молнии. Мой воздух не профильтрован до полной стерильности и безвкусности.

Инфляция? Вероятно, в комплексах все и дешевле, и компании на самом деле стремятся всячески помогать их жителям. Однако есть что-то пугающее в зависимости от одного концерна в пище, питье, развлечениях, одежде, предметах первой необходимости и роскоши — по крайней мере для меня. Я перестал зависеть от Харри, моего «отца», когда был еще подростком. И вовсе не жажду, чтобы со мной нянчились и опекали меня до самой смерти — тем паче если заботиться будут компьютеры и бригада счетоводов.

Говорят, чувство товарищества делает жизнь в гигантских жилых комплексах лучше и проще. Но я вовсе не хочу, чтобы моими друзьями были все вокруг просто потому, что они живут рядом. Меня ничуть не радует идея университетского братства, командный дух маленьких людей или глухое отчаяние собраний стариков, которые под конец жизни начинают искать спасения от одиночества. Кроме того, прошлой ночью я видел великолепный образчик этого

«товарищества», превращающего «невинных» жителей комплекса в безжалостную тварь, шпионящую за своими соседями и готовую донести на них полиции. Это «товарищество» может привести к такому согласию, что любой инакомыслящий будет мигом обнаружен и уничтожен, будь он хоть трижды безвреден.

Нет уж, спасибо.

Я предпочитаю море.

И мои сосны.

И даже мой загрязненный воздух.

В квартире Мелинды все было по-прежнему. Вроде бы здесь ничего не искали, — если они на самом деле считали ее связанной с революционерами, это выглядело довольно странно. Я купил продуктов в супермаркете, устроил со-лидную трапезу и ел, пока мой бедный желудок не растянулся до нормальных размеров.

После этого я включил телевизор и обрадовался тому, что предпринял столько предосторожностей. Я поехал к аэропорту, оставил там мой ховеркар и привез сюда свои вещи на автобусе. Действуй я не так быстро и осторожно, меня бы уже поймали, потому что я стал телевездой. С экрана на меня смотрело мое собственное лицо.

В новостях показывали полицейских, делово-то настраивавших сложную аппаратуру в моем

доме. Они обнаружили признаки предательской деятельности, которые сами же там и разместили после моего бегства, в некоей «потайной комнате» фотопринтер и кипу антиалянсовских и антивоенных буклотов, написанных мною в соавторстве — они особо подчеркнули это — с Мелиндой Таусер, которую уже посадили. Там был даже склад оружия и небольшой станок для сборки бомб. Меня разыскивали по обвинению в антиправительственной деятельности. Очень ловко!

Но было и еще одно обвинение.

Убийство.

Они в деталях показали разбитый «ревунок» у подножия утеса, обгорелые тела людей. Даже выудили из моря изуродованную кабину и вытащили ее на берег. По версии ведущего новостей, я сшиб «ревунок» вниз, пошел на таран, и, когда водитель понял, что я в них врежусь, он свернул с дороги, чтобы я не уился. Как любезно с их стороны!

Я ждал, что репортер расскажет, как я проехал мимо еще одной полицейской машины, но он обошел это молчанием.

«Полиция говорит: Келли — киллер!» Классный заголовок, он несомненно украсит завтрашние газеты. Эти парни всегда любили аллитерацию.

Весь вечер я обдумывал план действий. Просто отсиживаться здесь, в то время как Мелин-

да в женской части Гробницы, среди холодных каменных стен, я не мог.

Часов в девять вечера мои размышления были прерваны воем сирен и стрельбой.

Я прислушался, раздумывая о том, не окружили ли они здание, догадавшись наконец, куда я мог исчезнуть. Но они вряд ли стали бы устраивать пальбу на улицах. И в сиренах не было бы необходимости. Сирены лишь предупредили бы меня, а в таком здании есть где спрятаться.

Я подошел к большому панорамному окну и взглянул на улицу с высоты восьмого этажа. Три «ревунка» развернулись поперек улицы, из них так и сыпались полицейские в форме — словно муравьи из разоренного муравейника. С четвертого этажа открыли огонь из ручного оружия, неэффективного против полицейских в полном обмундировании.

Затем последовала безнадежная, отчаянная и кровавая битва без смысла и цели, насколько я мог видеть. Люди на четвертом этаже явно считались врагами государства, потому что внизу была еще и армейская машина: похоже, операцией руководила какая-то большая шишка. Но почему они использовали не слезоточивый газ, а пули, я понять не мог.

Я смотрел со страхом и удивлением.

Наконец эти, с четвертого этажа, сдались, побросав оружие и боеприпасы на улицу. Про-

жектора осветили комнаты четвертого этажа: за разбитыми окнами стояла группа мужчин и женщин — потерянных, побежденных. Дверь распахнулась, и ворвались полицейские. У них были автоматические пистолеты, и они умело перестреляли три десятка человек, которые уже сдались. Высокая блондинка согнулась пополам и упала поперек подоконника. Ее пальцы скребли по деревянной раме, губы шевелились, лицо исказило осознание неизбежной смерти. Автоматная очередь бросила ее вперед, через разбитое стекло наружу, и она рухнула вниз с высоты шестидесяти футов. Длинные светлые волосы разметались по мостовой, окружив ее словно бы золотым нимбом...

Я отвернулся.

То, что я видел, было примером «товарищества», о котором твердили рекламные агенты. Соседи этих погибших мужчин и женщин выдали их в праведном негодовании — как же так, революционная ячейка в ИХ доме!

Согласие убило их вернее, чем пули.

Согласие, как мне вскоре предстояло убедиться, было живым яростным зверем, нападавшим на все, что не пришлось ему по вкусу.

А вдохновители этого согласия заперли Мелинду в клетку, где до нее можно было добраться в любой момент...

Глава 6

В четверть третьего утра, наскоро перекусив сыром и крекерами, я оделся и сунул оба заряженных пистолета в карманы куртки. Спустившись по бесконечным эскалаторам и бегущим дорожкам на нижний уровень западной стороны комплекса, я вышел наружу. Минуту наслаждался, вдыхая холодный воздух, потом повернул направо и двинулся к центру города. Я вздернул подбородок и шагал твердо и уверенно, стараясь не походить на беглеца. За десять минут мне повстречалась дюжина пешеходов, и ни один не удостоил меня взглядом, так что, решил я, маскировка работает.

Двадцать пять минут ходьбы от ее комплекса — и вот Гробница. В некоторых окнах административного крыла горел свет. Под зданием было не менее дюжины подземных уровней с камерами и комнатами для допросов. Самая прогрессивная тюрьма, самая современная — по крайней мере такой она была прежде. Но за годы, прошедшие с возобновления «холодной войны», она стала куда менее прогрессивной — при содействии реакционеров, которые рассматривали любое изменение как часть вражеского заговора, а несогласие — как ниспревержение устоев общества. Идеи реабилитации преступников были забыты теми, кто считал, что наказание предпочтительнее исправления.

Отчаяние, тоска и гнев становились спутниками тех, кто был заточен в этих стенах.

А теперь там была Мелинда.

На стоянке замерли три «ревунка», пустые и запертые. По краям площади высился сугробы, которые еще не успели убрать. Пустынную улицу пересекали длинные тени фонарей. Более всего это зрелище напоминало фильм, в который я попал при помощи непонятной магии.

Пистолеты лежали у меня в карманах, хотя я молился сумасшедшему Богу, которому ни до чего и ни до кого не было дела, чтобы мне не пришлось ими воспользоваться. Но ощущение рифленой рукоятки на ладони придавало уверенности — так католик хватается за смертном одре за распятие, чтобы не страшно было умирать.

Завернув за угол, я перешел заледеневшую улицу и направился к главному входу.

Двери открылись; двое полицейских прошли к «ревункам» на стоянке, сели в последний и укатили.

Я пошел дальше. Через тротуар, вверх по лестнице, по серым ступеням; сердце бешено колотилось, во рту пересохло. Я прошел через двойные двери в залитый светом холл, затем по главному коридору к лифту, на котором спустился на уровень камер. За дверью сидел часовой. Вот и первое препятствие.

— Да? — сказал он, отрываясь от журнала с раздетыми девчонками.

Я проник в центр его разума, отыскивая сцены его прошлого и будущего, которое он себе представлял. Я не делал этого с детских лет, когда надо мной проводили эксперименты в ИС. Процедура была неприятной и болезненной не только для моей жертвы, но и для меня самого. Но я отыскал худшие его мысли, крывающиеся в глубинах подсознания, — мечты, которых он боялся и стыдился. Я выбрал одну из них: он и его одиннадцатилетняя сестра, цепи, хлыст и прочие атрибуты сексуального извращения — все это с такой силой хлынуло в его сознание, что видение стало для него реальностью, и он перестал меня замечать. Он откинулся назад и замер.

Я покинул его разум.

Часовой согнулся над столом, ухватившись за его край, и тряс головой. Я вытащил из кармана пистолет и ударил его рукояткой по голове. Он тяжело отвалился в кресле. Я через стол подтянул к себе его обмякшее тело, стащил с него форменную куртку, разрядил оружие, связал руки и ноги и заткнул платком рот.

Затем я взял у солдата ключи и залез в файл со списками, отыскивая номер камеры Мелинды. Она находилась восемью этажами ниже. Я открыл один из ключей дверь лифта и поехал вниз.

Выйдя из лифта, наткнулся еще на одного часового, куда более настороженного. Он посмотрел на меня, понял, что я явно не из тех, кто постоянно пользуется этим лифтом, рас-

стегнул кобуру и выхватил пистолет с быстрой тренированного бойца.

Я проник в его мозг и нашел *Оно*.

Выплеснул его.

Вызвал видение его самого главного желания, которое было скрыто, спрятано, о котором он даже не подозревал. Там была струящаяся кровь, вопли, испуганные лица двух добрых людей... Детские руки — руки мальчишки, заносящие топор, и слабый свет уличного фонаря, пробивающийся сквозь окно спальни, зловеще поблескивающий на стальном полукуружье...

Когда я покинул его мозг, он выронил свой пистолет и со стоном ударил по стене кулаком. Я милосердно вырубил его. Когда он очнется, видение больше не вернется к нему, он даже и не вспомнит о нем. Но эта мысль не помогала мне почувствовать себя героем.

Вскоре и этот часовой был связан, я взял ключи от камер и пошел за Мелиндой.

В камере горела настольная лампа — Мелинда читала какую-то пропагандистскую книжку, которую вручали заключенным. Я вставил ключ в скважину и открыл дверь. Она увидела меня на пороге, открыла было рот и не сразу его закрыла. Потом судорожно вздохнула.

— Если помешал тебе читать, то я приду позже, — сказал я, указывая на агитку в ее руках.

Мелинда отбросила ее в сторону.

— Поразительная ерунда, но увлекает, ей-богу, — сказала она. — Парень, который ее написал, или величайший мошенник, или много о себе воображает — в последнем случае он, несомненно, полный кретин.

— Вы не рады мне? Не поцелуете героя, оказавшегося среди вас?

— Но я здесь в единственном числе. Хотя в этот мешок, который они называют одеждой, поместились бы несколько таких, как я. — Она одернула форму. — К тому же в нём «жучков» полно... Ты здесь. Признаться, я не ожидала... И как мы теперь выберемся отсюда? Особенно я, в этой напичканной «жучками»...

Я вытащил из-под пальто джинсы, свитер и ветровку, которые нашел в ее квартире, и спросил:

— Как насчет стриптиза?

Мелинда усмехнулась, стащила с себя форму, даже не попросив меня отвернуться, — да я бы и не отвернулся, — и быстро переоделась.

Я чувствовал себя героем от макушки до пяток, но рассудок во всю мочь вопил: «Дурак!»

Выходя из камеры, она приподнялась на цыпочки и поцеловала меня, потом стремительно отвернулась и пошла было вперед, но не успела сделать и двух шагов, как я поймал ее за плечи и развернул лицом к себе. В ее глазах стояли слезы. Этого я и ожидал.

— Эй, — сказал я с обычной мужской тупостью, которую слезами не пронять. — Эй!

Ну не дурак ли?

— Идем, — сказала она.

— Что-то не так?

— Я все думала, жив ли ты, где ты, придешь ли ко мне.

— Но, конечно...

— Ш-ш-ш. — Она приложила палец к губам, затем вытерла слезы. — У нас нет на это времени, так?

Мы закрыли дверь камеры, заперли ее и пошли по коридору. Камеры были отгорожены друг от друга цементными стенами, но от коридора их отделяли только решетки, так что мы видели их обитателей. Никто из них, кажется, нами не заинтересовался.

Мы вышли к первому лифту, миновали обоих бесчувственных часовых. Когда второй лифт открылся и выпустил нас в главный коридор, мы быстро пересекли холл, толкнули стеклянные двери и вдохнули холодный ночной воздух. Никто не обратил на нас внимания. Я взял Мелинду за руку, и мы стали спускаться с крыльца...

...чтобы столкнуться с генералом Александром Морсфагеном и четырьмя молодыми и обученными солдатами с оружием в руках!

— Добрый вечер, — сказал он нам, поклонившись.

Четверо сопровождающих обошлились без поклонов.

— Я уверен, мистер Келли, что вы удивлены. Не ожидал, что вы воспримете это так спокойно.

Ожидал Морсфаген этого или нет, но он определенно наслаждался сложившейся ситуацией. На его лице играла широкая ухмылка.

— Кто это? — спросила Мелинда.

— Морсфаген.

— Звание тоже, пожалуйста, — потребовал он. Но это был не просто юмор. Его голос звучал жестко и зловеще.

— Генерал Морсфаген, — сказал я ей.

— И вы, разумеется, арестованы.

Четверо охранников двинулись к нам. Я мог бы воспользоваться своими пистолетами. Они, кажется, этого не ожидали, в то время как я держал руки в карманах на влажных от пота рукоятках пистолетов, они готовы были купиться на мою кажущуюся беззащитность.

Может быть.

Но не наверняка.

Кроме того, я помнил о горящих телах возле разбитого «ревунка», о вопящих от ужаса водителях, мчащихся навстречу смерти. Я не хотел, чтобы на моих руках была еще и эта кровь.

Я мог бы просканировать их. Но проблема заключалась в том, что вторгнуться удалось бы только в один мозг. И вряд ли удалось бы сработать достаточно быстро, чтобы никто из этих четырех не успел запаниковать и открыть по нам огонь.

Что случилось с Богом?
Что это? Простые люди переиграли меня —
меня, новоявленного Бога?
— Сюда, пожалуйста, — сказал Морсфаген.
И мы пошли за ним.

Глава 7

Морсфаген приказал разместить вооруженных солдат повсюду, по всей Гробнице. Перед каждым окном, перед каждой дверью — везде, где я мог бы прорваться. Они поджидали меня, а я спокойненько вошел по главной лестнице, как самый твердолобый турица. Они посмотрели, как я вошел, опознали меня, позволили мне забрать девушку, вывести ее наружу и подловили. Возможно, Морсфаген допустил это только затем, чтобы добавить еще несколько пунктов к тому обвинительному списку, который уже составило правительство. Но мне думалось, что он хотел унизить меня. И ему это удалось.

Нас загрузили в «ревунок» и повезли по заснеженным улицам в здание ИС. Мелинду заперли в одной камере предварительного заключения, а меня — в другой, где не было ни окна, ни острых предметов.

— Генерал Морсфаген увидит вас завтра утром, — сказал мне охранник, выходя.
— Подождать не может, — сказал я.

Дверь закрылась, щелкнул замок, и наступила тишина.

Я рухнул на кровать — застонали пружины матраса — и принялся размышлять о собственной тупости, о том, какой я идиот, даже с при соединенным к моему интеллектом Ребенка. Я возвращался домой, чтобы собрать вещи, хотя знал, что они придут за мной. Это окончилось гибелью тех, кто был в «ревунке». Потом я отправился в тюрьму за Мелиндой — блестящий план, нечего сказать! — хотя должен был предвидеть, что они перестрахуются от неожиданностей. Вероятно, часть моего плана базировалась на хитрости Ребенка, но другая — на моей собственной вспыльчивости, а Морсфаген знал меня как свои пять пальцев — или даже лучше.

Посмотри на себя, Келли, твердил я себе. Единственный в мире эспер, впитавший психическую энергию самого совершенного гения — и все равно в проигрыше. А все твое нежелание расстаться с иллюзиями.

До встречи с Ребенком и лечением у компьютерного психиатра я воображал себя неким священным персонажем, блистательным произведением божественной воли, Христом Второго Пришествия. Но оказался не более чем человеком и должен был потерпеть полный провал, чтобы понять это. Я вмешался в течение событий, подобно Богу, но не сумел справиться со страхом и болью, потому что ни

страх, ни боль не совмещались в моем представлении с образом божества.

Теперь, совместно с Ребенком, я начал, не сознавая того, вновь примериваться к роли Бога. Возгордившись — ну как же, я эспер с гением в мозгах! — с презрением относился к простым смертным. И при всей своей самоуверенности, своем таланте и интеллекте потерпел поражение, ибо недооценил врага, как первый кроманьонец недооценивал неандертальца — до поры до времени.

До поры до времени...

Я поднялся. Ярость улеглась, на смену ей пришла решимость. Ну ладно, пусть я и не Бог. Я не всезнающ. не всемогущ и не выше этих военных чинов. Мне не искупить былую дурость, но по силам стать тем, с кем они не сумеют совладать. Причина, по которой Морсфаген и прочие смогли меня поймать, проста: они менее могущественны, но зато лучше организованы и уверены в себе. А я несобран и полон сомнений. Настало время познать себя, понять, что я такое и на что способен. Описав несчетное количество кругов по комнате, я снова опустился на кровать и расслабился. В эту ночь я узнал себя лучше, чем за всю жизнь.

Я запустил сканирующие щупальца в поток моего собственного сознания. Никогда не делал этого раньше, хотя теперь это казалось мне самой естественной вещью в мире. Может быть,

я всегда полагал, что знаю свои мысли и в достаточной мере осознаю сам себя. Но, разумеется, как и любой человек, не имел ни малейшего представления о том, что творилось в моей голове. Копаясь в неисчислимом множестве чужих умов, я считал свой собственный чем-то вроде неприкосновенной святыни. Скорее всего, я просто боялся того, что могу там обнаружить.

Я исследовал себя. Рылся в своих *Я, сверх-Я* и *Оно*. И обнаружил, что чище, чем мог надеяться. Конечно, кое-что возмутило и напугало меня, но я усмотрел в этом родство с людьми, несмотря на свое искусственное происхождение.

В ту долгую ночь я понял наконец природу общества. Я верно судил о людях, видел в них низших. Некоторые и в самом деле были ниже меня, некоторые — равны, а некоторые даже в чем-то превосходили. Каждый проблеск разумной жизни на планете столь индивидуален, столь отличен от других количественно и качественно, что обобщения просто недопустимы. А вот общество действительно ниже меня — я всегда это чувствовал, только истолковывал неверно. Не человек. Общество.

Общество — это совокупность индивидуумов, не превосходящая отдельных своих частей. Каждый индивидуум может справиться со своей сферой деятельности. В правительствах и учреждениях те, кто наделен властью, избран править, вершить политику, воплощать идеи в жизнь. Они

избраны обществом, каковое их и поддерживает, а поскольку все члены общества рознятся между собой и голосованием избирается нечто среднее, руководящие посты занимает посредственность. Интеллигенты голосуют за интеллигентных кандидатов, но больше этого никто не делает: все прочие не доверяют интеллигентам. Реакционеры и фанатики голосуют за своих лидеров, но кроме них за этих лидеров никто не голосует. В конце концов средние люди избирают посредственность — просто потому, что они оказываются в большинстве. А поскольку посредственности не хватает способностей решить проблемы различных групп общества, они создают скверное правительство и столь же скверные общественные учреждения, не доверяя интеллигенту и не полагаясь на его мудрость и страшась реакционеров и фанатиков, потому что эти люди угрожают прогрессу (непонятной сущности, которая — так учат простых людей — охватывает все сферы их жизни). Таким образом, они подавляют интеллигентов и реакционеров и заботятся о себе подобных. Но посредственность всегда остается посредственностью, и ей не удается толком заботиться о них, а потому коррупция процветает. Так вот и получается, что отдельный индивидуум способен разрешить проблемы в сфере своей деятельности, общее же правительство управиться не способно — разве что ему случайно повезет.

Возможно, люди и понимают это, но для меня все это оказалось открытием. Чтобы выиграть в гонке за выживание, нельзя действовать по правилам общества, ведь в большинстве случаев сражаться приходится не с обществом, а с конкретными людьми. Победить можно, только играя по своим правилам — и не со стереотипами, не с абстрактным представителем общества даже, а с реальным противником.

Мне надо вести себя с Морсфагеном не как с одним из военных заправил, а просто как с человеком. Его слабости кроются не в принадлежности к «товариществу» — оно слишком велико, чтобы иметь слабые места, — а в нем самом, в его собственной душе.

Однако это не решает моих проблем. Если я не Бог, не высшая сущность, как я вообще могу действовать? Разве могу вести себя как обычный человек, если с рождения думал о себе как о чем-то особенном, священном — как о сверхчеловеке? Ведь это противоречит всем тем теориям, пусть и ложным, которыми я руководствовался все это время.

И вдруг я понял, что должен делать: стать на конец Высшей сущностью, Богом, которым всегда себя считал!

Я снова принялся мерить комнату шагами. Толстый ковер заглушал их, и только стук настенных часов нарушал гнетущую тишину.

Быть Богом...

Бог был заключен в теле мутанта — в теле Ребенка, столь же сумасшедшего, сколь и Он сам; мы были заключены там втроем. Я не хотел связываться с Его личностью, но мог все же использовать Его психическую энергию. Энергию, которая породила галактики и вселенные, создала равновесие. Я мог отыскать в тельце Ребенка основу Его сущности, впитать ее и пропустить через свой разум, как сделал это с Ребенком. Бог станет частью меня, сольется со мной, утратив Свою индивидуальность. И тогда я воистину стану Богом.

Я не мог заснуть до утра. Не терпелось увидеть Морсфагена, поговорить с ним как с человеком, убедить, чтобы он отвел меня к Ребенку. Как только он сделает это, мне больше не придется говорить с ним как человек с человеком. Я буду выше этого.

Мне было страшно этой ночью, в каждой тени чудились какие-то громадные твари. Разум Бога, Его подсознание и сознание — как все это будет выглядеть? Смогу ли я справиться с этим или окажусь раздавленным и поглощенным Им? Я заставил себя забыть о такой возможности. Но страх остался. И страх этот был подобен страху маленького ребенка, впервые пришедшего в огромный собор и увидевшего гигантские, кажущиеся грозными фигуры святых, вырезанные на мраморе колонн.

В девять утра явился улыбающийся Морсфаген.

— Думаю, вы хотите узнать расписание на сегодня, — сказал он.

Я ничего не ответил. Я играл ту роль, которую выбрал для себя сам.

— Мы начнем с пресс-релиза о вашей вчерашней перестрелке с полицией. Вы знаете, что были серьезно ранены? Возможно, даже смертельно?

Он хотел увидеть мою реакцию, чтобы верней раздавить меня. Но я ему такого удовольствия не доставил.

— Затем мы покажем фильм об этой перестрелке — его уже сняли. Очень реалистично, особенно лужи крови. Мы нашли для вас великолепного дублера, снимали со спины и в тени, так что трудно сказать, кто это.

Я ничего не сказал. Он пошуршал бумагами, которые держал в руках, и продолжил:

— Согласно рапорту три офицера пали от вашей руки. Двое — из известных семей, а у одного брат — священник. Готовы снимки для прессы. Вечером пройдет слух, будто вы умерли на операционном столе. Надеюсь, вы понимаете, что мы спасаем вас от расправы, хотя вы и убили тех, кто был в «ревунке», и трех полицейских. А теперь — первый приказ на сегодня. Вы пойдете с нами и поможете доснять фильм в операционной. Дублер не заменит вас при ярком свете. Советую умереть убедительно, лежа там. Иначе вам дадут наркоз.

Он сделал паузу, глядя на меня. Настало время мне разыграть свою партию: линия поведения была предельно ясна.

— Послушайте, может, нам заключить сделку? — сказал я с отчаянием в голосе.

Генерал улыбнулся. Он проглотил наживку. Слабость Морсфагена была не в том, что он жестко следовал военному уставу, а в том, что он жаждал власти над другими людьми, получал удовольствие, побеждая кого-либо. Я давал ему именно то, чего он хотел. Чтоб ему этим подавиться.

— Я не вижу в этом необходимости.

— Вы кое-чего не знаете, и если бы узнали, то здорово бы выиграли.

Он сдвинул брови, потом снова улыбнулся:

— И чего вы хотите за эту ценную информацию?

— Свободу. Мне и Мелинде. Мы останемся в городе. Я буду делать то, что вы хотите.

— Я в это не верю.

— Послушайте, Морсфаген, я не обманываю вас. Мне в самом деле есть что сказать вам, и это может иметь огромное значение для Альянса. Я не лгу, и вы должны мне поверить.

— С удовольствием бы вас послушал еще, — сказал он, растягивая слова: мое унижение доставляло ему искреннее наслаждение. — Но вы должны выбрать другое вознаграждение. Только не ваша свобода.

— Позвольте нам с девушкой жить вместе. Хотя бы не разводите нас по разным комнатам.

Он улыбался, делая вид, будто обдумывает мои слова:

— Ну ладно. Она — лакомый кусочек, я уже говорил вам. Это вполне достаточное вознаграждение. А теперь скажите мне, что там у вас за тайна такая?

Я начал говорить, но вдруг резко умолк, как и планировал, и окинул его подозрительным взглядом. Я должен был выглядеть жалким — сижу ссутулившись на кровати, небритый, пытаюсь купить крохотные поблажки, которые свободный человек и так имеет. Это и был тот образ, в котором я хотел перед ним предстать.

— А можно ли вам доверять? — спросил я. — Откуда мне знать, сдержите ли вы свое обещание?

— А ниоткуда! — Он рассмеялся.

— Но это несправедливо! — вскричал я. Голос мой срывался на визг. Я был сломлен, да, сломлен. Я раскололся — на мелкие кусочки, и не стоило превращать меня в пыль.

— Рассуждения о честности здесь неуместны, — сказал он. — Вам придется просто поверить мне. Или забыть об этом.

Я помедлил и произнес:

— Ну, терять мне, полагаю, нечего. Ладно, я вам скажу. — Снова помедлил, а потом признался: — Утверждая, будто мне опасно возвращаться в разум Ребенка, я солгал. Сказал это

лишь для того, чтобы вернуться обратно в свое тело и покинуть ИС-комплекс. Я могу вернуться в его разум, как только захочу, и вытащить вам кучу всего полезного.

Генерал истерически расхохотался, лицо его покраснело; он хлопал руками по бедрам, едва не растеряв все свои бумажки, пока не зашелся от смеха и не закашлялся. Снова посмотрев на меня, он сказал:

— Я так и думал. Однако решил не рисковать и не посыпать вас туда снова — по крайней мере пока, — потому что вы слишком ценные, чтобы потерять вас. В полицейском государстве у эспера куда больше обязанностей по выслеживанию врагов внутри государства, чем за его пределами. Теперь я могу рискнуть и прочистить мозги этому уродцу. Благодарю вас за любезно оказанную помощь в принятии решения.

Он насмешливо изобразил благодарный поклон.

— Когда вы приведете ко мне девушку? — спросил я, уже зная ответ.

— Вы поверили мне — я это ценю. Нам выгодней сотрудничать, чем ссориться.

— Надеюсь, что так.

— Но естьстина, которую, я полагаю, вы должны усвоить для вашего же блага.

Он умолк и выжидал, пока не стало очевидно, что надо задать ему вопрос:

— И что же это?

— Не верьте никому. Девушка останется в отдельной комнате.

Я бросился на него, и тут охранник ударил меня в лицо прикладом своего карабина. На такое я не рассчитывал. Мои зубы клацнули, челюсть пронзила боль, перед глазами вспыхнули звезды — разноцветные, с тысячью лучей, — и я мешком рухнул на кровать.

Рот наполнился кровью. Я сплюнул на простыню. Пятно оказалось неожиданно ярким.

— Усвоили урок? — спросил Морсфаген.

— Вы солгали.

— Ну, тогда мне кажется, что вы его усвоили.

— Все военные — это кастрированные уроды, которые не способны ничего сделать с женщиной, а могут только избивать других.

— Придержите язык, — предупредил он.

— Бесполый ублюдок! — прошипел я.

— Ларри! — позвал он молодого солдата.

Парень шагнул вперед, держа карабин наготове. Морсфаген придвинулся ко мне.

Ларри сделал еще пару шагов, встал передо мной, поднял карабин над головой — все это происходило медленно, как в балете, — и обрушил приклад на мое левое плечо.

На этот раз я не увидел разлетающихся звезд, а только всеобъемлющую бархатную тьму...

Я пришел в себя от запаха нашатыря и, закашлявшись, оттолкнул флакон, но больше никакого сопротивления не оказал. Морсфаген ук-

репился во мнении, что знает меня. Он ничего не заподозрил и считал мою ярость вполне естественной.

Меня провели по коридору, втолкнули в лифт, доставивший нас в студию, где я изобразил им мертвеца. Очень убедительно, как мне сказал Морсфаген. Они даже позволили мне пролить немного крови...

Днем фильм был уже готов. Его с нетерпением ждали в вещательных компаниях, чтобы прокрутить этот репортаж в качестве поучения и развлечения для добропорядочных граждан, коротавших вечер дома.

Из студии мы направились в комнату Ребенка, где ничего не изменилось: приглушенный свет, сбитые простыни, антисептики, запах болезни, тело мутанта на кровати.

— Вы готовы? — спросил Морсфаген.

Я был не просто готов, я ждал этого, и ждал с нетерпением! Но конечно же ничего не сказал. Сейчас я должен был казаться сломленным, мрачным и покорным. Морсфагену, похоже, это доставило живейшее удовольствие.

Свет угас, магнитофоны завертелись, Ребенок дернулся в своей кровати, — я наконец мог прикоснуться к божественности, которую искал всю жизнь...

Часть четвертая ЧЕЛОВЕК КАК БОГ...

Глава 1

Я коснулся сияния Его ментальной оболочки и вздрогнул от холодной мелодии абсолютной власти.

Во мраке опустошенного сознания я проник через янтарную броню и заскользил по ее бесконечному изгибу к горизонту, до которого было, казалось, подать рукой. Через некоторое время я нашел слабое место в гладком янтаре, увидел движущиеся тени в глубине — тени образов в *Оно* и *Я*. Врезав это пятно, я открыл его и соскользнул в разум Бога...

Представьте себе самое большое во Вселенной зеркало, протянувшееся на миллион световых лет (какая разница, кто сотворил это чудо, нас интересует только зеркало само по себе). В этом огромном стекле могут отражаться бесчисленные мириады образов, осколков и кусочков многоцветных ландшафтов и людей, событий прошлого и буду-

щего и даже то, что происходило до начала всего. Еще представьте молот размером со звезду (и опять же нам дела нет до того, кто выковал этот инструмент), который ударяет в самый центр этого зеркала. И представьте себе разлетающиеся осколки посеребренного стекла, которые падают, падают, падают на дно Сущего, до конца Времени, чтобы лежать там в лужах черноты, сохраняя застывшие отражения.

Таков был ментальный ландшафт Ребенка на этот раз; он сильно отличался от того, что я видел прежде. Это был разум сверхчеловеческих масштабов, сломанный и почти бесполезный, разум Бога, сотворившего Землю, Галактику, Вселенную и всех нас, Бога, который сотворил первые ДНК и РНК и положил начало безумнейшему сну. И это было самое беспорядочное место, какое я только видел, — беспорядочное и блистательное одновременно, дикое, странное, пугающее больше, чем любой разум, виденный мною за все годы работы.

Я погружался в слой янтаря...

...через ледяные облака цвета свежепролитой крови...

...через чистый голубой туман — в расколотые видения, отражения этой безумной Вселенной...

Некоторое время я висел там, едва не касаясь ногами сверкающих осколков звезд. Потом дотянулся босой пяткой до галактик и пошел по рухнувшим небесам к другому куску, в котором

отражались джунгли и странные птицы. Казалось, я попал в джунгли, стал их частью, но отбросил это чувство и стал подниматься, пока не вознесся над ними, глядя вниз, — и увидел миллионы других сцен, ожидающих меня на плоской поверхности несуществующего.

Я искал средоточие божественного — осколок стекла, который заключал в себя Еgo.

Он не мог быть очень далеко.

Но разве Бог не везде?

Я шел через заросли цветов, где стебли тростника достигали толщины в два обхвата. Листья шуршали высоко над головой, не пропуская ни единого луча света.

Я шел по земле, покрытой ковром ярких цветов, где поднимались облака пыльцы, когда приходило для этого время, где семена молочая липли к моему телу, а само растение было ростом с человека.

Я видел красное небо с синим солнцем, и земля под ним была выжжена и пустынна.

Дважды мне казалось, что я почувствовал Его присутствие, гигантскую силу Его искалеченного разума. Я шел туда, слепо шаря в поисках Его, но ничего не находил. Он исчезал в мгновение ока, а я оставался стоять, в отчаянии протягивая к Нему руки.

Несколько раз само небо опускалось, спрессовывая воздух, и чудилось, будто двойник моего бренного тела готов взорваться, лопнуть под чу-

довищным давлением. Небо раскалывалось вокруг меня, воскресало стаями бело-синих птиц и снова поднималось высоко над миром.

Земля вздыбливалась и опадала, и сердце начинало мучительно ныть, а биение его отдавалось в каждой клеточке моего тела.

Я встречал многоглазых тварей, и других — с бесчисленным множеством ног.

Мертвые птицы падали с неба десятками тысяч, а достигнув земли, превращались в ящериц, взбирались на валуны и скалы вокруг меня, отращивали крылья и снова взмывали в небо.

Попадались места, где деревья стенали, раскалывались и кровоточили, словно были из живой плоти. И там, где деревья, падая, касались земли, кровь их превращалась в алые камушки.

Я пробирался сквозь весь этот хаос в бесконечных поисках.

Наконец я нашел Его там, где Он безнадежно пытался воплотиться в такую форму, в которой смог бы установить со мной контакт. Он был дымным столбом психической энергии, который крутился, рассыпал разноцветные искры и наконец принял облик человека — это был Будда.

— Человек, который знает, как прийти к компромиссу, — мудр, — сказал Будда, почесывая обширный голый живот и улыбаясь мне с высоты двадцати футов.

— Компромиссов не будет.

— Семь жизней...

— Компромиссов не будет.

Я простер щупальца своей психической энергии и ощутил средоточие Бога, исследуя, изучая, пытаясь понять его структуру.

Фигура изменилась, став Иисусом Христом.

— Истинно, истинно говорю вам, что человек, осознавший, что он смертен, — счастлив. Человек, который смиленно живет со своими слабостями, войдет в Мое Царствие.

Я ухватил Иисуса за шею мысленным образом рук и задушил.

Он взорвался, закрутился колонной энергии, яростной, бушующей энергии, которая стремилась поразить меня, но не могла. Мощь бесполезна без механизма, который использует и контролирует ее, а Его механизм давным-давно сломался. Бог был озером психической энергии без управляющей системы — машина без колес.

Я потянулся и ухватил его ментальными щупальцами, не обращая внимания ни на то оружие, которым Он пытался сразить меня, но которое бессильно было мимо цели, ни на его жалобные мольбы: я неумолимо теснил Его. Он стремился сохранить Свою мощь, Свою власть. Он был безумен, и я не мог заставить Его понять, что настало время нового Бога.

Он бился и рвался в тщетных попытках освободиться от меня.

Когда я искал Бога, знал, что Он стал безумным задолго до того, как Ребенок дотянул-

ся до Него. Все религии человечества отчаялись понять причину хаоса, слепой жестокости и ненависти. Мы относили все это на счет «божественного испытания» человеческой воли и отваги, но это всего лишь теологические фальшивки, потому что сила, источавшая энергию во Вселенную, была безумием, а не разумом, сумасшествием, а не милосердием. Безумие добралось до самых потаенных уголков Его существа и, перебродив, как виноградный сок, обратилось в чистейший ужас.

Здесь умер Иисус.

И Магомет.

Здесь умерли Будда и Яхве.

Но это не было полной потерей.

Ибо здесь я был рожден в новом облике, чтобы заменить тысячу ложных богов.

Повергните старые алтари во прах и возведите новые. Заколите лучших агнцев, чтобы я мог вкусить их крови на утренней росе.

Я высосал Его энергию. Она слилась с моей, и Бог перестал быть целостной сущностью, превратившись лишь в часть моего разума, в энергетические элементы, в которых я мог черпать силу, дабы творить чудеса. Не осталось ни одной частицы Его личности или самосознания. Он умер — или рассеялся, что, в сущности, одно и то же. Его память испарилась, и осталось только великолепие белого сияния Его моши — сконцентрированной, очищенной, готовой к

употреблению. К тому, чтобы я использовал ее. Теперь, наконец, это была моя мощь. Моя сила.

Так я убил Бога, как несколько дней назад убил Ребенка.

И не чувствовал раскаяния.

Да и в чем раскаиваться тому, кто застрелил маньяка с ружьем в переполненном магазине?

Человек как Бог. Я сохранил свою смертную оболочку и внешность смертного, все чувства, все предрассудки человека. Я не думал, что это будет моей слабостью; скорее человеческие чувства сделают меня более доброжелательным, чем те, что владели божественной силой до меня. Человек как Бог...

Я испарил сверкающие металлические аналогии в осколках зеркала справа от меня — они исчезли без звука, без вспышки. Затем воздел руки, словно бы обращаясь к бесчисленным толпам, и уничтожил остальные фрагменты этого космического зеркала.

Вокруг меня маслянистым занавесом сомкнулась непроглядная тьма.

Я создал свет.

Потом я сделал лестницу, ведущую вверх, в иные владения тьмы.

Я вышел оттуда, стирая ступеньки позади себя.

Снаружи меня ждал мир, который еще не знал, но который скоро узнает...

Глава 2

Когда я вернулся в свое тело, унеся с собой удесятеренную энергию, первое, что я увидел, была уродливая, сотрясаемая конвульсиями оболочка Ребенка, походящая на мерцающее, изменяющееся отражение в зеркалах комнаты смеха. Он сидел прямо, дрожа как натянутая тетива. Глаза уродливого существа впервые широко раскрылись, так что были видны пульсирующие кровяные сосуды на глазном яблоке. Узкий, почти безгубый рот открывался и закрывался, но из него не вырывалось ни звука. Он царил грудь костлявыми ручками, так яростно впиваясь ногтями в свое кошмарное лицо, что из длинных царапин сочилась алая кровь.

Доктор попытался уложить мутанта и пристегнуть ремнями к кровати. Но тщедушное существо отбросило одетую в белое фигуру прочь, как бумажного человека, выказав такую силу, которой никто не ожидал в этом щуплом костлявом тельце.

Из его горла рвались хриплые звуки, но ни слова нельзя было разобрать. Все это совсем не походило на сознательное упражнение голосовых связок, скорее могло показаться, что трещат внутренние ткани от какого-то чудовищного давления, рвавшего маленького монстра на части изнутри.

— Что происходит? — требовательно спросил Морсфаген, вставая со своего кресла.

Солдат по имени Ларри пересек комнату. Испуганный, но решительный, он бросил карабин и потянулся к мутанту. Уродец вцепился зубами ему в руку, хлынула кровь. Солдат закричал, ударил мутанта по лицу и разбил лицевую кость. Челюсти разжались, но мутант не успокоился, все еще продолжая бороться за контроль над ситуацией, в которой оказался, и над собственным телом.

— Это ты наделал! — зарычал Морсфаген, поворачиваясь ко мне и указывая на мутанта трясущейся рукой.

— Нет, — спокойно ответил я.

— Ты заплатишь за это! Черт возьми, ты удивишь, как твою женщину изнасилуют!

Я не мог вызвать в себе ни крупицы отвращения к нему. Смотрел на него глазами человека, которым был, но со справедливостью Бога, и мог только пожалеть его. В некотором роде я сохранил свою мягкость. Я стремился к власти, чтобы поразить этого человека громами и молниями. Но, обретя ее, обнаружил, что он заслуживает презрения и жалости, а не яростного отмщения.

— Что с ним? — грозно спросил он, нависая надо мной.

Я точно знал, что произошло с телом Ребенка, хотя все они и представить себе не могли истинного положения дел. Покинув его оболочку, я тут же забыл нечто, о чем должен был помнить. В оставшейся от его разума части было теперь только одно — *Оно*. Все эти аналоги

скорпионов, которых я разметал в подземной пещере с ледяным полом, теперь воспряли и овладели телом мутанта. Обычно *Оно* является самой слабой частью личности, теперь же именно эта слабая часть получила полную, бесконтрольную, ничем не сдерживаемую свободу. Но одно подсознательное не является функционирующим сознанием и не способно удержать контроль над телом: синдром доктора Джекила и мистера Хайда невозможен. Теперь тело мутанта должно было умереть вместе с его скорпионоподобным *Оно*, которое пыталось подчинить себе сексуальные желания и жажду крови, — умереть через несколько дней после того, как было уничтожено его сознание.

— Хватайте его все! Навалитесь разом! — приказал Морсфаген.

Мутант дико бился, катаясь в крови. Наконец он ухватился за перильца и перекинулся через них. Тело ударилось об пол с отвратительным хрустом ломающихся костей, содрогая воздух, заливая кровью плитки пола, хватая икусая всех, кто пытался подойти к нему. Для *Оно* не существует друзей, поэтому другого от него нельзя было ожидать.

Вдруг стало очень тихо.

Неподвижно простертное на полу, залитое кровью тельцеказалось похожим скорее на раздавленное насекомое, чем на бывшее вместилище человеческого существа.

Они долго смотрели на тело. Потом Морсфаген повернулся ко мне со злобой, которую я когда-то презирал.

— Ты убил его, — констатировал он, на этот раз без ненависти, и обернулся к солдату по имени Ларри: — Арестуйте его. Уберите ублюдка с глаз моих!

Ларри поднял карабин и ухмыльнулся. Очень уж ему нравилось пускать его в ход. Пока он крадучись приближался ко мне, словно маньяк-убийца в ночи, я начал думать, что даже бессмысленная оболочка мутанта куда более человечна, чем этот парень. В этих глазах было мало человеческого.

— Стой, где стоишь, — сказал я.

Но он конечно же не послушался.

Я потянулся к нему, коснулся, взял его. Лицо солдата стало пустым, и он остановился.

— Какого черта... — начал было Морсфаген.

Я коснулся всех тех, кто находился в комнате, повергнув их в состояние, подобное сну, который не был сном, состояние, близкое к смерти, но все же не бывшее смертью. Они больше не стояли у меня на пути, и я мог сосредоточиться на том, что намеревался совершить. Я вошел в их разумы с особенной осторожностью, которой раньше у меня не было, и силы такой не было. Я просмотрел их жизни, их неврозы и психозы, осторожно распутал клубки, которые скатываются в душе каждого человека годами.

Очнувшись, они станут эмоционально и ментально устойчивы — впервые в жизни. Старые страхи и тревоги перестанут им мешать, и их личности (которые всю жизнь выстраивались именно так, чтобы удовлетворять потребности, порождаемые теми же страхами и тревогами) окажутся совершенно изменены. Но к лучшему, уверяю вас, к лучшему. Я был Богом и не мог ошибаться.

А иначе зачем бы вам поклоняться мне?

Я отвлекся от разумов людей, находящихся в комнате, хотя и не вернул никому сознания. Мне не нужна была их помочь, чтобы повелевать приливами и поднимать бури в небесах. А тем паче для того, чтобы внести в картину мира гораздо более серьезные изменения, как я того хотел.

И начал придавать Земле новый облик, наслаждаясь своей божественностью, — мне было слишком хорошо...

Глава 3

И тут, в палате госпиталя на верхнем этаже комплекса Искусственного Сотворения, где на полу лежало мертвое окровавленное тело мутанта, я познал величайший триумф в своей жизни. Я унесся далеко от этих белых стен, хотя так и не встал с кресла. Летел над морями и континентами без помощи тела — даже без аналога его, — вмещающего мою психическую энергию.

Я мог творить чудеса, и хотя и не превращал воду в вино и не оживлял мертвых, но делал кое-что другое, о да, другое.

В первую очередь проник на нижние уровни и нашел то место, где родился, где пластиковая утроба вынашивала меня. Это было отнюдь не сентиментальное путешествие и не желание вернуться в эти холодные родные стены, но горькая и сладостная месть.

Я послал мое сознание вниз, через перекрытия этажей огромного здания, через штукатурку и облицовку, пластик и сталь, через электрические схемы. Я проходил сквозь сознания других людей, но не остановился, чтобы изменить их: я жаждал того противостояния, о котором мечтал годами.

Эдипов комплекс?

Не совсем. Я не стремился убить отца и жениться на матери — всего лишь хотел убить свою мать и обрести свободу. Определенно в этом желании было что-то от любви, но это «что-то» можно было с легкостью выбросить из головы.

Я добрался до двух самых нижних этажей, которые принадлежали инженерам-генетикам. Хитроумные механизмы покрывали стены от пола до потолка: процессорные блоки, банки памяти и прочее, что управляло всем, начиная от температурного режима до ДНК-РНК-баланса в искусственной сперме и яйцеклетке.

На приподнятых на разную высоту платформах располагались контрольные панели, за которыми работали люди.

В каждом зале все внимание было сосредоточено на утробе — большом квадратном баке со стенками толщиной в три дюйма. Среди прочей мелочи там плавали тонкие нити. В центре находились непроводящие пластиковые стенки, на которые имели выход провода, доносившие данные до компьютеров. Там были электроды — десятки тысяч, и масса всего прочего. В этих баках плавали крохотные создания, скопления клеток, которые еще не обрели человекообразия.

Мать...

Утроба, тьма, тишина, вибрация, которую скорее чувствуешь, чем слышишь...

Там было около восьмидесяти техников и медиков — и все чем-то заняты. Я простер свою божественную силу и взял под контроль их разумы. Работа замерла, разговоры оборвались. А затем отвел их с рабочих мест туда, где они будут в безопасности.

Я обследовал это помещение, и ощущение силы вскипало во мне. Впервые я осознал свою божественность и понял то, над чем никогда прежде не задумывался. Я понял, что не в состоянии обрушить месть на человека вроде Морсфагена — мой гнев обратился в жалость, — но никогда не смогу пожалеть машину, бесчув-

ственную вещь. Моя месть всегда должна быть направлена против идей и вещей, против конструкций, рожденных этими идеями, а не против самих людей. Людей стоит пожалеть из-за их тупой слепоты, но творения этой тупости, идеи и идеалы, основанные на ней, не заслуживают ничего, кроме отвращения и презрения.

Мне подумалось, что это чувство власти над искусственной утробой похоже на то, которое испытывал охранник в Гробнице, представляя себе, как убивает родителей в постели. Как и он, я восстал против некоторых фундаментальных установок моей жизни, против искусственного семени и жаркой утробы, которые породили меня (хотя бы и с помощью восьми десятков инженеров, техников, медиков и программистов).

Я поднял свой воображаемый топор над символической головой своей матери и стал смаковать разрушение...

Помышлял ли Иисус уничтожить Марию? Вряд ли. Но я отверг это видение Бога, потому что был совсем другим.

Я расколол поверхность стен, содрал с них пластик и штукатурку, обнажил змеящиеся провода и вырвал их изнутри, заставив механизм содрогаться, вызвав тяжелые механические спазмы и конвульсии. Машина билась в агонии, извергая дым вместо слез и крови.

Я выдрал контакты клавиатур, с помощью которых осуществлялось программирование, и впечатал их в пол.

Утробы больше не соединялись с мозгом, и он не мог сообщить им, что делать дальше.

Оборудование, ведущее обработку данных, задымилось. Катушки магнитофонов еще крутились, схемы еще работали, искали в электронной памяти ответы, которых не было.

Ответ был только один, и этот ответ был Бог, и Бог был — я...

Я разбил внешние стеклянные стенки всех утроб.

Пол засыпали обломки и бескровная плоть.

Я разрушил все утробы изнутри и размолол в пыль.

Должно быть, это выглядело странно: невидимые руки хватали и разбивали все, что попадалось, непонятно почему происходили взрывы, что-то падало и разбивалось, валил дым... Словно сама Природа взбунтовалась против этого святотатственного проекта.

Так, в сущности, и было.

Мать мертва.

А отца у меня никогда не было.

Покинув место, где остывал прах воспоминаний, где валялись куски пластика и перепутанных проводов, я вернулся в палату, в свое обмякшее в кресле тело. Морсфаген и прочие

оставались замершими в бессмысленном молчаливом ожидании.

За несколько секунд я принял все необходимые решения. Я знал, что буду делать дальше, решил все со скоростью и тщательностью суперкомпьютера, мои мыслительные процессы протекали все быстрее и быстрее. И я знал, что мои планы безупречны.

Бог не заражен сомнениями.

Я снова отлучил душу от тела и потянулся за пределы здания ИС-комплекса — через бескрайние пространства к разумам других людей, в которых я хотел построить новый мир. Я обнаружил и заправил хунты одного за другим и изменил их мышление, копая глубоко, отыскивая их личные проблемы и удаляя их. Я выдал им лучшую психотерапию в мире и оставил, лишив стремления править.

Затем в мыслях каждого человека я укоренил желание возвратить выборное правительство и тоже оставил их.

После этого принялся методично обыскивать все уголки мира, распознавая растущие паутины власти. Мысли каждого лидера на любом посту я очистил от жажды власти, от сексуальных разочарований, переходящих в насилие. Я исцелил их, как пророк, наделенный силой Господней, и оставил их — лучшими, чем они были прежде.

Не вполне удовлетворенный, я отыскал людей с задатками лидеров, какое бы положение

они ни занимали, пробирался в каждой душе, как в доме, помогая всем им научиться мириться со своим существованием и осознавать свое место в общем порядке вещей.

А сила моя все росла. Похоже, чем больше я ее использовал, тем больше она становилась.

Я нашел хранилище ядерного оружия во всех уголках земного шара. Превратил начинку их боеголовок в свинец, ускорив Время в тысячи раз. В военных биохимических лабораториях уничтожил все мутантные вирусы, которые придумали ученые. Вскрыл разумы ученых и очистил их, чтобы они отвергли необходимость сеять смерть ради того, чтобы чувствовать себя сильными и могущественными.

Я работал весь день.

И настал вечер.

Я трудился.

Уже за полночь я закончил перелицовку мира и вернулся в свое тело, все еще находившееся в ИС-комплексе, по-прежнему ощущая в себе безграничную энергию. Моя сила была более всеобъемлющей, чем раньше.

Я простер свой взор к небу и прошелся по лунной поверхности, разглядывая кратеры глазами, которые я сотворил из ледяной пустоты космоса.

Звезды были совсем рядом, горячие — и холодные, крошечные точки света — и огромные раскаленные шары...

Я поспешил к ним.

Я касался красных гигантов и белых карликов, пролетал через центр Солнца, слушал песню реликтового излучения о сотворении материи и о грядущем ее уничтожении — или, скорее, грядущем ее превращении в тепло и свет.

Энергия...

Казалось, я получаю энергию отовсюду. Мой собственный свет стал ярче, чем свет любой из звезд, он нес жизнь и смерть, он был важнее бесчисленных солнц, бесцельно извергавших энергию.

Я прошел нашу Галактику насквозь и покинул ее.

Я достиг конца Вселенной, проник через не-проницаемую жемчужно-серую стену и продолжал лететь сквозь измерения, пока не достиг иного плана творения.

А когда вернулся, прыгая от галактики к галактике, от звезды к звезде, от планеты к планете, то снова оказался в комнате, где оставалась моя оболочка.

Я встал и вышел из комнаты, освободив Морсфагена и прочих. Прошел по коридору и отыскал комнату Мелинды, открыл дверь, не прикасаясь к ней, и вошел. Я мог прийти к ней мысленно, но я хотел прикосновений — на этом последнем этапе плана.

— Ты свободна, — сказал я ей.

Она шагнула ко мне...

И тогда, оказавшись на грани разочарования, постигшего меня впервые с тех пор, как обрел свою силу, я понял, как одинок может быть Бог...

Глава 4

Мы были чужими.

Когда-то мы любили друг друга, делились всеми тайнами и мечтами. Я рисковал ради нее жизнью, и она делала ради меня то же самое, хотя и по-иному. И все же я не знал ее. Она показалась мне куклой, за которую говорит кукловод. Мастер из этого кукловода был никакой, а диалоги, с которыми выступали на сцене его деревянные марионетки, — и того хуже.

Все, что она говорила, было глупо, лишено смысла да еще и скучно. Я не мог понять, как такая женщина сумела привлечь меня хотя бы на миг. Не верилось: неужели мне настолько остро требовалось прикосновение к плоти, что я смог заключать в объятия подобное существо! Теперь чувство, которое прежде считал любовью, казалось мне не более чем животным инстинктом.

В моих руках она была марионеткой.

И ничем больше.

Но мне хотелось, чтобы она снова стала так же важна для меня, как прежде, и думал, что для этого нужно только изменить ее личность,

сделать ее взрослой. Я ввел ее в то же состояние оцепенения, что и прочих, проник в мозг со всем своим всемогуществом, выправил все, что в этом нуждалось, и полностью раскрыл в ней человеческие способности.

И разбудил ее.

И опечалился.

Всех ее человеческих возможностей оказалось мало для меня.

Она была поразительно красива, исполнена чувственности, разжигавшей пожар желания в моих чреслах. Любой мужчина оказался бы сражен ею. Подлинная квинтэссенция женственности: полные груди, широкие бедра, длинные стройные ноги, медово-золотые волосы и огромные глаза, полные чувственных губ и быстрый розовый язычок. Но для меня всего этого слишком мало. Даже прекраснейшая из женщин, красою затмевавшая всех, теряет свою привлекательность, если разум ее подобен пыльному чердаку, а слова напоминают бессвязное лопотание идиота.

Она казалась мне теперь вещью, живой скульптурой из плоти, но отнюдь не женщиной, которую я любил.

— В чем дело? Что-то случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил я. Мне было больно говорить. Разве не может она понять меня без слов? Без шелухи бесполезных фраз?

— И все же...

— Да нет, ничего...

О Боже, Боже! Я застонал про себя. Но это не помогло. Бесполезно молиться самому себе.

— Похоже на то, что там, внутри, не совсем ты. Ребенок — или частичка его.

— Нет.

— Но если Ребенок завладел тобой, он сказал бы то же самое, чтобы успокоить меня, разве не так?

Я не ответил.

— Похоже, так оно и есть.

— Нет.

Я чувствовал себя страшно усталым и старым.

— Или что-то иное.

— Да. Что-то иное.

— Я не спросила тебя, как ты проник сюда? Как тебе удалось провести полицейских? — Она улыбалась, хотя лицо ее выдавало иные чувства.

Я не ответил ей. Я просто смотрел на нее — с глубоким чувством печали и утраты. Со страхом перед будущим, которое ждет меня.

Теперь я видел, почему Бог утратил всякое соприкосновение с реальностью и преступил грань безумия. Сначала Он был сверхразумным существом, способным приводить Вселенную к гармонии. Но с течением времени стал погружаться в себя, потому что был один. Не было равных Ему, отсутствие желаний и противоречий привело его к кризису.

То же со временем произойдет и со мной. Быть может, для этого понадобятся миллиарды лет, но рано или поздно это случится. Однажды я начну метаться из одного уголка Вселенной в другой, бормоча бессмыслицу, утратив разум, не в силах совладать со своей собственной безграничной психической мощью.

— Мне кажется, я тебя боюсь, — промолвила она.

— Я тоже себя боюсь, — ответил я.

— Что произошло? — спросила она.

Но не было смысла объяснять ей. Невозможно было выразить совершенную пустоту вечности, расстилавшуюся передо мной. Всю мою жизнь я желал женщину, я хотел любить, хотел, чтобы это чувство возвращалось ко мне усиленное десятикратно. А теперь, когда я отринул все ложные представления, все преграды, отделявшие меня от любви, оказалось, что ложные представления стали истинными. Я вернулся туда, откуда начал путь.

Казалось, надежды не было. Я потерял ее.

Глава 5

Но — нет, не потерял!

Заглянув в будущее, которое ожидает любого Бога, я понял, что проблему можно решить, и догадался, как это сделать. Я не обращался к

божественному всезнанию, а когда сделал это, то увидел ответ. И как это сразу не понял, что для Бога нет неразрешимых проблем.

Почему прежний Бог сошел с ума? Почему Он не сделал того же, что и я? Да просто не понял, что одиночество — это недостаток, что Его существование становится мелким и бессмысленным, так как рядом нет кого-то, с кем можно обмениваться мыслями и видениями. А потом стало поздно: Он сошел с ума.

И тогда я взял Мелинду за плечи и привлек к себе, дотянулся до ее разума со всей своей мощью.

Она пыталась сопротивляться.

Но не вышло.

Я перелил в нее половину божественной энергии, которая была во мне, пока мы оба не стали богами, равными в божественности.

Ее разум расцвел психodelическими образами.

Я помог ей впитать энергию и сделать ее своей. Мы стояли так очень долго, слитые физически и мысленно, пока происходили изменения в нас обоих.

А потом мы разомкнули объятия.

Мы не говорили, нам это было не нужно. Вместе вышли из комнаты и из этого здания и пошли вперед — править миром. Засветите свечи, пойте молитвы и ведите агнцев на заклание.

Многие годы мы провели в совершенном мире, а потом отправились странствовать по Вселенной. Мы видели все то, что отражалось в разбитом зеркале прежнего Бога в давно прошедшие времена, когда я сразился с Ним в теле Ребенка-мутанта.

И были миры, где деревья сочились кровью.

И были миры, где небо рассыпалось вокруг нас и воскресало птицами сотни раз за час.

Мы видели бродячие растения, создавшие цивилизацию во мраке джунглей иных миров.

Мы видели камни, которые умели говорить, и звезды, способные чувствовать боль.

Десять тысяч лет мы странствовали по самым отдаленным уголкам бытия, познавая Царство, которое унаследовали.

И однажды Мелинда сказала:

— Мне скучно. Я все это видела.

— Согласен, — ответил я.

— Давай возродим религию, — предложила она. — Пусть люди хотя бы узнают о нашем существовании. Мы явимся им как купина неопалимая и как говорящие голуби — по крайней мере это развлечет нас.

— Превосходно, — одобрил я.

И хотя мы прекратили религиозные распри, сошли на Землю и воскресили религии. Вернули церкви и синагоги, соборы и алтари и расшитые ризы священников. Мы создавали иерар-

хии недостойных прелатов и говорили с толпами устами недостойных.

Но со временем нам захотелось чего-то иного.

— Мне скучно, — сказала она.

— Мне тоже.

— Но что нам осталось? — спросила она.

— Мы можем все взбаламутить, — предложил я.

— Да?! Как?

— Война-другая. Несколько убийств. Мы можем поиграть. Ты будешь командовать Южным полушарием, а я — Северным. А победитель получит энергию на сотворение новой расы где-нибудь в отдаленном мире.

— Чудесно! — воскликнула она, прижав совершенные руки к прекрасной округлой груди.

Мы давно знали, что для создания новой расы или нового мира требуется слишком много энергии. После такого дела пять столетий уходило на то, чтобы восстановиться — пятьсот лет скуки. Мы не могли позволить себе такого.

Но это был достойный приз.

И войны начались. Они все еще идут, потому что Мелинда достойный противник, хотя я полагаю, что в конце концов разрушу ее полушарие с помощью войска солдат, вооруженных лазерным оружием. Они находятся в состоянии транса; я прятал их подо льдами Северного полушария. Это солдаты канадской армии, хоро-

шо обученные и смертельно опасные противники. Она не знает о них.

Мы прекрасно проводим время.

Мы играем в наши игры, сражаясь за большой приз, и оба уже воображаем, какую интересную и гротескную расу сотворим, когда сможем воспользоваться силой.

Мы прекрасно проводим время.

На Земле люди умирают, сталкиваясь друг с другом в спланированных нами сражениях. Иногда я вспоминаю о своем происхождении. Думаю о своей жизни, о Харри Келли и Морсфагене. И тогда мою душу вновь заполняет прежняя тьма. Но, конечно, ненадолго. Я не дурак. Морсфаген мертв. Общество, которое мы знали, распалось на множество новых. Харри давным-давно нет. Я едва помню его облик. А мы играем в наши игры и забываем о наших сомнениях. Богам позволено не иметь сомнений, как я уже говорил однажды.

Мы играем в наши игры.

Мы прекрасно проводим время.

Рассказы

УБИВАЮЩИЕ ВЗГЛЯДОМ

Это был мой первый опубликованный рассказ из жанра научной фантастики, тот самый, который изменил мою жизнь. Эд Ферман уже отверг несколько предыдущих, сопроводив их поощрительными замечаниями, вместо резкого обескураживающего отказа. Отправляя по почте «Бриз приносит драконов», я сообщил Эду, что у меня есть приятель-друид, который собирается навести чары на него, а заодно и на весь штат журнала «Фэнтези энд сайнс фикшн», с тем чтобы они начали покупать мои работы. В конверт с чеком за этот рассказ Эд вложил записку, начинавшуюся так:

«Думал, грешным делом, что чары друидов давно утратили силу, но...»

Это рассказ о мифах и науке и о том, как одно дополняет другое, составляя единое целое. Если бы мы жили одними мифами, то не сделали бы ни одного шага по пути прогресса. Но если — не приведи Бог! — мы когда-либо будем

жить только наукой, не давая волю фантазии, то превратимся в думающие машины в человеческом облике. Это мнение не только мое — его разделяют многие, если судить по письмам с откликами на мой рассказ, которые я получил из Англии и Австралии. Вскоре он также будет опубликован в Испании. Один известный критик однажды прямо сказал мне, что рассказ великолепный. Впрочем, судите сами...

— И что же ты будешь делать, когда задуют теплые бризы и принесут с собой драконов, сеющих смерть?

Маршалл, изогнувшись на сиденье, потянулся за пакетиком с сахаром, чтобы высыпать его в свою кружку с кофе.

— Отвечу за тебя, — продолжил Дэнти. — Ты вскочишь на ноги при первых звуках тревоги, облачишься в форму и отправишься вниз, в подвальный комплекс, как крот, с налитыми кровью от страха глазами, зарывается в землю. И будешь сидеть в убежище, пока не дадут отбой, когда драконы проплынут над самой твоей головой и удалятся.

— А что же я должен делать, по-твоему? — спросил Маршалл. — Может, мне стоит попытаться приручить их, налив бедняжкам молочка?

— Ты не сможешь сделать из них ручных, душина. А в молоке должен содержаться цианид.

Маршалл хватил кулаком по столу:

— Хватит! Ты забываешь, Дэнти, что командир здесь я, а ты — только третий по рангу офицер.

Марио Александр Дэнти фыркнул, забрал свои листки и вышел из дежурки. Взобравшись по винтовой лестнице на второй этаж, он направился, волоча ноги, по узкому темному коридору к застекленной лоджии для наблюдения, нависающей над побережьем, как небольшой крытый дворик, на который выходил третий этаж.

Был пик отлива. Море протянулось до самого горизонта, похожее на жидкое стекло, сверкающая, как драгоценности королевы или как осколки разбитого церковного витража. Только небольшие барашки плескались о берег, скрывая и обнажая мелкие песчаные наносы, образовавшиеся в результате неустанной работы морских волн, когда те, шлифуя прибрежную полосу, уносят за собой песчинки и частицы твердых пород.

Марио Дэнти казалось, что все океаны во всех мирах одинаковы. В них зародилась жизнь, и она должна туда вернуться, и люди в том числе, как это уже делают лемминги, время от времени устремляясь в его воды. В некоторые夜里 он подходил к самой кромке прибоя и взглядался в волны, надеясь разглядеть в них очертания некоего лица...

Прямо над горизонтом плыли луны-двойняшки, отраженный ими свет дорожками протянулся вдоль всего океана, венчая белые гребни барашков золотом, делая их похожими на короны.

«Беда Маршалла, — думал Дэнти, — в том, что он лишен воображения. Судит обо всем только по внешнему виду, полагаясь только на зрение, слух, ну и иногда на запах, если вещь нельзя пощупать». Сейчас, оставшись наедине с собой, он понял, что Маршалл видит в нем прежнего Марио Дэнти — претендента на должность командира, отсюда и его неприязнь. Он видит прежнего Марио Дэнти, каким он был до автомобильной катастрофы, которая унесла жизнь Эллен, изуродовала ее тело и вышвырнула в океан, после чего Марио пришлось провести в больнице целых семь месяцев, восстанавливая по крупицам пошатнувшийся рассудок. Да, до катастрофы он тоже не страдал богатым воображением и не отличался особой чувствительностью. Однако теперь... Для того чтобы Марио смог примириться с гибелю Эллен, психиатру пришлось, восстанавливая его память, удалить из нее массу побочных факторов и открыть в ней новые страницы, связанные с мыслями и понятиями, которые до этого таились глубоко в подсознании.

И все же он недолюбливал Маршалла. В глубине души Марио был уверен, что в ахиллесову

пяту его командира непременно угодит стрела, выпущенная с тетивы одного из драконов...

Драконов изумрудного цвета и ярко-красных, как киноварь, желтых и девственно-белых, как подвенечное платье невесты, черных, как сам дьявол, и оранжевых, как пламя, вырвавшееся из лампы, — хрупких и прозрачных как паутинки...

Драконов, похожих на бабочек, достигающих в длину семидесяти ярдов и в размахе крыльев двадцати и весивших при этом всего две ста или триста фунтов...

Драконов как воплощение красоты...

Драконов, убивающих взглядом...

Он вздохнул, отвернулся от огромного окна, уселся на один из черных легких кожаных стульев, щелкнув выключателем небольшого, но мощного фонарика, который держал в руке, и достал листки. Закурив сигарету, взглянул на свои новые стихи.

Первые три — выбросил в мусорную корзину, даже не просматривая. Четвертый — прочел, перечитал заново, а затем для большего эффекта прочел еще раз вслух и громко:

ОТКРОВЕНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Внемлите мне, о люди!
Взывающему к вам из преддверия ада,
Поверить в такое трудно,
Но все-таки — надо!

Знайте, что Бог страшнее всех чудовищ,
 Ибо он — клянусь своей могилой вам —
 Бездушный компьютер всего лишь,
 К тому же неверно запрограммирован!

— Неплохо, — раздался голос из темноты. В небольшой круг света рядом с его стулом шагнул Абнер. — Только не убеждай меня, что Поэт-Первопроходец терзается сомнениями по поводу смысла жизни.

— Пожалуйста, мое имя Марио.

Поэт-Первопроходец. Таким было имя, которым охарактеризовал Марио «Лайф», опубликовав первую подборку его стихов, заслужившую одобрение критики. Он и сам признавал, что все это выглядит в высшей степени странным: первопроходец космоса, завербованный на три года в спецподразделение для освоения вновь открытых миров, — и надо же, занимается поэзией на неведомой планете в некой, никому не известной звездной системе. И все же — Поэт-Первопроходец?..

— Слышал о твоей стычке с Маршаллом.

— Это была не стычка.

— Судя по тому, что мне рассказали, именно стычка. Так что же тебя в нем раздражает или беспокоит, Мар?

— Он не понимает сути вещей.

— Как и все мы.

— Достаточно сказать, что он мог бы послужить зеркалом, в котором я вижу самого себя. И это отражение не из приятных.

Они посидели молча.

— Ты что, так и собираешься просидеть всю ночь?

— Нет, Врач-Первопроходец, не собираюсь.

— Драконы возвестят о своем появлении в ближайшие шесть часов, — ухмыльнулся Абнер. — Тебе не мешало бы отдохнуть.

Дэнти сложил свои поэмы, встал, выключил фонарик и ответил:

— Пожалуй, но давай сначала хотя бы минуту полюбуемся на океан, согласен?

Ее волосы проросли змеями, шипевшими и обнажавшими клыки.

Его рука горела в том месте, где в нее впились острые зубы и где теперь сочилась по каплям кровь.

Она медленно обернулась — ее лицо было одновременно прекрасным и внушало ужас.

И глаза тоже.

И его мышцы так же медленно, но верно стали превращаться в гранит.

— Нет! — воскликнул он. — Думаю, что только-только начинаю прозревать, чтобы...

Его волосы стали едва различимыми прожилками камня. Каждая клеточка лица застыла навек в частицу того, что никогда не сможет умереть — и лишь подвержено эрозии под воздействием дождя и ветра.

И наконец его глаза, пристально глядевшие в ее, заволоклись пеленой и тоже превратились в камень.

Он проснулся от криков, раздавшихся в ушах.

Но перед тем, как открыть глаза, он успел увидеть ее, прикованную к колеснице; она кричала рот в агонии.

Языки пламени лизали ее лицо, пока он обретал свободу; взметнувшийся горящий экипаж вместе с ней сорвался с утеса и исчез.

Но, даже проснувшись, он не мог избавиться от звучания криков в ушах. На ощупь он включил лампу над кроватью и зажмурился от яркого желтого света. Затем взглянул на часы. Пять часов утра в переводе на земное время.

Предостережения драконов о своем появлении возымели эффект. Это были не крики, но причитания, издаваемые неестественными голосами.

— Берегитесь и бегите! — так и слышалось в них.

Спасайтесьбегите, спасайтесьбегите, спасайтесьбегите...

Он так и спал в рабочей одежде — форме из синтетической ткани, отливающей пурпуром. Эмблема «Объединенной Земли» красовалась на правой руке — голубь, сидящий на зеленом глобусе. Эта символика всегда вызывала в нем

отвращение. Ему представлялась почему-то картина: голубь гадит на земной шар.

В попыхах спотыкаясь, он пересек комнату, открыл дверь и вывалился в коридор, усиленно моргая, чтобы стряхнуть с глаз остатки сна.

Голден Твен бежал по проходу, на ходу застегивая нейлоновый ремень на поясе.

— У меня есть для тебя стихи, чтобы ты взглянул на них, пока будем отсиживаться в убежище, — сообщил он, запыхавшись, когда поравнялся с Дэнти.

Марио нравился этот мальчишка. Вот уже пять лет он ходил в начинающих поэтах, но его неведение окружающего мира добавляло ему особую прелесть, как автору искренних, хотя и не зрелых стихов. Его так и не осенило хемингуэевское «открытие зла». Твен так и не понял, в чем суть рассказа «Убийцы», когда читал его. Дэнти пытался втолковать юноше смысл этого произведения вот уже на протяжении нескольких недель, но так и не увидел в глазах парнишки даже малейшего понимания.

— Отлично, — одобрил Марио. — Это поможет скоротать долгие часы, пока будем торчать в той ужасной дыре.

Они припустили рысью дальше по коридору, мимо больших окон с видом на ландшафт чужой планеты.

На лестничной площадке Марио заставил юношу спуститься, а сам остался ждать, пока

из коридора не выбегут остальные. Он был капитаном этого блока, и его долг — спуститься в убежище последним.

Он выглянул в ближайшее окно. Несомненно поднялся ветер. Веретенообразные хвойные пальмы раскачивались самым причудливым образом, некоторые на ветру гнулись так, что казалось, вот-вот переломятся. Это был только авангард приливных ветров — как ему было хорошо известно, — затем вслед за мягкими бризами последуют драконы.

Те самые, которые выглядели такими прекрасными на снимках, но которые убивали любого, кто осмеливался взглянуть им в глаза.

Драконы, которые, казалось, постоянно обитают в воздухе — и как-то обходятся без еды.

Драконы, которые убивают взглядом...

В его глазах словно наяву возникли первые их жертвы: остекленевшие, сузившиеся зрачки на почерневших белках, разжиженные мозги внутри черепных коробок. Марио содрогнулся.

И все же прятаться от них — не самый верный выход.

Даже если любые специально разработанные линзы оказались бессильными и сотни ученых погибли, пытаясь доказать, что такого быть не может, чтобы человеческие глаза нельзя было защитить от смертоносного взгляда драконов, даже если это так, все равно прятаться — не лучший выход из положения.

Даже если снайперы оказались не в состоянии подстрелить их (по-видимому, убить этих чудовищ можно только выстрелом в глаз, а как прицелиться, не заглядывая в их загадочные, лишенные зрачков глаза, — никто себе не представлял), пусть даже так — все равно зарываться от них в землю вряд ли является правильным.

Последний человек из коридора загромыхал вниз по лестнице. Дэнти плотно закрыл за собой дверь, загерметизировал ее и, щелкнув пе-реключателем, закрыл окна ставнями для защиты стекол.

В убежище было полно людей. Все их хвальное городское население, числом шестьдесят восемь человек. Все шестьдесят восемь были здесь, готовые отсидеться в течение трех часов от драконов — и в подвале царила полная тишина!

Дэнти решил, что положение дел в целом с каждым разом становится все абсурднее и абсурднее. Начинало казаться, что сама планета не стоит того, чтобы из-за нее терпеть столько неприятностей. Однако он знал, что это не так. Здесь нашли залежи бакьюма, а сама планета находилась почти в центре Галактики. В один прекрасный день она будет столь же густо заселена, как и Земля. На ней сможет обосноваться огромное количество людей.

Не то что сейчас — шестьдесят восемь...

Шестьдесят семь.

— Шестьдесят семь! — пронзительно выкрикнул секретарь.

— Не может быть! — заорал Маршалл.

— Мемшен. Его здесь нет.

— Кто отвечает за тот коридор?

— Я, сэр!

— Анамаксендр. Почему, черт подери, ты не заметил, что он отсутствует?

— Сожалею, сэр!

— Ты и не так пожалеешь, дьявольщина, еще до того, как все закончится! — Маршалл оглядел лица остальных. — Кто видел его последним?

— Это вряд ли. Полагаю, что почти все крепко спали, командир, — тихо заметил Дэнти.

Маршалл хотел было возразить, но передумал и обратился к Твену:

— Ты знаешь коридор Ф?

— Да, сэр!

От каждого на случай чрезвычайных обстоятельств требовалось хранить в памяти и знать как дважды два поэтажный план комплекса. Так что вопрос был явно излишним.

— Отправляйся за Мемшеном. Сбегай в его комнату и убедись — не нуждается ли он в помощи. И во что бы то ни стало возвращайся сюда!

— Но драконы?.. — заметил кто-то.

— Им еще рано, пройдет не меньше получаса, пока они доберутся до верхних этажей.

Твен прихватил рацию, поправил бластер на поясном ремне, затем подошел к Дэнти и протянул ему стопку из восьми бумажных листков. Улыбнулся и вышел.

Наверху лестницы послышался свистящий звук — разгерметизация двери, — затем визг, когда она вновь плотно закрылась за Голденом Твеном.

Мару Дэнти заняться было нечем. Он мог, конечно, сидеть и тревожиться, но командир был прав. Драконы пока еще не вломились в верхний коридор. Пока наверху дела не станут совсем плохи, для тревоги не было особой причины.

Он уселся и раскрыл сложенные листки желтой бумаги.

Зачем человеку глаза?
Зачем нас мучают боли?
Если капля дождя — это Божья слеза,
Зачем от дождя зеленеет поле?

«За что», «почему» —
Слышно в писке мыши,
Коту попавшего в лапы.
Ответьте — где у нас душа?
И есть ли она хотя бы?

Марио Дэнти завидовал. Зависть? Когда он вник в стихи и оценил их по достоинству, то понял, что поэзия Твена изменилась к лучшему. Она больше не была тем, что Дэнти на-

зывал «поэзией цветов и веток». В последних трех строчках явно проскальзывала философская нотка. Или, по крайней мере, пессимизм.

Пессимизм же, по его твердому убеждению, это и есть реализм.

Внезапно его охватило сильное беспокойство за парня — ведь он там... наверху.

Он встал и приблизился к Маршаллу:

— Командир, я...

Маршалл обернулся, блеск в его глазах говорил, что он приготовился к защите. Затем процидил сквозь стиснутые зубы:

— Дэнти. Что на этот раз? Не хочешь ли ты взять на себя руководство операцией? Не желаешь ли?..

— Ох, заткнись! — Дэнти склонился к передатчику, который должен был донести до них сообщение от Твена. — Я тебе не враг. Просто не одобряю твои методы и образ действий. Однако до персональной вендетты не опущусь.

— Послушай...

В радио раздался треск, прервав готовую излиться в слова ярость, закипавшую в душе Маршалла.

— Это Твен. Мемшэн у себя в комнате. Большой. Собираюсь дотащить его к вам на себе.

— Как там насчет драконов? — окрысился Маршалл в микрофон.

— Слышу, как они мягко бьются в ставни окон, пытаясь проникнуть внутрь. Словно большие мотыльки.

— В холлах ни одного?

— Пока нет. Отправляюсь в обратный путь. Уже выхожу!

Драконы, убивающие взглядом. Как показывают пленки, прекрасные драконы — такими их видят камеры, которые работают автоматически. Увы, человеку пока не дано даже взглянуть на драконов!

«Как бы то ни было, должен же и человек увидеть их своими глазами, — подумал Марио. — Эти фото...» Мысль Дэнти, казалось, была крайне близка к тому, что называют озарением.

Когда Твен вернулся, Дэнти, испытав огромное облегчение, тут же позабыл о Маршалле, окунувшись в мир хорошей поэзии, созданной юношой, комментируя и обсуждая с ним стихи.

— Почему ты написал такое?

Твен на миг задумался:

— Чтобы определить Истину.

— Всеобщую Истину?

— Да.

— Такой вещи не существует в природе. Нет всеобщей правды — есть только ярлык, который пытаются наклеить на то, чего не существует. Истина — это оттенок серого между

черным и белым — и таких оттенков несть числа. Правда для каждого своя: одна — для раба, другая — для монарха, еще одна — для монаха, который, преклонив колени в монастырской келье, молится, перебирая в руках четки. Человеку не дано ее определить, и он не вправе осуждать в другом то, как тот себе представляет истину. Истина, или правда, как тебе больше нравится, мой сын, относительна. И даже больше — она вообще не существует в чистом виде.

— Но на занятиях по литературе в колледже нам говорили, что мы должны искать истину. А в учебниках поэзии учат писать так, чтобы открывать правду.

Остальные шесть десятков человек плюс еще один бормотали о чем-то своем. Маршалл тем временем изучал показания приборов, непоколебимо веря, что полагаться можно только на аппаратуру, ибо она одна безошибочно определяет истину, в его понимании — действительное положение вещей.

— Так принято учить и говорить, мистер Твен. И я скажу тебе то же самое. Писать надо так, чтобы открыть людям правду. И предостеречь вместе с тем, что ее не существует. И все же я настаиваю, чтобы ты продолжал искать и никогда не останавливался на достигнутом. Да-да, говорю тебе вновь: ищи, ищи и ищи истину — пусть это будет твой крест, как

поэта. Только вот не тонка ли у тебя кишка, чтобы не прекращать поиски, Голден Твен?

Твен взглянул на него и тихо, не считая нужным ничего отвечать, отошел и сел в углу, пристально вглядываясь туда, где стена сходилась с потолком.

Остаток дня Марио провел, без конца навещая клинику Абнера, справляясь о состоянии здоровья Мемшена.

Голубые стены медпункта заставляли его ощущать себя как бы подвешенным самым невероятным образом посреди неба.

Тонкие серебряные инструменты на столе, сверкающая медицинская аппаратура, университетские дипломы по стенам, анатомическая схема над операционным столом — словно хирург обязан строго придерживаться последовательности действий, обозначенных на ней цифрами и разными цветами, когда вырезает аппендикс, — все это казалось обломками кораблекрушения, плавающими в кристально чистом небе, — жалкие остатки человеческих достижений, оказавшиеся выброшенными в стратосферу после того, как Господь Бог во гневе своем одним мановением дланi стер с лица земли корабль прогресса заодно с людьми.

— Что же у него может быть?

Абнер пристально вглядывался в показания диагностической аппаратуры. Не поворачивая головы ответил:

— Возможно, опухоль.

— Возможно?..

— Или с полдюжины других болячек. Что бы это ни было, оно глубоко скрыто в тканях пищеварительного тракта. Может, мне удастся обнаружить, что это такое. Может быть, нет.

— Что же ты сможешь сделать?

— Ничего.

— Он умрет?

— В нашем распоряжении нет больницы, оборудованной по последнему слову науки и техники.

— Я не виню тебя, Эйб.

— Я сам себя виню.

— Выходит, он обречен?

— Да! И все из-за того, что я не понимаю. Не могу понять!

Ночью, когда Дэнти спал, Мемшен умер. Но поэт об этом не знал. Да и никто не должен был узнать до самого утра. Это делалось для того, чтобы не потревожить сон других. Тысяча ласточек однажды могли упасть с неба...

Тысяча ласточек, нет, миллион падали с неба вместе со снежными хлопьями. Они тихо разбивались об асфальт. Висели, зацепившись за телефонные провода... словно ноты для духового оркестра, разделенные столбами вместо специальных знаков на равные интервалы звучания. Только вот музыки не было.

После того как они упали, он стоял, подняв воротник пальто, чтобы защититься от холода,

и смотрел на их тельца, изуродованные и истекающие кровью. И ничего не понимал.

Вглядываясь в серое небо, откуда сыпались снежинки, кружасиеся в воздухе, словно тысячи пушинок, сдущих детьми с одуванчиков, он надеялся выяснить, откуда взялся этот холод.

Где-то вдали скрипели на ветру деревья...

Кромсали металл...

Призрачные вопли в ночи, женщина в агонии...

«Возможно, — думал он, — если бы я мог заглянуть через зеркало, то смог бы увидеть и узнать. Возможно, мир в зеркальном отображении не будет выглядеть лишенным смысла. Может быть, если мы изменим наше видение...»

— Да, — произнес голос.

Он обернулся, взглянул на змей, выросших вместо волос на ее голове, и уже не мог не смотреть в ее глаза. И медленно, отныне и навеки, стал превращаться в камень, успев только прокричать:

— В другом ракурсе, возможно, ты будешь выглядеть желанной, а не ненавистной!

— Да, — ответила она улыбаясь.

Проснувшись весь в поту, он уже знал ответ. Все, что требовалось от него, — это быть в достаточной степени сумасшедшим. Но он не мог ничего никому сказать, так как Маршалл увидит в этом — если узнает — лишь попытку с его

стороны захватить власть. Придется сохранить все в глубокой тайне.

Марио включил лампу над кроватью, заставил себя проснуться окончательно и сел, чтобы снять зеркало, перед которым одевался.

Он был последним из всех, кто спускался по лестнице, когда пришло предостережение драконов.

- Ты слышал? — спросил Твен.
- Слышал... что?
- Мемшен умер этой ночью.
- Да, все-таки одна абсолютная истина существует. Смерть!
- Что?
- Бесспорная, непререкаемая, очевидная для всех и неизбежная для каждого из нас.

Он отошел от Твена и забился в дальний угол, надеясь остаться незамеченным. Угол был возле самой лестницы. Перекличка закончилась — все были налицо. За тот час, пока раздавались предостережения драконов, он поднялся и, не привлекая ничьего внимания, прокралясь к подножию лестницы. Затем словно пропал у всех из виду, как усталое привидение.

Наверху он разгерметизировал дверь, выскользнул в коридор и закрыл за собой тамбур, ведущий к лестнице в убежище. Осторожно достал из кармана самодельные очки — шедевр

рукотворного искусства. Они были ромбовидной формы и походили на брильянт в оправе, со своими ослепительно сверкающими составными линзами, скрепленными золотой проволокой. Очки, если грубо сравнивать, работали на манер перископа, позволяя тому, кто их надел, видеть как в зеркале все, что находилось перед ним.

Затаив дыхание он прокрался к наружной двери, раскрыл ее и шагнул в окружающий мир.

Воздух над его головой звенел от шелеста огромных крыльев.

Медленно-медленно он поднял голову к небесам.

«Духи, поражающие насмерть своим сиянием на расстоянии, сны, вырвавшиеся на волю», — подумалось ему.

Да, над ним парили духи и феи. Они были оранжевые и пурпурные, а также коричневые, всех оттенков: от кофе до ореха пекана; они были белых и желтых цветов — от яркого до жемчужного.

Среди них попадались гладкие и в крапинках, и через их шелковистые крылья просматривалось солнце.

«О Дедал, созданный тобой лабиринт ничуть не загадочней, чем одно-единственное крыло этих созданий! А ты, Икар, отврати взгляд от солнца — подлинная красота не наверху. Обрати взоры вниз — и ты увидишь!»

Это были драконы ветра.

И благодаря очкам их глаза не сжигали его.

Марио прошел дальше, не в силах перевести дыхание. Ему припомнились строки из «Путешествия в Индию» Уитмена: «Еще с палубы меня поразил странный ландшафт: кристально чистое небо и ровные пески в отдалении...»

В самом деле было что-то в ландшафте этой чужой планеты, казавшееся необычным. Сквозь фильтр прозрачных, как паутина, крыльев в солнечном свете он мог заметить много новых деталей. Хлорофилл, формирующийся непривычным способом в ткани листьев и придающий им желто-зеленый цвет, оттенки песка, которые прежде не замечал. Новая световая гамма царила во всем, начиная от неба и кончая песчинками у него под ногами, — ненавязчивая и вместе с тем удивительная по своей гармонии.

Он мог видеть лучи солнца по отдельности и то, как они, вместе взятые, словно золотые реки проникали во все, отливая обратно, когда наталкивались на препятствия, насыщая и исчезая внутри, когда встречали благодатную почву. Мир стал более реальным...

Гигантские землечерпалки...

Он увидел глубокие шахты и горные штольни, узнавая в работающих там механизмах те, которые уже выскребли все с поверхности и теперь вгрызались внутрь планеты, чтобы отправить добытые руды в гигантских кораблях-тан-

керах на огромные дымные фабрики и заводы перенаселенной Земли, где очень многие прозябают в нищете и лишь немногие живут в изобилии. И это уже были не просто машины для горнорудных работ...

Я слышу гулкие, как эхо, голоса, пронизывающие насквозь самое величайшее столетие в мире...

Вибрация из воздуха передалась всем молекулам его тела так, что он воспринимал не только ушами, но и всеми органами чувств, поэтому все-цело ощущал тональность этих берущих за душу причитаний, где радость смешивалась с печалью. Горечь и сладость, слитые воедино! Это драконы сгрудились над его головой и пели.

Музыка была беззвучной и все-таки слышимой. Это были трубы марширующих мертвцев и флейты живых ангелов. Слова песен были странными:

«Блуждая по огромной пустыне и страждущим долинам, я видел чарующие миражи цветущих оазисов...»

Он брел, спотыкаясь, не ведая куда и забыв об осторожности. Для него все было новым. Тысячи раз он все это видел прежде. И ничего, оказывается, не видел.

Драконы пели об этом и почему так получилось. Именно почему!

Пошатываясь, как пьяный, он направился к миражам, погрузил руки в прохладную воду и

убедился, что это не мираж. Лужайки пахли травой и свежестью. Они были настоящими.

Искорка в его мозгу вспыхнула с новой силой — для него поиски закончились.

Запинаясь, смеясь, слушая и наблюдая за похожими на бабочек драконами, он добрался до комплекса, вошел внутрь и направился к двери убежища.

Все встали, глядя, как он спускается по лестнице. Марио бросил очки к их ногам и громко рассмеялся.

— Он не в себе, — произнес кто-то.

— Нет! — воскликнул Марио Дэнти. — Кто сумасшедшие, так это вы. Все без исключения. Чокнутые, как мартовские зайцы. Прячетесь, пока сама жизнь ожидает вас снаружи — и боги тоже.

— Это ты о драконах?

— Ну, драконы они или боги — в этом я еще не уверен.

— Кто-нибудь, схватите его! — выкрикнул Маршалл, прокладывая себе путь через столпившихся людей.

— А ты, — обратился к нему Марио, — ты прячешь за фальшивым фасадом то, что на самом деле творится в глубине твоей души, скрываешь за ним свое подлинное «я». На самом деле ты даже не хочешь быть капитаном.

Боишься своего поста. Но пытаешься доказать, что это не так, самому себе. Ты импотент...

— Заткнись! — заорал Маршалл; он побледнел.

— Импотент, потому что однажды, когда тебе было восемь лет, твоя тетя...

— Заткнись!

— Не могу. Я читаю это в твоих глазах. Боже, разве вы все не видите этого?

— Как же ты умудрился взглянуть на драконов? — спросил кто-то.

— Через зеркало.

— Но другим выжгло глаза.

— Потому что они не смогли выдержать до конца то, что увидели в глубине бездонных глаз драконов. Они просто сломались и лишились души. Но какая красота! Если вы постоянно стремитесь к ней, то легко найдете ее в глазах драконов.

— Во имя дьявола, о чем ты тут болтаешь? — спросил Эйб.

— Драконы не материальны.

Эйб подступил ближе:

— Говори разумные вещи, Мар. Ради всего святого, отдавай отчет своим словам.

— Когда Мемшен умер, Эйб, ты сказал мне, что не можешь понять. Так вот, ты сможешь понять, если только сильно захочешь. Ты пытаешься мерить драконов по земным меркам, а это в корне неверно. У них нет ничего, так

как они созданы не из материи. Жизнь на этой планете формируется из того, что мы называем «абстрактные идеи». Драконы — это Истина. Правда, воплощенная в нечто. Через них ты можешь понять — почему.

— Он спятил.

— Есть на этой планете и другие формы жизни, которых мы еще не видели. Драконы — это просто единственные, кто пытаются установить с нами контакт, чтобы разрушить недопонимание и отчужденность, и именно поэтому ломятся к нам в убежище. Но есть и другие формы жизни, обитающие под поверхностью планеты. Мы принимали те дыры в пустыне за впадины, но это не так. Их выкопали черви, это ходы, которые уходят в глубь планеты на мили, но рано или поздно эти монстры до нас доберутся — и убежище против них бессильно. Имя этим червям — Ненависть. Злоба, воплощенная в зримые формы..

Кто-то бросился, чтобы схватить его. Он упал, пытаясь сопротивляться.

Милями ниже, глубоко под песками, длинная, похожая на гусеницу тварь окрасилась в яркие торжествующие тона и изогнулась вверх.

Пол в убежище содрогнулся. Со странной, не ведомой никому из них доселе злобной радостью они толпой набросились на Марио Дэнти и

топтали его до тех пор, пока жизнь не покинула его в тот самый момент, когда он успел произнести последнее слово:

— Эллен.

А наверху, водрузив на голову брошенные Марио очки, Голден Твен отправился вперед, наружу, в окружающий мир, с бластером на бедре, преисполненный решимости обыскать каждую пещеру и обследовать каждую нору, похожую на уходящий в глубь песков ход огромного дождевого червя...

ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЕ ДЕТИ

Независимо, верит кто-то или не верит в доказательства науки, что под воздействием ЛСД-25 разрушаются хромосомы, тем не менее он должен признать, что идея создания ребенка-мутанта с помощью ЛСД сама по себе весьма интересная. Вернее, должна быть такой, так как я получил с дюжину писем от читателей по поводу этого рассказа, к тому же он уже опубликован во Франции, а также будет включен в сборник рассказов и авторских интервью, который позже в этом году выйдет в Испании. Интерес читателей, как я думаю и надеюсь, вызван не столько сюжетом, сколько стилем изложения — и как теперь приверженцы традиционного стиля вцепятся мне в горло! Я предпринял попытку написать рассказ, стиль которого, динамика и построение должны донести до читателя смысл психоделики в слегка язвительной манере. Конец этой истории полностью

тью отвечает моему намерению — внезапно поставить вас перед неожиданной развязкой и заставить понять, насколько же тонка та канва, которую считают реальностью...

Он проснулся даже раньше, чем она, и лежал, вслушиваясь в ее прерывистое дыхание: оно напоминало шелест пены прибоя о прибрежные камни. Оно станет и хуже еще до того, как она проснеться. Он потянулся к тумбочке, взял сигарету из почти пустой пачки, закурил и сел на кровати. Он старался не думать о той энергии, которая бушует в ее мозгу, о гибельной и мучительной силе, которая, не находя себе выхода, терзает ее мысли. В темноте попытался думать о чем-нибудь другом.

Вид из окна радовал глаз: снег, начавшийся после ужина, все еще шел, одевая все вокруг в белый наряд. Облака немного рассеялись, и сквозь них проглядывала луна. Она сделала ночь светлой, отражаясь от белого покрывала и омывая его желтым мерцанием. Поодаль за серой ивой лежало шоссе — черная размытая полоса в словно заново побеленной удивительной земле. Было очевидно, что кольца подогрева в полотне дороги снова вышли из строя, так как сугробы ближе к обочинам оставались нетронутыми. Над их удалением трудились старомодные скребки.

Мечты, парящие в небе, сгорают
 От молний и пеплом посыпают
 Головы тех, в чьих мозгах
 Они родились
 И кто с мечами в руках
Других повергают ниц...

Он не был полностью уверен: так ли уж бесмысленны эти стихи или нет? Хотя под настроение могли и подойти. Он тихо повторил их вновь. Ему следует запомнить эти строчки, довести до кондиции и — возможно даже — включить в следующий томик.

Через несколько минут он вновь оглянулся на Лауру. Ее лицо было бледным, веки закрытыми, а в уголках глаз собралось несколько морщинок. Он провел рукой по волне черных как воронье крыло волос, разметавшихся по подушке. Она в ответ простонала; воздух с шумом входил и выходил из ее груди. Дышать ей было все трудней и трудней. Решив на этот раз не будить ее, он встал, надел брюки и натянул рубашку.

— Фрэнк? — спросила она.

— Знаю.

Она выскользнула из кровати, обнаженная, с рассыпавшимися черными волосами, с белой кожей, залитой предутренним светом, — такой он ее всегда любил.

— Я выгоню машину из гаража, — сказал он.

— А снег?..

— По-видимому, об этом позабочились. Не беспокойся. Через пять минут я заберу тебя возле крыльца.

— Я люблю тебя, — сообщила она, когда он проходил через дверь в наполненную тенями гостиную. Это всегда заставляло его вздрагивать: ее лицо, голос, наконец, слова.

Он взял пистолет и фонарик, лежавшие в ящике комода на кухне. Выйдя в ночь, залитую мерцающим светом, сунул пистолет в карман пиджака и втянул носом холодный воздух. Тот обдал холодом горталь и легкие и прогнал остатки сна. Дорожка от дома к гаражу была не расчищена; снега выпало на добрых двенадцать или четырнадцать дюймов. Он побрел по сугробам, вслушиваясь в легкий шелест ветра и отдаленный шум, похожий на стон уборочных машин, вступивших в схватку со стихией. Дверь гаража с жужжанием открылась, когда распознала отпечаток его большого пальца на наборном диске замка. Он забрался в машину, завел ее и подал задом, разгребая снег задним бампером. Затем включил задние и передние радиаторы обогрева. С проблемой, которая стояла перед Лаурой, ему приходилось всегда быть наготове, чтобы выехать в любой час дня и ночи и в любую погоду. Решетки-радиаторы для оттаивания снега потребовали немалых дополнительных расходов, но они были просто необходимы. Когда он подогнал машину к передней двери, она уже ожидала его.

— И куда же теперь? — спросил он.

— Куда-нибудь в округе, — ответила она шепотом. — Пожалуйста, поторопись! В этот раз будет наверняка плохо.

Растапливая снег впереди машины, он выехал на шоссе и направился к дороге, ведущей прочь от города и его окрестностей. Затем, передав управление автопилоту, он погладил волосы Лауры и стал целовать ее щеки, уши, шею...

Через десять минут они оказались у выезда с шоссе, и красный глазок автопилота подмигнул ему, словно говоря, что следует взять управление на себя. Где-то в недрах машины по той же причине ожил зуммер и жалобно заблеял. Он свернул влево на вспомогательную дорогу, не так хорошо очищенную, как шоссе. Снежные наносы наползали на щебенку, суживая проезжую часть в некоторых местах наполовину. Он выжал акселератор и заставил свой «чемпион» двигаться дальше.

Она застонала.

Это был плохой признак. Критический момент быстро приближался, предел, за которым кончается сдерживание и может произойти всплеск энергии, яростный и смертельно опасный. Лаура была экстрасенсом, но это не шло ей на пользу, так как она не могла удержать свою силу под контролем. Она была не в состоянии выплеснуть энергию наружу, пока

та не достигнет критической точки, и раз этот предел был близок, то оставались считанные секунды до выброса.

Он был рад, что установил решетки-радиаторы для растапливания снега. «В наши дни, — подумал он, — их следовало бы устанавливать на все машины. Тогда снегоуборочные машины и кольца подогрева в полотне дороги были бы лишними». Решетки обдавали жаром кристаллики снега впереди: некоторые превращая в пар, некоторые — в талую воду, оставляя ее позади, чтобы превратиться в лед на холодном ночном ветру, который обдувал дорогу.

— Еще чуть дальше, — сказал он.

Она что-то простонала в ответ.

Он рискнул оторвать взгляд от дороги и был поражен — впрочем, как и всегда, — при виде белизны на ее прекрасном лице. Это напоминало ему о смерти. Его всегда охватывал страх в такие моменты.

— Держись!

Машина без предупреждения заскользила к обочине. Он в отчаянии вцепился в руль, затем вспомнил, что сам направил машину к откосу. Они уткнулись в сугроб, и решеткам-радиаторам пришлось потратить несколько минут, чтобы высвободиться из снежного плена. Он проехал еще милю, не встретив никаких домов, и — именно поэтому — резко свернул туда, где, судя по всему, летом было пшенич-

ное поле, ровное, покрытое снегом. Решетки-радиаторы работали на полную мощность. Он вел машину медленно, выжигая снег впереди по пути к лесу, который виднелся там, где поле немного поднималось, и, начиная с этого подъема, уходил вдаль и терялся на расстоянии. Когда они добрались до опушки, он, нажав на тормоза, остановил машину и выключил фары. Теперь их нельзя было заметить с шоссе на фоне вплотную подступивших черных деревьев.

Он сел рядом с ней прямо на снег возле дрепесного ствола. Она уже достигла критической точки.

— Все хорошо, — успокаивал он, — здесь никого нет.

Она вновь застонала...

Ее дыхание вырвалось наружу...

Снег вокруг них начал подтаивать... Через две минуты образовался круг голой земли диаметром четыре фута. Затем земля превратилась в грязь. Потом грязь начала нагреваться до кипения...

«Помню, как в парадной зале на стене,
Отделанной под старинный колер,
Часы прадеда отстукивали мне:
«Дай монетку в обмен на доллар».
О, как это теперь вдалеке!
Уютная кухонька, в вазочке — цветы
И мама, с ложкою в руке
Стоящая у плиты...

Он выключил магнитофон, перемотал ленту, вынул и упаковал ее. Стихи были сочинены для субботнего шоу, предназначенного для передачи по ста двум коротковолновым радиостанциям. Пятнадцать минут поэзии с комментариями как «за», так и «против». Как всегда, ему стало немного горько при мысли о том, как мало таких, кто действительно слушает, и как много таких, кто просто смеется. Он подозревал в глубине души, что очень многие из изящных искусств вовсе не предназначены для масс-медиа. Но в противном случае как бы он смог заработать себе на хлеб с маслом?

— Фрэнк?.. — Лаура впорхнула к нему в кабинет, мило улыбающаяся, в платье из ткани, где на соломенном фоне ярко выделялись крупные красные яблоки; в ее темных волосах была вплетена красная лента. — Ты уже видел утреннюю газету?

Заголовок бросался в глаза: «В округе объявился, как полагают, галлюциногенный ребенок», и чуть ниже: «Полиция начинает поиски». Далее сообщалось, что в поле возле Крокертона обнаружили место, где снег полностью испарился, земля оплавилась и покрылась глазурью, деревья обгорели и расщепились. Из этого делался вывод, что только одно существо могло все это проделать — галлюциногенный ребенок. Поэтому и приступили к его поискам.

— Не тревожься, — попытался он ее успокоить.

— Но здесь говорится, что полиция обыскивает все в округе в радиусе десяти миль.

Он усадил ее к себе на колени и поцеловал.

— Ну и что они смогут найти? Я поэт, который рьяно поддерживает партию, находящуюся у власти, партию, крайне враждебно настроенную против экстрасенсов. Мы живем нормальной жизнью. Никогда не поднимали голос в осуждение преследования детей-галлюциногенов.

— И все равно, — возразила она, — я беспокоюсь.

Так оно и было...

До полудня. Именно тогда нагрянула полиция.

Они стояли, наблюдая в глазок парадной двери, как полиция приближается к дому.

— Это только те, кто будут задавать вопросы. За обычными вопросами последует рутинное обследование, — заявил он.

Она все равно дрожала. Затем поспешила скрыться на кухне.

Он выждал, пока не постучат дважды, перед тем как открыть дверь. Ему не хотелось казаться взволнованным, и эти несколько лишних секунд нужны были, чтобы изобразить на лице фальшивую улыбку.

— Да!

— Полицейский инспектор Джеймсон, а это мой помощник андроид Ти, — отрекомендовался темноглазый детектив, указывая на подобие человека, шедшее следом.

— Ого, это, должно быть, в связи с галлюциногенным ребенком, о котором писали в газетах. Входите, инспектор!

Он провел их в кабинет. Инспектор и он сели, но Ти остался стоять. Снежные хлопья, налипшие на нем, таяли и капали на ковер после того, как, струйками сбежав по «коже» лица, исчезали в специальной ямке в подбородке.

— У вас здесь уютное местечко, мистер Кауэлл.

— Благодарю!

— Тут вы и пишете свои поэмы?

Кауэлл взглянул на письменный стол и кивнул.

— Я один из ваших поклонников. Хотя должен сказать, что не всегда нравятся нерифмованные опусы.

Он вздохнул с облегчением. Этот человек явно не был властным, проницательным и крутым полицейским. Он казался скорее мягким — такое создавалось впечатление. «Тогда почему, — подумал Кауэлл, — он не решается прямо взглянуть мне в глаза...»

— А ваша жена... миссис Кауэлл... дома?

Его сердце екнуло, но он не смеялся.

— Да, дома. Лаура! — позвал он и вновь крикнул, пожалуй, излишне громко: — Лаура!

Она вышла из кухни и встала рядом с его стулом, не сводя подозрительных глаз с андроида. Слишком подозрительных. Кауэлл начал испытывать страх. Вдруг Ти, в свою очередь, заметит ее опасения и насторожится.

— Пожалуйста, присядьте, миссис Кауэлл, — предложил Джеймсон. Теперь он обращался к ним обоим. — Мы делаем обход и хотели бы задать вам несколько вопросов. Как вам, так и вашей жене.

Они оба кивнули.

— Ти! — окликнул Джеймсон.

В горле андроида, казалось, что-то целую секунду жужжало и гудело, затем низкий хриплый голос, похожий на стон, прорвался из пластины в нижней части шеи:

— Наша беседа записывается. Вам известно об этом, мистер и миссис Кауэлл?

— Да, — чинно ответили оба.

— Вся записанная информация может быть использована в суде. Вам это известно, мистер и миссис Кауэлл?

— Да!

— Я андроид Ти из городского подразделения, приданый в помощь инспектору Гарольду Джеймсону. Мистер Кауэлл, галлюциногенный ребенок — это ребенок, рожденный от родителей, чьи гены подверглись изменению под

воздействием ЛСД-25. Подобные дети становятся или физическими, или психическими уродами. Вам это известно, мистер и миссис Кауэлл?

— Да.

— Физические уроды попадают под опеку правительства. Галлюциногенные дети с врожденными отклонениями психики представляют опасность для государства и не могут быть ни в коей мере признаны полноправными гражданами. Это происходит из-за природы их душевной силы — она поддается изучению только в момент достижения критической точки, но на этапе ее наивысшей фазы изучение природы этой силы сопряжено с чрезвычайной опасностью — поэтому большинство таких мутантов должны быть усыплены — это только гуманно по отношению к ним. Вы это понимаете, мистер и миссис Кауэлл?

Они подтвердили, что понимают. С формальностями было покончено.

— У нас есть причины полагать, что в этой местности скрывается галлюциногенный ребенок. Знаете ли вы что-либо или слышали от кого-либо об упомянутой личности?

Они ответили отрицательно.

— Покидал ли кто-нибудь из вас дом прошлой ночью?

Ответ «нет».

Следующий вопрос внезапно оказался на засыпку:

— Каким же образом тогда, объясните, подъездная дорога и въезд на шоссе оказались очищенными?

— Мы заметили, когда подходили к вашему дому, — уточнил Джеймсон, — что ваша подъездная дорога производит впечатление, будто ее очищали от снега решетками-радиаторами.

— Я выезжал этим утром за покупками, — излишне спешно ответил Кауэлл.

— Вы что, сами ходите в магазины за продуктами? — спросил Джеймсон, удивленно подняв брови.

— Да! — ответил Кауэлл, внезапно обрадовавшись, что так и не осовременился до конца. Менее чем пятая часть населения лично посещала магазины, чтобы закупать продукты. Остальных обслуживали роботы-клерки, которые принимали по телефону заказы и доставляли их на дом. Кауэлл, однако, предпочитал лично взглянуть на бифштекс, прежде чем купить его. Всему виной его привередливость в еде.

— Отец миссис Кауэлл был профессором колледжа, — скрипуче выдавил из себя Ти. — Наставники колледжей шестидесятых и семидесятых годов довольно часто были либералами и проявляли склонность, как и их студенты, к разного рода экспериментам. Миссис Кауэлл, принимал ли ваш отец ЛСД-25?

Они давно уже подготовились к возможности таких вопросов. И оба согласились с тем,

что немного правды принесет меньше вреда, чем сплошная ложь.

— Кажется, что он дважды пытался испроверять этот препарат, но результаты оказались плачевными, — ответила Лаура.

Кауэлл был горд тем, как она произнесла это: твердо и не колеблясь.

— Он принимал препарат нерегулярно?

— Нет!

— Как вы можете быть столь уверенной, моя дорогая? — добродушно спросил Джеймсон.

Кауэлл понял, что Джеймсон далеко не глуп и кто угодно, только не добряк. Он не действовал так прямолинейно, как его помощник Ти, но его стрелы поражали мишень близко к центру.

— Мне рассказывала моя мать, — ответила Лаура. — Она провела остаток дней своих, рассказывая мне о нем. Мне было семь лет, когда отец умер. Я слышала все эти истории тысячу раз. Как я могу их забыть? Он дважды принимал ЛСД и оба раза последствия были весьма удручающими.

— К какой партии вы принадлежите? — спросил Ти.

— К партии, которая находится у власти вот уже последние тринадцать лет. К партии «Терпимость в рамках Конституции»! — Кауэлл попытался произнести эти слова с гордостью, хотя здорово мешал клубок отвращения, застрявший в горле.

— А почему вы стали ее членами?

— Потому что мы боимся коммунистических стран и понимаем, что всякая подрывная деятельность в нашей стране должна быть пресечена на корню.

— И вы ничего не видели и не слышали об этом галлюциногенном ребенке?

— Ничего!

— Была ли эта беседа записана с вашего ведома и согласия, мистер и миссис Кауэлл?

Они ответили утвердительно.

В голосе андроида послышался щелчок, в горле секунду что-то гудело, прежде чем наступила гробовая тишина. Инспектор Джеймсон поднялся на ноги.

— Извините за причиненные неудобства! Лично у меня беседа с вами оставила благоприятное впечатление. Благодарю вас за сотрудничество!

— Не беспокойтесь, рады всегда помочь! — незамедлительно отозвался Фрэнк.

— Надеюсь, что вы найдете мутанта, — присовокупила Лаура.

Они наблюдали в дверной глазок, как инспектор и андроид забрались в полицейскую машину и укатили в сторону шоссе, машина дергалась все меньше и меньше по мере удаления и наконец совсем скрылась из глаз.

Судя по небу, оно вновь собиралось разразиться снегом.

А где-то, весь дрожа, прятался ребенок-мутант.

В какой-то момент его нервы не выдержали — и он побежал.

Он бежал прямо в лапы андроида. Глаза металлического «человека» сверкали как драгоценные камни; его же, ребенка, слезы, текущие по щекам, замерзая, блестели как брильянты. Он попятился назад, но позади уже возникли другие. Бежать было некуда.

И он обрушил на них всю свою психическую мощь, наблюдая, как их охватывает пламя, как плавятся их лица и как из их металлических тел клубится дым.

Но на смену им явились другие, и много. И они не стали ждать, когда наступит их очередь. В бедрах андроидов открылись выпускные отверстия. Хлынули струи огня; пламя окутalo его, скрыло из глаз и поглотило.

Все это время шел снег... много-много маленьких белых снежинок...

— Им все-таки удалось накрыть какого-то беднягу, — сообщила Лаура, протягивая ему газету.

Он взглянул на полосу и скривился. «Галлюциногенный ребенок вступил в схватку с полицией». Нет чтобы написать «вступил в схватку с роботами», чтобы это соответствовало истине,

хотя выглядело бы не так впечатляюще. Более того, могло бы вызвать симпатии к мутанту. Кауэлл подозревал, что живой коп находился не ближе чем за сотню ярдов от мальчика.

— Это все из-за меня, по моей вине, — выражалось у Лауры.

— Какой абсурд! Как подобное могло произойти по твоей вине?

— Мы были слишком неосторожны. Оставили следы или что-то еще, дав тем самым им основания начать поиски.

— Обстоятельства не допускали промедления, — попытался он оправдаться. — Ты разнесла бы в клочья нас обоих, а может, и всю округу, если бы попыталась сдерживать в себе эту силу еще хотя бы чуть-чуть.

— Все равно, они не сожгли бы заживо мальчика, если бы мы...

— Забудь об этом! Что у нас на ужин?

— Спагетти.

На следующую ночь были свиные ребрышки. На следующую — отбивная. На третью ночь он проснулся от ее тяжелого дыхания.

— Лаура!

— Да. — Ее глаза были открыты.

— Почему ты не разбудила меня? — Он вскочил с кровати и начал одеваться.

— Фрэнк?

— Что еще? Прошу, поторопись с одеванием.

— Фрэнк, может, было бы лучше, если бы ты позволил тому, что во мне, убить меня.

Он прекратил натягивать куртку и обернулся, чтобы взглянуть ей в лицо. Ему были видны только очертания ее маленького, но очень женственного тела под одеялом и волосы, как спутанный шелк... Он подошел к кровати и приподнял ее голову.

— Что все это означает? — потребовал он ответа.

Она плакала.

— Ты не любишь меня? — спросил он.

Она попыталась ответить, но рыдания заглушили слова.

— Тогда прошу тебя, одевайся! — мягко приказал он.

После чего сам вышел. На кухне вынул пистолет из ящика. Снаружи небо было чистым; ветер крепчал, яростно набрасываясь на сугробы. Когда он подогнал машину к двери, она уже ждала.

— Куда поедем? — спросила Лаура.

— Еще дальше, чем в тот раз. И хорошо укроемся.

Рождество приближалось.

Ему пришло это в голову, когда он вел машину. Он подумал о вечеринках и горячем пунше, церковных службах, свечах на алтарях и свечках в окнах. Вспомнил о Христе, слезающем с креста, и стал размышлять, что бы на-

писали апостолы, живи они сейчас, по поводу детей-мутантов.

Заехав подальше в глухомань, он вывернул свой «чемпион» на боковую дорогу, отходящую под углом от шоссе, какое-то время следовал по ней, затем съехал с дороги на широкую колею, которая, сужаясь, вела в лес и наконец сошла на нет посреди зарослей на вырубке. Они находились в трех милях от дороги, укрытые со всех сторон деревьями, и только сверху, откуда с неба на вырубку струили свой свет звезды, их можно было заметить. Едва они выбрались из машины, то услышали стрекот винтов геликоптера где-то у себя над головами.

И взошло солнце. Геликоптер завис над вырубкой; его головные прожектора казались глазами гигантского мотылька, винты — крыльями.

— Фрэнк!

Он сграбастал ее, затолкал в машину, а сам упал за руль.

— Пожалуйста, не пытайтесь предпринять попытку к бегству! — Это был голос Ти.

Он мог попытаться подать машину задом с вырубки, но это наверняка привело бы к плачевным результатам на таком бездорожье, усеянном пнями. Лучше было попробовать прорваться через них. Джеймсон, Ти и еще один андроид, помеченный буквой «К», направлялись к ним, увязая в снегу и достав оружие. Он опустил окно.

— Что вы хотите?

— Если вы закупали продукты в то утро, мистер Кауэлл, — крикнул в ответ запыхавшийся Джеймсон, — то почему ни один лавочник в радиусе пятидесяти миль от вашего дома не зафиксировал в своем журнале ваши покупки?

Ти уже находился на расстоянии двадцати футов прямо перед машиной.

Он выжал акселератор до пола, врубил на всю решетки-радиаторы и почувствовал, как тряхнуло машину, когда Ти оказался под колесами, а второй андроид получил такой скользящий удар корпусом «чемпиона», что ему напрочь оторвало руку. Мотор работал с надрывом. Кауэлл не мог в темпе выбраться из сугробов, так как решетки-радиаторы для расстапливания снега были не в состоянии работать сильнее, а они и так уже пахали на пределе. Он резко вывернул руль влево, развернул «чемпиона» и погнал обратно по тому пути, который уже очистил от снега, когда приехал на вырубку. Он промчался мимо Джеймсона, который едва успел отскочить в сторону. Оба андроида не подавали признаков жизни.

— Мы свободны! — восторженно воскликнул он.

Вибролуч прожег аккуратную дырочку в заднем стекле и поразил Лауру в висок. Она мягко привалилась к нему, из уха у нее капала кровь...

Он мог воплотить луну в образ: «Луна свысока взирает с небес». Мог сделать из девушки розу: «Она была розой, нежной и хрупкой». Мог придумать такие метафоры, что они не могли не вызывать улыбки на лицах, мог сотворить аллитерацию для каждой строчки, сколько бы их ни было. Но он был не в состоянии остановить кровь, капающую из уха.

Он мог встать утром, как дракон из моря.

Окутанный солнцем, облечь свои мысли в слова.

Мог, ложась спать, испытывать удовлетворение почти такое, какое испытывает Бог.

Но остановить кровь — это было выше его сил.

Она лежала на заднем сиденье, лицом вверх, бледным и казавшимся призрачным в слабом свете, который пробивался сквозь шторки заднего окна. Кауэлл, пристегнув себя ремнем безопасности, яростно вцепился в руль. Куда теперь? Сколько у них уйдет времени, чтобы перекрыть все дороги? Лесная вырубка осталась в пятнадцати милях позади, но за последние годы мир сжался до размеров апельсина и по новым меркам пятнадцать миль — не больше чем его зернышко. Возможно, следовало найти небольшой городок и — с пистолетом в руке — силой заставить какого-нибудь врача позаботиться о ней. Спрятать «чемпион» в гараже у доктора. Он сбросил обороты, рез-

ко развернулся на перекрестке, заставив колеса пропахать в снегу колеи.

Ее ухо, казалось, было покрыто тонким слоем ржавчины — только жидкой и липкой.

До Колдуэлла двадцать шесть миль...

До Колдуэлла девятнадцать миль...

Он уже был за девять миль от Колдуэлла, когда над верхушками деревьев, скрывавших из виду большую часть дороги, сверху запорхал геликоптер. Машину омыло болезненно ярким желтым светом. Он вывернул влево, вправо, пытаясь увиличнуть от луча прожектора. Но они расширили поток света и накрыли обе проезжие полосы. Пули вспороли мостовую прямо перед ним. Одна, взвигнув, отскочила от капота. Несколько вибролучей заставили вскипеть небольшие участки дороги. Затем вдруг настала темнота — и никакого геликоптера как и не было.

Замедлив ход, он опустил стекло, прислушался. Никакого стрекота проклятых винтов, немилосердно молотящих воздух. Исчез, как в воду канул, а не просто отлетел в сторону. Возможно, врезался? Однако не было слышно ни взрыва, ни треска, как при падении. Он поднял окно и поехал дальше. Раз они засекли его возле Колдуэлла, то теперь придется обехать городок стороною. В пятидесяти милях отсюда лежал Степлтон.

Он оглянулся на заднее сиденье — и у него засосало под ложечкой при виде жены: в ко-

матозном состоянии, кожа — пепельного цвета. Отвернулся и вновь выжал акселератор до пола.

Степлтон через тридцать две мили...

До Степлтона двадцать четыре мили...

В окрестностях Степлтона располагался блокпост. Семь людей и семь андроидов. И они чертовски хорошо знали, чей автомобиль приближается, поэтому все держали оружие наготове...

Смерть — это не то, что подкрадывается к нам в черном балахоне, пуская слону. Смерть нельзя увидеть...

Это невозможно!

Ее мир — кладбище.

Высоко над ним катилась луна, над самой головой висели облака, как клочья савана, зацепившиеся за ветви мертвых деревьев и хлопающие на резком ветру. Он карабкался вверх по склону холма в холодном воздухе; встречные порывы ветра, смешанного со снегом, заставляли его щуриться.

— Добрый вечер! — поприветствовал его сержант похоронного бюро.

— Добрый вечер! — отозвался он...

— Все обратится во тлен, — провозгласил бальзамировщик со своего насеста на смотровой вышке.

— Все превратится во прах, — напутствовал могильщик.

Он оставил всех их без внимания. Упорно карабкался по склону холма на вершину, туда, где гробница впилась в небо, как сломанный зуб. Где-то глухо стучали в барабан. Где-то звенел колокол...

Он надавил плечом на каменную дверь, почувствовал, как та поддалась на заржавевших петлях, услышал, как они заскрипели, услышал, как внутри забегали крысы. Вступив под своды гробницы, сопровождаемый лунным светом, который хлынул следом за ним, направился к саркофагу. Они заключили ее в гроб из известняка, чтобы ускорить процесс гниения трупа. Почекуму-то это наполнило его яростью. Он отбросил непомерно тяжелую крышку и взглянул на ее бледное лицо. Нежно — как же нежно! — вынул ее из гроба и поместил на мраморную плиту на свободное место, еще не занятое очередным покойником.

Где-то слышался благовест, постепенно отделяясь; на задворках — опять же непонятно где — служили панихиду.

И он готов был воздать хвалу; готов был разразиться панегириком...

Свет луны с высоты во мне будит мечты
О прекрасной Аннабель Ли!
В блеске звезд в небесах вижу свет я в очах
Прекрасной Аннабель Ли!
И вот так, ночи все напролет, рядом с той, что
живет

В моем сердце, бок о бок лежу и покой сторожу
нареченной моей.

Там, где море поет у могильных камней,
Я в гробнице лежу рядом с ней...

Он был уже за три мили от Степлтона. И никаких стражей!..

Он согнал машину с дороги и задумался. Уж не сходит ли он с ума? Где же патрульные и куда подевался блокпост, который всегда был здесь? Что же тогда реально: кладбище или полиция? Наверняка полиция! Он же не Эдгар Аллан По, который спал со своей умершей возлюбленной. Кроме того, его жена не умерла. Он обернулся и взглянул на нее. Лицо ее сморщилось, как от боли. Окликнул ее по имени. На краткий момент ему показалось, что она отвечает. Но ее губы даже не шевельнулись. Он отвернулся от нее и глянул прямо перед собой. До Кингсмира — десять миль. А там что произойдет? Посетит ли его вновь видение кладбища? Или еще случатся какие-то непонятные вещи? Он внезапно вспомнил исчезновение геликоптера, и его бросило в дрожь. Медленно выехал обратно на дорогу...

...Он проснулся и поцеловал ее в шею.

Ее пышные черные волосы рассыпались по обнаженным плечам, покрывая грудь, завитками выбиваясь из-за розовых ушек...

Она поцеловала его в ответ.

А затем она лежала в известняковом гробу... Сначала теплая и живая... потом холодная и разлагающаяся... Снова порхал геликоптер. Геликоптер исчез — никто не успел и глазом моргнуть — в мире, где люди внезапно позабыли о том, что научились летать... Затем он возник снова, преследуя странную пару, которая сбежала давным-давно, когда мир на несколько секунд стал совсем другим...

Надгробия...

В мгновение ока!

В мгновение ока! В мгновение ока!

Он очнулся на две мили ближе к Кингсмиду. И все уже знал! Загнал машину прочь с глаз и пробрался к заднему сиденью, где лежала она. Провел пальцами по ее лицу, под подбородком, ощущив, как кровь пульсирует в жилке ее шеи. Лаура изменяла реальность. Почекуму-то в коматозном состоянии, в котором она сейчас пребывала, ее психическая мощь изливалась постепенно, а не так, как раньше — сразу, подобно взрыву. Все ее паранормальные возможности сейчас находились под контролем! И они заключались не только в способности к телепортации и чтению чужих мыслей, они представляли собой нечто гораздо большее — возможность изменить Вселенную. Тог-

да, некоторое время тому назад, когда он подумал, что ему только почудилось, что она отвечает, оказалось, что она и на самом деле ответила, — и сейчас он об этом точно знал. То, что губы не шевелились, роли не играло.

— Лаура, ты можешь слышать меня?

Ответ «да» донесся словно откуда-то издалека — ему пришлось напрячься, чтобы расслышать.

— Лаура, ты услышала геликоптер, распознала на расстоянии оцепление и блокпост. И ты изменила время и реальность, пока машина, перемещаясь вне обоих миров, не миновала опасную точку. Разве не так?

— Да, — донеслось откуда-то издалека.

— Послушай, Лаура, кладбище — это все неверно. Чертовски поэтично, но неверно. Верно другое. То, где мы в постели, Лаура. — Он потрепал ее по подбородку. Поцеловал в губы и попытался заставить ее сосредоточиться. Услышал сирены на дороге и заговорил быстрее...

Он говорил о мире, где никогда не бывает галлюциногенных детей. Говорил о мире, где все нормальные...

Он проснулся раньше нее и лежал, вслушиваясь в ее прерывистое дыхание: как шелест пенры морского прибоя на прибрежных камнях.

Вид из окна радовал глаз. Снег шел с самого ужина. Поодаль, за седой ивой, лежало шоссе — черная размытая полоса в словно заново побеленной удивительной земле. Там расчищали дорогу, так как нагревательные кольца в ее потоке снова вышли из строя. Почему-то ему показалось, что все это он уже видел прежде. Словно вновь ожившее эхо.

Мечты, парящие в небе, сгорают
От молний и пеплом посыпают
Головы тех, кто в снегу, молясь перед амвоном,
Готовят сказочные котильоны...

Он не был уверен: бессмысленны эти стихи или нет. Более того, они казались навязчиво знакомыми. Он тихо повторил их.

- Фрэнк? — спросила она.
- Знаю.
- Уже скоро.
- Я выгоню машину из гаража.
- А снег?..
- По-видимому, об этом позаботились, — ответил он, чувствуя, что то же самое уже было сказано однажды перед этим.
- Я люблю тебя, — сообщила она, когда он проходил через дверь в наполненную тенями гостиную. Это всегда заставляло его вздрагивать: ее лицо, голос, наконец, слова. Дрожь, однако, не прошла — от позвоночника она распространялась по всему телу, проникая в каж-

дый нерв. Чего он так боится? И отчего такое чувство, что все это так знакомо? То, что он опасается за Лауру, — это вполне естественно — она же беременна. Внезапно ему до чертиков захотелось, чтобы это была девочка. И затем дрожь прошла, как только он вышел за машиной. Ему стало тепло, мир казался удивительным, и ощущение того, что все это было прежде, пропало. Все вдруг выглядело другим и новым.

СОДЕРЖАНИЕ

ДУША ТЬМЫ. Роман

Перевод с английского П.В. Рубцова 7

УБИВАЮЩИЕ ВЗГЛЯДОМ. Рассказ

Перевод с английского П.В. Рубцова 197

ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЕ ДЕТИ. Рассказ

Перевод с английского П.В. Рубцова 224

Кунц Дин
K91 Душа тьмы: Роман, рассказы / Пер. с
англ. П.В. Рубцова. — М.: ЗАО Изд-во
Центрполиграф, 2002. — 253 с.

ISBN 5-227-01270-9

В романе «Душа тьмы» военные лаборатории будущего работают над созданием биологического оружия. Подвергая человека бесчисленным генетическим мутациям, они порождают существ с мощными телепатическими и интеллектуальными способностями. Телепат Симеон Келли получает от ФБР задание исследовать мозг гениального ребенка, чтобы выведать секрет абсолютного оружия. Изучая его внутреннюю реальность, Келли оказался запертым в нечеловеческом разуме...

В книгу также вошли рассказы «Убивающие взглядом» и «Психоделические дети».

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

Литературно-художественное издание

Дин Кунц

ДУША ТЪМЫ

Фантастические произведения

Ответственный редактор *В.И. Мельник*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 27.12.2001
Формат 70x90¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 9,01
Доп. тираж 10 000 экз. Заказ № 88

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДИСКИ

Душа тьмы

Военные лаборатории будущего в целях создания биологического оружия экспериментируют с человеческой природой. Путем генетических мутаций им удалось создать человека с мощными телепатическими способностями – Симеона Келли. Он получает задание исследовать мозг ребенка-гения, такого же продукта лаборатории, чтобы узнать секрет абсолютного оружия. Но планы военных могут рухнуть – Симеон оказался запертый в нечеловеческом разуме странного существа и может вернуться в свое тело, лишь решив проблемы его подсознания.

ISBN 5-227-01270-9

9 785227 012708

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ®